

СОВДИТ.РУФ

ВИТРАЖИ

№2(3) 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЪМАНАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВИТРАЖИ

ВИТРАЖИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№ 2(3) 2016

МОСКВА

УДК 82 (059)
ББК 84 (82Рос=Рус)

ВИТРАЖИ 2016, №2(3)

Международный литературный альманах

Редакционная коллегия:

Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ
Эльмара ФАУСТОВА
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ
Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН

Редакционный совет:

Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Арон ГААЛ (Венгрия)
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Владимир БРЮХАНОВ (Германия)
Ирина СОТНИКОВА (Крым)

Учредитель и издатель

ООО «Содружество Современных Литераторов»

Адрес сайта в интернете: <http://совлит.рф>

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

Редакция оставляет за собой право на редактирование
авторских текстов

© ООО «Содружество Современных
литераторов», 2016

ISBN 978-5-9908192-9-0

Дорогие наши читатели!

Мы предлагаем вам новый выпуск Международного литературного альманаха «Витражи». Уже третий, если учитывать, что мы являемся непосредственными преемниками альманаха «Предлог.com».

В наше время, когда печатное слово переживает нелёгкие времена, каждый читатель важен для нас.

Лауреат Нобелевской премии 2010 года, перуанский писатель Марио Варгас Льюса признавался: «В пять лет я научился читать. Ничего более важного в моей жизни больше и не произошло». Он так считает, потому что ничто так не обогащает наш внутренний мир, как регулярное чтение художественной литературы. И вряд ли что-то предлагает столь увлекательное приключение, в котором читатель играет роль не меньшую, чем герой.

В альманахе «Витражи» печатаются очень разные авторы, и каждый из них старается выразить себя, свои уникальные мысли и воззрения, быть оригинальным. Некоторые даже следуют совету испанского поэта Хуана Рамона Хименеса: «Если тебе дадут линованную бумагу, – пиши поперёк». Из этих отдельных самобытных произведений мы стремимся создать содержательный художественный витраж, привлекающий внимание разных читателей. Мы надеемся, что в этом альманахе найдут для себя интересное и познавательное как молодые читатели, так и любители чтения старшего поколения.

Главное, что наши витражи – цветные. Потому что черно-белых, а тем более серых витражей не бывает.

Редакция

ПРО ЖИЗНЬ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Писатель, публицист, драматург, педагог. Печатается с 1949 г. Член СП СССР с 1963 г. Родился 5 мая 1932 года в Киеве. В Москве окончил школу и Литературный институт. Секретарь СП Москвы, автор более сорока книг и пятнадцати пьес, сценария к фильму режиссёра Киры Муратовой «Короткие встречи». Произведения переведены на сорок с лишним иностранных языков. Пьесы более трехсот пятидесяти раз ставились в театрах России и Европы. Лауреат российских и международных литературных премий, в том числе премий «Литературной Газеты», журнала «Огонёк», «Венец» (1997).

ЖИТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ХОРОШО

Из дневника писателя

Записка, спрятанная в бутылке

*Что век литературы кончился,
я понял лет десять назад, когда
Женя Ештушенко выпустил свои
новые стихи тиражом в одну тысячу
за свой счет.*

Нелепое занятие, а то и вовсе дебильное – начинать новую книгу в России в Двадцать первом веке. Написать, наверное, смогу: и мысли есть, и мастерство не пропил. В современной технике (компьютер, Интернет) слаб, но есть дочка пятнадцати лет, если что, подстрахует. Проблема в другом – кто будет читать? Кому, вообще, сегодня нужна серьёзная книга?

У меня печальное ощущение, что великое изобретение Гуттенберга почти полностью исчерпало свой ресурс, наша эпоха подбирает последние крошки. Я всю жизнь собирал книги, с радостью видел, как растёт библиотека, как теснятся на полках разномастные томики, каждый из которых в человеческой жизни незаменим. Ну, кем заменишь Лермонтова, или Чехова, или Цветаеву, или Булгакова, или Ремарка, или Сэлинджера? Но это для моего поколения. Ведь для многих из нас,

как и для наших предшественников, любимым занятием было рыться в книгах. А недавно спросил взрослого внука, нужна ли ему домашняя библиотека. Парень деликатно пожал плечами. А потом объяснил, что полки с книгами – это прошлый век: проще купить ридер с хорошей памятью и закачать в него всю прежнюю и современную классику.

Не знаю, прав Мишка или нет. Но дочка, пятнадцатилетняя Алёнка, читает много – но листает не книги, а электронные страницы своей игрушки размером в общую тетрадь. Всё, что нужно для школы, всё, о чем судачат подростки, туда легко влезло, а понадобится, влезет впятеро больше. А самые знаменитые библиотеки мира, боюсь, скоро превратят в музеи. Школьники будут приходить туда на экскурсии, с любопытством смотреть на тиснёные переплёты, как мы нынче смотрим на вавилонские черепки с клинописью или на древние пергаменты. Хотя, что школьники! Я ведь и сам за нужным текстом не иду в главную библиотеку страны, а набираю десяток букв на клавиатуре компьютера – и мудрость веков услужливо выскакивает на монитор.

Один мой приятель, о котором, может быть, ещё расскажу, в середине восьмидесятых побывал дома у академика Сахарова. И с почтительным изумлением рассказывал, что в коридоре у Андрея Дмитриевича стен не было видно из-за книг. А что сегодня изумило бы моего приятеля? Ридер на тумбочке?

Три десятка лет назад считалось, что книга лучший подарок. Может, книгу спасут юбилеи? Мои друзья основали издательство, которое специализируется как раз на лучших подарках. Там печатают классику тиражом в сто экземпляров – зато на самой дорогой бумаге, с золотым обрезом, в тиснёном кожаном переплете ручной работы. И всё это производится в центре Европы, в красивом городе Вена. Книги издаются сериями, в каждой десять названий. Стоит такой томик ровно тысячу евро. И весь тираж расходуется!

Замысел был гениален, потому и удался. Представьте себе, миллионер идёт на день рождения к коллеге. Что дарить? Часы, как у патриарха? Есть часы! Мерседес? Есть Мерседес! Феррари? Даже для миллионера дороговато. Корзину роз? Скажут, миллионер, а жмот. А серию книг в уникальных переплётах за десять тысяч баксов – и оригинально, и интеллектуально, и по цене прилично, и запомнится, и знакомым расскажут.

Мою книгу о поэтах-шестидесятниках хотели издать в этой серии. Я сперва загордился, потом загрустил. Ни друзьям подарить, ни даже себе оставить экземплярчик – увы, не по карману. К счастью, рукопись понравилась корректорше, та сказала, что сама купила бы такую. Поэту решили выпустить книгу в обычной обложке, без золотого обреза, зато приличным тиражом. А книжку в обычном переплёте люди станут читать – для чего она, по сути, и писалась. Но это, спасибо корректорше, моя удача, счастливый случай.

Что век литературы кончился, я понял лет десять назад, когда Женя Евтушенко выпустил свои новые стихи тиражом в одну тысячу за свой счёт.

Всё когда-нибудь кончается. Несколько веков назад переписчик с красивым почерком был уважаемым и состоятельным человеком. «Евгений Онегин» написан гусиным пером. Я сам в школе макал железное пёрышко в чернильницу-невылившку. Пишущая машинка, подаренная родителями к тридцатилетию, стала для меня настоящей технической революцией. А сегодня сплошь компьютеры, из моих друзей пишет ручкой один Фазиль Искандер.

Нынче совсем не плохие стихи выходят тиражом в триста экземпляров – как сто лет назад печатались Ахматова, Цветаева и Мандельштам. Нормальный тираж: подарить друзьям хватит, а посторонним новые поэты не нужны, они и старых-то не читают. Впрочем, современные Есенины по издательствам ходят редко – Фейсбук даёт им гораздо большую популярность.

В очередной раз сменилась эпоха. Полтысячи лет книга образовывала, воспитывала и служила самым очевидным мерилom человеческой ценности (Что ты читал?). Уже в нашем веке величайшее достижение умного человечества победили американские инженеры, японские электронщики и нью-йоркский мальчишка Марк Цукерберг.

Так зачем писать ещё одну книгу?

Моряк-неудачник, островитянин с разбитого корабля, сочиняет записку, сует в бутылку, заливает горлышко смолой и бросает это безнадежное послание в море. Дурак? Наверное. Но лучшего варианта у него нет. Записку, спрятанную в бутылку, может, кто-нибудь и прочтёт. Ненаписанную записку не прочтет никто.

Дни Победы

Завтра день Победы – 9 Мая. Великий праздник, единственный бесспорный в нашей раздёрганной корыстными идеологами стране. У державников свои памятные даты, у церковников свои, даже бритоголовые придурки собираются в день рождения Гитлера. Но 9 Мая – праздник общий.

Впрочем, и это не так. Весь мир Днём Победы считает 8 Мая. Тут вышла нестыковка. Фашистские лидеры, те, что уцелели, пришли сдаваться к западным союзникам, и те подписали акт капитуляции разваленного Рейха. Наши справедливо возмутились. И акт капитуляции был подписан ещё раз, на следующий день, на этот раз всеми победителями. Тут уж центральной фигурой был маршал Жуков. Так и получилось, что война заканчивалась словно бы два раза.

Но я случайно узнал, что есть и иные Дни Победы.

Как-то в день рождения, 5 Мая, я оказался в Голландии, в Амстердаме, и удивился флагам на улицах. Двенадцатилетний мальчишка из

Днепропетровска, увезённый родителями с Украины в благополучную западную страну, сказал мне, что голландцы празднуют победу в войне, День освобождения. Именно пятого мая 1945 года, сказал мальчишка, американские и канадские войска освободили от немцев Нидерланды.

– Но ведь День Победы девятого, – возразил я, – именно девятого немцы капитулировали в Берлине. Пятого просто вас освободили американцы.

– Американцы и канадцы, – твердо уточнил мальчишка, – для него это было важно.

И я понял, что он по-своему прав. Это для меня Голландия вроде мухи на карте Европы. А для него-то главная страна в жизни. И он точно помнит, кто именно и когда её освобождал.

Кстати, маленькая Голландия, муха на карте, производит намного больше современных товаров, чем огромная Россия, и нам оттуда везут не только новейшую технику, но и сыр, и масло, и помидоры, и цветы к нашим праздникам, и ещё всякую всячину, для которой на наших пространствах, видимо, не находится места.

А мальчишка, хорошо знающий историю своей скромной победы, говорит по-русски, по-украински (оба языка родные), по-голландски в совершенстве и по-английски практически свободно. Так что я не уверен, что мои юные соотечественники смогут достойно конкурировать с ним на планетарном ристалище. И, значит, в обозримом будущем моя самая просторная на свете империя, со всеми своими неисчерпаемыми недрами, вряд ли догонит крохотную страну, где ещё царь Пётр учился строить корабли.

Он, как известно, не стыдился учиться и не любил хвастаться.

Фразы, делающие судьбу

Я не люблю тяжеловесное слово «судьбоносность» – оно чересчур помпезно, и история у него дурная и грязная. При коммунистах каждый их пленум, тем более, съезд объявлялся судьбоносным, хотя на судьбу страны никакого практического влияния не имел: принимали решения, провозглашали лозунги, а страна медленно, но неуклонно погружалась в трясины.

Хотя, конечно, иной поступок оставляет колоссальный след в истории.

Когда Пётр начал строить в устье Невы новую столицу России с главным портом страны, он обозначил на века вперёд европейский выбор нашего с вами отечества. И как бы нынешние идеологические холуи ни твердили о нашей самобытной суверенности, их угодливые речи разбиваются о гранит питерских набережных. Россия – Европа, и ничем иным ей не бывать.

Реформа Александра Второго – освобождение крестьян – сделала Россию великой страной. Потом было много всякого, но народ, надывавшийся свободой, рано или поздно сбросит любой хомут.

Ельцин, взойдя на танк у Белого дома, обозначил конец ига, которое было пострашнее татарского. Да, пил, да, говорил коряво, да, оркестром дирижировал – но тюрьму развалил, и построить её заново ни у кого не получится.

Но я не историк, и я сейчас об ином – о коротких фразах, которые иногда оказываются не слабей поступков и определяют судьбу человека. А, случается, и целой страны.

После Февральской революции на одном из многословных собраний в ответ на утверждение меньшевика Церетели, что ни одна партия не может в одиночку взять на себя ответственность за судьбу страны, Ленин выкрикнул с места: «Есть такая партия!». Этими тремя словами Владимир Ильич сразу обозначил себя как политического лидера, а стоящую за ним не слишком влиятельную группу молодых революционеров как решительную и амбициозную силу. Во что позже вылилась претензия большевиков на власть в России, вопрос другой. Но яркая ленинская фраза вполне тянет на судьбоносную.

В годы Перестройки политические судьбы возникали порой мгновенно. Юрий Афанасьев и раньше был талантливым историком и умным человеком. Но кто об этом знал? Разве что его приятели да студенты, обожавшие ректора не слишком престижного Историко-архивного института. В первом относительно свободно избранном Верховном Совете подавляющее число голосов имели коммунистические функционеры. У них, например, вполне хватало ладоней, чтобы «захлопать» Дмитрия Сергеевича Сахарова. Афанасьев, буквально на секунды получив трибуну, бросил в лицо враждебной аудитории унижающее определение: «агрессивно-послушное большинство». И сразу это большинство потеряло авторитет и силу, а афанасьевская формула стала несмысленным клеймом.

Одному из многих экономистов, Гавриилу Попову, тоже понадобились три слова, чтобы обозначить важную развилку российской истории. «Экономика социализма» была в эпоху диктатуры священной коровой. Поднять на неё руку было почти бессмысленно. Хотя никто из советских идеологов не мог объяснить, что это, по сути, такое. Анализируя роман Александра Бека «Новое назначение» в журнале «Наука и жизнь», Попов назвал эту неприкасаемую экономику «административно-командной системой». От честного анализа она разом утратила всю свою «святость», и рыночные реформы стали неизбежностью. Неизбежностью стало и стремительное возвышение Попова: его огромным большинством выбрали первым мэром столицы. Правда, Гавриил Харитонович быстро понял, что в руководящем кресле он чужак, и ушёл добровольно, оставив высокое начальственное место своему заму, Юрию Михайловичу Лужкову, на котором мундир градоначальника семнадцать лет сидел, как влитой.

Впрочем, всё это длинное вступление лишь подводка к главному, о чем я хочу рассказать.

«Моей книге «О любви» очень повезло – её издали в Швеции тиражом в 185 000 экземпляров, фантастическим не только для девяти-миллионной Швеции, но и для любой зарубежной страны. Ни одну русскую книгу за границей столь массово не печатали. Конечно же, мне просто выпала счастливая карта. В эпоху Горбачёвской перестройки интерес к России был колоссален, и наши книги активно переводились. Но у читателя шли плохо. Реалии советской жизни цивилизованным европейцам были просто не понятны. Например, в великом романе Рыбакова «Дети Арбата» героя ночью забирают из дому и высылают в Сибирь. Какая-то английская читательница по этому поводу задала естественный для неё вопрос: «Если к человеку ночью вломились какие-то люди, почему соседи не вызвали полицию?». А книга о любви, на моё счастье, была понятна всем. Почему, кстати, и удостоилась первой в истории Швеции читательской конференции.

Моим редактором была знаменитая журналистка Мика Ларссон. Она была главным редактором крупнейшего издательства Скандинавии «Бра беккер», что означает «лучшие книги». Зарплата ей была положена по тем временам громадная: четыреста тысяч долларов в год. Жила она вдвоём с пятилетним сыном в небольшом городке Энгельхольм, где, кстати, размещалось и издательство.

Мы быстро подружились, и, приезжая в Швецию, я всегда старался встретиться с Микой.

Как-то я навестил её дома, и Мика между делом сказала, что теперь работает на полставки. Я удивился – почему? Оказалось, сама ушла. По простой житейской причине: сын растёт, и хочется проводить с ним больше времени.

– А не жалко терять ползарплаты? Всё же двести тысяч.

И вот тут Мика произнесла фразу, которая для меня стала судьбоносной. Она сказала:

– Но ведь я не могу жить лучше, чем хорошо.

Мне понадобилось не меньше минуты, чтобы освоить эту очень простую истину.

Мика жила в двухэтажном доме на семь или восемь комнат, с зелёным садиком. У неё была машина – не роскошная, но вполне удобная. Она занималась любимой работой. Денег хватало на любую еду, хоть на икру, если бы захотелось. Она могла поехать в любой конец света, хоть на Бермуды, хоть в Австралию, и деньги на билеты не пришлось бы копить. Драгоценности она не носила – да и зачем бриллианты человеку, которого полстраны узнаёт в лицо.

Что бы ей добавили дополнительные деньги? Строго говоря, ничего. Только стала бы меньше видеться с сыном.

Швеция (а я там бывал около двадцати раз) научила многому. А больше всего, пожалуй, научила Мика той самой судьбоносной фразой. Я на всю жизнь понял: надо жить хорошо, а лучше, чем хорошо, всё равно не получится.

Недавно у меня в гостях оказалась женщина лет сорока, мать троих детей, начинающая писательница. Она уже знала, что серьезной прозой сейчас заработать невозможно, и спросила меня:

– Почему вы, известный драматург, не пишете для телевидения?

Я ответил, что не люблю сериалы.

– Это же такие деньги!

Тут я и вспомнил судьбоносную фразу Микки Ларссон:

– Но ведь я не могу жить лучше, чем хорошо.

Похоже, собеседницу я не убедил. А, может, она не жила хорошо. Тогда дай ей Бог побольше денег.

Мудрость островитянина

На тропическом острове Маргарита я услышал байку, очень похожую на правду – а, может, она и была правдой.

Маргарита часть Карибского архипелага, тут много туристов, даже русских можно встретить. Мне рассказывали, что однажды состоятельный американец увидел местного жителя, который лежал под кокосовой пальмой и смотрел на море. Американец спросил:

– Вот эти пальмы – твои?

– Мои, - ответил островитянин.

– На них же полно орехов, почему ты их не собираешь?

– А зачем?

– Продал бы, заработал деньги, купил соседнюю рощу.

– Зачем она мне?

– Нанял бы рабочих, они бы собирали орехи и продавали за хорошие деньги. Ты бы сразу разбогател!

– Ну и что?

– Как что? Они бы работали, а ты лежал под пальмой и смотрел на море.

Островитянин удивился:

– А я что делаю?

Людмила ПОПОВА

Член Академии российской литературы, член Союза российских писателей. Много лет проработала в Минвнешторге и в МИД России, в том числе за границей. Автор книг: «Африка» (2009), посвящённая командировке на далёкий континент, сборники рассказов «Тайны Ласточкиного гнезда» (2012), «В лучах волшебного фонаря» (2015). Автор коротких рассказов и переводов с французского в альманахе «Московский Парнас». Живёт в Москве.

ОСТАП И МИКОЛА

Рассказ

Очнулся Остап, вокруг никого. Видно, ребята приняли его за убитого и ушли. А может, он один в живых остался? Прислушался: только ветер в кронах деревьев стонет. Никого не слышно, ни людей, ни птиц. И сумерки надвигаются. Попробовал встать, но движение вызвало резкую боль в животе. Он снова упал на спину и забылся. Когда очнулся снова, разглядел наклонившегося над ним человека.

– Ну, чего, браток, не могёшь идти? Я подсоблю.

Слава Богу, свой, не враг. Остап глубоко вздохнул и опять содрогнулся от жуткой боли.

– Щас, браток, потерпи малость, щас, – тихо успокаивал его голос.

Говорил по-русски. Москаль стянул с себя гимнастёрку, потом рубаху. Рубаху разорвал на две части и перевязал Остапу рану на животе, отчего тот застонал сквозь зубы и потерял сознание. Когда пришёл в себя, почувствовал, что ползёт спиной по земле. Кто-то волок его на подстилке, сделанной из палок и солдатской гимнастёрки. Тот, кто тащил, видно выбился из сил и склонился над Остапом.

– Жив, браток? Ну, держись. Ты, видать, крепкий малый. Я тебя до деревни дотащу. Недалече деревня есть. Там люди нам помогут.

Он растянулся рядом с Остапом, и тот, повернув голову, заметил чёрное от крови плечо.

– Ты тоже ранен, – пробормотал он еле слышно. Боль в животе мешала даже говорить.

– Ах, ерунда по сравнению с твоей раной. Ногу, жаль, тоже ранило, идти быстрее не даёт. Ну, да всё равно доберёмся, так же? Ты потерпи, ладно? Как звать-то тебя?

– Остап.

– А меня Николай. В деревне меня кликали Микола.

– Спасибо тебе, Мыкола...

– Да не за что. Ты разве не так же поступил бы? Щас отдохну маленько, и дальше двинемся. Не больно тебе, когда волочу?

– Трошки...

Так они долго пробирались по лесу. Микола тащил братка до изнеможения, потом отдыхал, и снова в путь. Один раз он ушёл, как показало Остапу, надолго. «Кинув мене, тяжко тягти», – подумал Остап, но Микола появился с кружкой воды.

– Тут родник есть, попей, сил прибавится. Говорят, это святой источник. Вроде как кровь земная, целебная. Мы ведь дети её, землицы нашей... Попил? Ещё принести? Кружку я возле родника нашёл. Добрый человек для странников оставил. Для нас с тобой тоже. Теперь уже деревня почти рядом. Вернее, не деревня, а хутор. Несколько семей живут. Поскорей бы до них добраться.

Они оба задремали на сухих листьях, которые сгрёб в кучу Микола. Проснулись от солнечных лучей, гуляющих по лицу и векам. Где-то в ветвях громко и радостно чирикала птичка. Весна. Сквозь сухие листья пробивались к солнцу синие пролески. Такая благодать вокруг, словно никакой войны нет и в помине! Но вдруг раздался выстрел, и птичка замолкла, будто её убили. Послышался лай собак. Всё ближе, ближе. Так рывкают не глуповатые и добродушные деревенские псы, но обученные, яростные.

Микола поспешно вскочил и стал закидывать Остапа ветками и сухими листьями.

– Шо ты робишь? – удивился и испугался Остап.

Засыпав Остапа, Микола упал сверху на кучу. А фашисты с собакой уже совсем рядом. Увидели раненого полураздетого солдата на куче хвороста, выпустили очередь ему в спину и поспешили куда-то дальше, увлекая за собой собак.

Остап долго лежал, боясь пошевелиться. Когда собачий лай совсем утих, раздвинул ворох веток и листьев, кряхтя и стеноя от боли, отпихнул в сторону лежащего на нём Миколу и нащупал пульс на его руке: жив...

Теперь они поменялись ролями: Микола лежал на подстилке, а Остап, лёжа на спине, продвигался вперёд и тащил, тащил, рыча от боли, оставаясь лишь в те минуты, когда ускользало сознание.

Вдруг шорох веток. Остап так и застыл от ужаса: неужто снова фашисты? Детская головка показалась из-за ствола дерева. Испуганные, любопытные глазёнки.

– Дяденька, ты хто? Партизан?

И головка снова спряталась за дерево.

– Та свой я, свой, хлопчик, не страшись! Поможи нам! Зо мной друг раненый. Позови мамку или ще кого!

– Ладно, – ответил мальчишка. – Оставайтесь здесь. Я мигом... Я бегом...

Говорят же, что ждать и догонять труднее всего. Очень долго не приходил хлопчик. Остап совсем извёлся, прислушиваясь, не идёт ли кто. Не так за себя, как за Миколу переживал.

– Слухай, друже, не помирай, Христом Богом тебе прошу! Я тебе бильше брата ридного полюбив. Не помирай, браток! Щас придуть нам помочь...

Наконец, появились две женщины и старик с ручной тележкой. Погрузили Остапа на тележку. Взялись за Миколу да вдруг и говорят: а он мёртвый, друг твой. Ещё бы, вся спина изрешечена...

– Нет, вскричал Остап, – не може того бут!

И заплакал, как дитя малое. Стал просить, чтоб и Миколу положили рядом с ним в тележку. Ему говорят, за Миколой потом придут, а он ни в какую, положите рядом со мной, твердит. Положили их вдвоём. Одна женщина со стариком впереди тянут за жерди, а вторая сзади подпихивает. Везут их в деревню, а Остап всё плачет, не успокоится никак: ты мене спас, собою закрыв, а я тебе не убериг...

Уже другой молодой Остап открыл глаза, вытер слёзы, огляделся. Вокруг бойцы батальона храпят. Рано он проснулся, но спать больше не хочется. Встал и вышел из палатки. Не один раз переворошил он в памяти события прошлой недели. Тот парень, которого он каждую ночь видит во сне, это же тот, кого они тогда избили...

Остановили они с хлопцами на блок-посту фуру с москалячьими номерами. Водителей двое. Один покладистый, всё готов сделать, что прикажут, а второй строптивым оказался.

– Что вы, как бандиты, орудуете! Нам поручено доставить груз в целости и сохранности. Не имеете права останавливать! У нас все документы в порядке. Не смейте открывать! Не смейте ничего вытаскивать!..

Одним словом, достал всех. Ну и врезали ему по полной. Избили до полусмерти. Второй, покладистый, еле затащил напарника в кабину. Никто ему не мешал, но и помогать не стали. Уехали москали порожняком. Весь груз из фуры вытащили: ящики с продуктами и напитками. Что съели, а что разбросали на обочине дороги. Кто-то из братвы потом паспорт нашёл на имя Николая Петровича Воробьёва...

С той поры уже целую неделю снился Остапу этот москаль Николай. Сон повторялся каждую ночь один и тот же до мельчайших подробностей. И всегда просыпался он с промокшим от слёз лицом.

Да что же это такое?! Доколе ему так мучиться?! Кто-то присоветовал к знахарю пойти, колдуну, говорили, что помогает.

Отправился Остап. А что делать? Приходит к колдуну. Тот усадил его за стол, сам сел напротив. Какую-то чёрную бурду по тарелке размазал, долго её разглядывал и что-то бормотал. А потом и говорит:

– Узнал я всё. Это не про тебя и москаля избитого сон, а про деда твоего, что в войну с фашистами воевал. Это он твоими слезами плачет...

– Ну и шо мене зараз робить?

– От деда тебе надо отделаться.

– Так вин вже давно на тому свити.

– Его нет, а память осталась. Могу память о нём у тебя вытравить, будто бы его никогда не было.

Чуть было не согласился Остап. Потом одумался и отвечает:

– Не хочу я память о диди вытравлять. Вин гарный був. Я з ним и на рыбалку, и в лис по грибы ходив ... Вин мене жалувал. Не хочу я его забувати!

– Тогда, – говорит колдун, – не знаю, что с тобой делать.

Мир не без добрых людей. Кто-то ещё совет дал Остапу:

– А ты в церковь к батюшке не ходил? Ну, так сходи! Он может помочь лучше колдуна.

Разыскал Остап церквушку. Стёкла выбиты, стены осколками выщерблены, стоит, как израненный солдат после боя.

Вошёл, а внутри и того хуже: всё будто выпотрошено. Остановился, головой водит, изумляется. Вдруг старый священник показался. Встал в дверях и печально говорит:

– Ничего здесь не осталось, нечем тебе поживиться. Всё разбили и растащили...

– Я за помощью пришов, – робко ответил Остап, боясь, что прогонят.

Рассказал он святому старцу, который жил здесь со времён войны, свою историю. Тот выслушал внимательно и отвечает:

– Неспроста тебе сон такой снится – Микола, которого ты и твои батальонцы безжалостно избили, внуком доводится тому, кто жизнь за твоего деда отдал.

– И шо мене зараз робити, навчи, святий отче?! Немае кинця моим мукам.

– Вот, – говорит старец, – остался у меня обломок свечи. Держи в руке, пока догорит, и про деда вспоминай. Он тебе подскажет.

Зажёг батюшка кусочек свечи и подал Остапу...

С той поры пропал куда-то Остап. Никто из приятелей его больше не видел. Кто говорит, что он в родную деревню вернулся, где дед похоронен, кто доказывает, что он к москалям подался. Кто-то даже рассказывал, что среди защитников Донецка видел парня очень похожего на Остапа. А точно никто не знает. Точная судьба Остапа только деду известна...

Борис КУЗИНА

Писатель-прозаик, журналист. Кандидат исторических наук. Автор девяти книг. Опубликовал более пятидесяти рассказов, исторических очерков, критических статей в периодических изданиях Санкт-Петербурга, Хмельницкого, Каменца-Подольского, а также в газете «Польское слово» («Polske slowo», Варшава). Участвовал в выпуске литературных альманахов, в том числе «Альма-матер», «Изящное слово», «Творческая Подолия». Живёт в г. Хмельницком (Украина).

ЧАСЫ ЭРНЕСТО

Рассказ

Моим соседом в купе поезда дальнего следования оказался коренастый мужчина представительного вида. Под светлой рубашкой, к которой очень шёл тёмно-синий галстук, просвечивала тельняшка. Был он молчалив и невозмутим. Про себя я назвал его «старым капитаном». Хотя, как следовало из его рассказа, всю службу на море он провёл, будучи судовым электриком. Путь предстоял длинный, и я не спешил с расспросами. Впрочем, вечером за чаем он сам рассказал мне одну увлекательную историю, очень похожую на легенду. Она мне запомнилась, постараюсь передать дословно...

В конце апреля такого-то года наш сухогруз «Виссарион Белинский» причалил в бухте порта Гавана. Утром меня вызвал капитан Михаил Зиновьевич.

– Знаю, что вы владеете испанским языком. Давно практиковали? Не забыли?

– В ночную вахту разговаривал с кубинским лоцманом. Думаю – не забыл.

– Тогда с завтрашнего дня вы – официально наш переводчик. За время работы на Кубе будете получать две ставки. Одну за свою работу электрика, плюс за переводчика. Согласны?

– Согласен.

– Приступайте.

Этот день и все последующие утонули в хлопотах суровой военной жизни. С утра и до 14-15 часов я сопровождал своего командира в его визитах в штаб революции, посольство, консульство, торговое представительство. А когда возвращался на корабль, сразу становился разнорабочим наряду с другими членами команды. За лёгкую работу две ставки не платят.

Наш груз в официальных документах значился как «запасные детали для сельскохозяйственных машин». Но вся команда знала, что из этих запасных частей после их монтажа и отладки получаются зенитные комплексы, способные уничтожить любую авиационную технику. Разгрузка проходила под постоянными авианалётами контрреволюционеров. Мы и кубинцы почти ежедневно теряли убитыми своих товарищей. Поэтому, когда наши коллеги-сборщики смонтировали и подготовили к апробированию два комплекса, мы немного перевели дыхание. Очередная атака истребителей по сути сорвалась. Два самолёта из пяти кувыркнулись в небе и взорвались прямо посреди бухты. Наше «Ура!», наверное, было слышно аж в Касабланке.

После этого два дня мы жили спокойно. Теперь нападающие летели не только с юго-востока, но и со стороны Лос-Пиноса, Пунта Браво, да и той же Касабланки. Атаковали нас теперь внезапно, в любое время суток одним, редко двумя истребителями. Бесперывное психическое и физическое напряжение сильно истощили нас. И в то же время трюмы нашего корабля быстро пустели. Мы уже с меньшим нетерпением ожидали дня отправки на родину.

Наконец, этот день наступил. Он запомнился всем, и особенно мне. Ещё глубокой ночью, перед самым рассветом прямое попадание авиабомбы разворотило кормовой палубный участок. Загорелись надстройки, шлюпки. Пожары у нас случались часто. Как и в былые дни, экипаж работал слаженно, быстро. До полной ликвидации оставалось уже немного, но в это время прозвучала команда Петра Михайловича, старпома (капитан задержался на берегу):

– На тушении остаётся только ютовая бригада. Всем остальным построиться на пирсе, с инструментом!

Мы ничего не поняли, но встали шеренгой. Старпом стоял перед нами с каким-то старым негром в шкиперской форме и с костылем. Рядом какой-то мальчик. Тоже чернявый.

– Товарищи! – помощник волновался, говорил хрипло, быстро. Все подтянулись, прислушались.

– Времени для разговоров нет! Видите слева пожар на шхуне? Нагружена боеприпасами, взрывчаткой. Вся команда убежала. Не испугались только капитан шхуны и юнга. Счёт идёт на секунды. Приказать я вам не могу, но прошу от себя лично! Кто готов помочь нашим друзьям-кубинцам, шаг вперёд!

Все мы, конечно, не без колебаний некоторых, выступили вперёд.

– Благодарю! Я не сомневался! Приступить к тушению по нашему расписанию!

Через минуту мы были на паруснике. По подсказке одноногого шкипера подключили гидранты. Водой, песком, пеной, мокрым брезентом сбивали пламя с ящиков. Некоторые из них, полностью охваченные огнём, просто сбрасывали с палубы. Капитан шхуны успевал везде, хоть и на протезе. Наши тоже прыгали, как кошки.

Понемногу ночь отступала. В порту подняли тревогу. Увлечённые борьбой с огнём, мы не заметили, как пришла помощь. Первыми к шхуне подлетели джип и две пожарные машины. Из джипа выскочил военный кубинец – барбудос, в обычной оливковой форме, и начал распорядиться. Пожарные подключили рукава. Новые мощные струи воды ударили в огонь. Совсем рассвело, наступил новый день.

– Gasolina! – закричал шкипер, который вместе со мной работал на баке. Я поднял голову и увидел бочку на полубаке, около капитанского мостика. Её подняли из трюма, поставили на попа, но не успели скатить на берег. Внезапно от искры под ней вспыхнула легковоспламеняемая обшивка рубки. Теперь огонь облизывал смоченные мазутом бока и быстро поднимался вверх. Крик шкипера услышали наши матросы, работавшие на корме. Двое или трое из них выпрыгнули в панике на берег. Что творилось на корме, я рассмотреть не мог из-за сплошной стены огня, поднявшейся на участке ахтерпика. Огонь отделял и нас со шкипером от спасительного пути на берег. Пламя то угасало, то вновь вспыхивало, несмотря на то, что все струи воды были направлены на него. Нам со шкипером, для того чтобы спастись от взрыва, следовало прыгнуть в воду и попробовать вплавь добраться до берега. Мы также могли попытаться приподнять бочку, перевесить её через высокий борт и сбросить в воду. Одноногий отбросил костыль, бесстрашно, в один миг подпрыгнул к бочке, ставшей бензиновой бомбой, ухватился за нижний конец днища и крикнул:

– Помогай!!

Я, находясь рядом с ним, ухватился за горячий железный край. Но даже вдвоём мы смогли только немного приподнять бочку над палубой. И тут же отпустили, немогуту...

– Придётся прыгать в воду! – выкрикнул я ему по-испански.

– Ни за что! – ответил он.

В эту минуту словно мощный порыв ветра пронёсся над горящим участком палубы. Каким-то чудом около нас оказался тот барбудос с джипа, который приехал с пожарными. Кепи с его головы слетело во время прыжка сквозь огонь, волосы на голове загорелись. Я сделал первое, что пришло в голову – накинул на его шевелюру мокрую тряпку со швабры, валявшейся у моих ног, и потушил огонь. Мне показалось, что он совсем не обратил на это внимания.

– Возьми разом! – скомандовал бородач, встав между мной и шкипером. Теперь мы втроём, обжигая руки, всё же смогли, отчаянным

неимоверным напряжением всех сил, выпихнуть бочку за борт. И тут же без сил попадали на палубу. А бочка, уже в воде, взорвалась с такой силой, что шхуну качнуло и ударило кормой о причал. К счастью, снаряды не сдетонировали.

Я всмотрелся в лицо кубинца-командира, спасшего нас. Огонь с волос на голове тряпка сбила, но черная аккуратная бородачка подгорела основательно. Я – определённо – где-то уже видел этого человека.

– Вы из Одессы? – машинально спросил его по-испански.

– О! Вы – испанец?! А что такое Одесса?!

– Я переводчик. А Одесса – это черноморский порт в Советском Союзе. Это не вас ли я видел на крестинах?

– Нет, товарищ, – ответил он просто, – я там не был и впервые слышу о таком порте. Познакомимся, я – Эрнесто. Рад нашему знакомству.

– А я Виктор.

– Но простите, товарищ, я должен покинуть вас. Дела!

Он пробежал по обгорелой палубе, на которой ещё кое-где поднимались языки пламени. Спрыгнул на пирс, сел за руль своего джипа и помчался из порта.

Казалось, что это был последний опаснейший эпизод нашего нахождения в Гаване. Мы чувствовали, что пребывание на Кубе заканчивается. Уже совсем скоро будем в океане. А там – родная земля! Но, как оказалось, жизнь готовила нам новые сюрпризы. Вечером дегазация и подготовка к отплытию закончились. Ночь, как всегда в тропиках, наступила неожиданно, и в порту вспыхнули синие осветительные огни. И вдруг прозвучала команда:

– Общий сбор на пирсе!

Господи! Ну что там ещё! Устало поднялись, построились. В неярком маскировочном освещении увидели, что перед нами стоят наш капитан, старпом, боцман и рядом с ними наш новый знакомый – тот самый с подпаленной бородачкой. Позади них справа, метрах в пятидесяти, около железных ангаров стоял ещё один какой-то небольшой строй. Человек восемь, не больше.

– Моряки со шхуны. Всех нашли, всё-таки... – услышал я шёпот за спиной.

Вид у этих ребят, откровенно говоря, был довольно жалкий. Первым стоял знакомый шкипер с костылём, рядом юнга. За ними – совсем молодые ребята, явно не богатыри. Происходило что-то непонятное. У самого бока ангаров стоял какой-то штатский, который вдруг закричал прямо в лицо стоявшего перед ним командира-барбудоса:

– Ненавижу всех вас! И вашу революцию!

Командир резко выбросил вперёд руку с пистолетом и выстрелил. Штатский упал, а вся команда со шхуны как-то съёжилась. Ещё ниже опустили головы. Барбудос, напрягаясь, выкрикивал испанские ругательства. Наши моряки ничего не понимали, а я и не собирался переводить. «Труссы! Изменники!», что уж тут...

– Товарищи! – это к нам обратился наш капитан. Взмахом руки он подозвал меня и сказал, понизив голос:

– Встаньте рядом с кубинцем, будете переводить.

И продолжил:

– Товарищи! Через час наше судно покидает Гавану. Мы выполнили важное правительственное задание. От себя лично и от руководства Черноморского торгового пароходства хочу поблагодарить вас за самоотверженный труд! В память о наших боевых побратимах, погибших здесь, объявляю минуту молчания.

Мы сняли головные уборы, и, встав на одно колено, опустили головы. Помолчали.

– Прощальное слово от командования революционных сил скажет член высшего правительственного органа – Государственного Совета Кубы товарищ Эрнесто!

Вперёд выступил кубинский бородач. Я переводил:

– Дорогие братья! Наша революционная Куба сегодня находится в таком положении, когда с одной стороны острову постоянно угрожают боевые корабли, авиация, базы и морская пехота, а с другой — мы получаем бесценную помощь от вашей страны. Она помогает нам сохранить нашу целостность и суверенитет. С утра я видел, как вы все, товарищи, мужественно презирая опасность, ликвидировали пожар на своём корабле и без колебаний помогли нашим морякам и пожарным. Благодаря этому был спасён от взрыва наш порт и жизнь многих людей. Правительство Кубы выделило вам провизию на весь ваш поход на родину, — он показал рукой на два грузовика, наполненные пакетами и ящиками. Затем продолжил:

– От всего сердца благодарим вас за помощь и солидарность с нашим народом! Счастливого возвращения в родные моря! Да здравствует наша дружба! Да здравствует революционная Куба! Мы — победим!

Затем он прошёл вдоль строя. Вглядывался в лица, пожимал руки. Остановился около меня.

– Товарищи! Хочу от себя лично наградить одного из членов команды, в храбрости и мужестве которого я убедился воочию. Это — ваш переводчик!

С этими словами, он, повернувшись ко мне, снял со своей руки часы и вручил мне. Все наши заплодировали. Я, зная, что по кубинским традициям следует тут же сделать ответный подарок, быстро расстегнул браслет своей «Победы» и протянул ему. Он обнял меня. Положил хронометр в карман куртки и, махнув рукой на прощанье, поспешил к строю кубинцев. Под командой старпома и боцмана ребята занялись разгрузкой машин, а капитан повернулся ко мне:

– Ты хоть что-то ценное ему подарил? Министр, всё-таки.

– Часы «Победа».

– Надеюсь, пристойные, в золотом корпусе?

– Нет, обычный. Купил ещё студентом.

- Эх ты... Хотя бы посоветовался! Я ведь позади тебя стоял.
- Так он же спешил. Некогда было.
- Что ж, придётся исправлять твою ошибку. Пошли со мной.

Он бросился вдогонку удаляющемуся министру. Тут, как из-под воды, появился старпом.

- Продукты грузить заканчиваем, через полчаса сможем отчаливать.
- Подождите, – капитан нервничал.
- Вот что, Петр Михайлович, распорядись насчёт нашего подарка в ответ. Ну, там, торт, цветы, вымпел, всё такое. Ты знаешь. И всё это подвезёте к вон тому строю.

В это время, около ангаров разворачивалось, насколько я понял, продолжение драмы. Перед строем команды злосчастной шхуны дёргался, жестикулируя, высокий носатый начальник. Министр с налёту, чуть не опрокинул его. От ворот, сбоку, приближалась колонна автоматчиков, очевидно, из охраны порта. Они развернулись в шеренгу за спинами начальников. Тут, в шаге до них, остановились и мы.

- О чём они там? Только тихо, – шепнул капитан.

– Носатый ругается. Говорит, мол, негодяи, предатели революции. Угрожает расстрелять.

– Так. Кажется, мы тут не ко времени. Но деваться некуда. Не будем мешать, как-нибудь без нас разберутся. А мы подождём. Скажем несколько слов, отдадим подарки и – к своим. Сегодня же отчалим. Давай, переводы, только коротко и самую суть.

В это время между кубинскими командирами шёл высший по накалу спор.

- Расстрелять всех, кроме капитана и юнги! – гремел высокий.
- Не смей!

Автоматчики переминались с ноги на ногу, не зная, что делать.

– Команданте! Это несправедливо, они – не враги, – убеждал министр.

– Они хуже! Они малодушные трусы, изменники революции! Наши злейшие враги!

– Нет, товарищ! Они не воины. Их только что призвали. Посмотри – все молодые крестьянские парни, ещё не обстрелянные. Пережили страх, поддались панике! Но ещё могут стать героями, – убеждал наш «подпаленный».

Высокий оглянулся на нас. Я удивился, как он заметил нас с капитаном, мы ведь стояли за спинами автоматчиков. Но тон его изменился, хотя он продолжал с прежним пылом.

– Не спорь со мной, Че! Какой пример ты подаёшь армии?! Посмотри – русские смотрят! Не мешай! Изменники пусть умрут! Эй вы, шкипер и юнга! Отойдите от этой своры!

– Он не отойдет. Ты же его хорошо знаешь. Это же наш «тореро», помнишь залив? Это его команда, и он умрёт вместе с ними... А в конце концов, знаешь что? Вот мой пистолет. Расстреляй и меня со всеми ними!

Он вытащил оружие из кобуры, положил на асфальт, а сам пошёл и встал на правом фланге шеренги «предателей».

– О, амиго! Ты разрываешь моё сердце. Ну, если уж так, пусть живут. Но всех под арест на десять суток. Всех, кроме шкипера и юнги! Со шхуны списать! Чтобы хорошо запомнили! Выводите!

Автоматчики чётко развернулись, окружили команду и одним строем двинулись к выходу из порта. Тот, кого все называли «команданте», поднял пистолет и возвратил его владельцу. Обнял за плечи и стал что-то тихо ему говорить, чего я уже не слышал. Увлечённые разговором, кубинские руководители совсем не обращали внимания на меня и капитана. А в это время к нам приблизился старпом в сопровождении матроса, который вёз на металлической тележке аккуратно обвязанные коробки, модель нашего судна в плексигласовом футляре, свёртки, бутылки и огромный букет роз.

– Скажите кубинцам, что мы хотим попрощаться по нашим традициям, – приказал капитан.

– Товарищи! – я повысил голос. Подошёл ближе к барбудос. – Мы хотим попрощаться по-братски.

Они удивлённо повернулись. Наш капитан заговорил быстро, я еле-еле успевал переводить.

– Извините за неудобство. Мы привыкли прощаться с друзьями по нашим народным традициям. И сразу же исправим одну небольшую ошибку.

Кубинцы внимательно слушали, а капитан продолжил речь.

– Товарищ командующий, – обратился он к высокому начальнику, – примите на память модель нашего судна! А вам, товарищ Эрнесто, я хочу подарить настоящий подарок, а не часы массового производства, которые вручил наш переводчик. И он протянул ему свой роскошный, сияющий золотом, хронометр «Сейко».

Министр удивлённо поднял бровь.

– А что в нём не так? Как называются ваши часы? – спросил он у меня.

– «Победа», – смущённо ответил я.

– «Победа»! – уже не сдерживая себя радостно воскликнул Эрнесто. – Он подарил мне «Победу», а вы хотите, чтобы я поменял её на японскую безделушку?! Ни за что! Пусть со мной всегда будет победа... Хотя, впрочем... я не отказываюсь, это невежливо.

Он принял из рук капитана часы и позвал:

– Эй! Тореро! Подойди-ка ко мне!

Шкипер, хромая, приблизился.

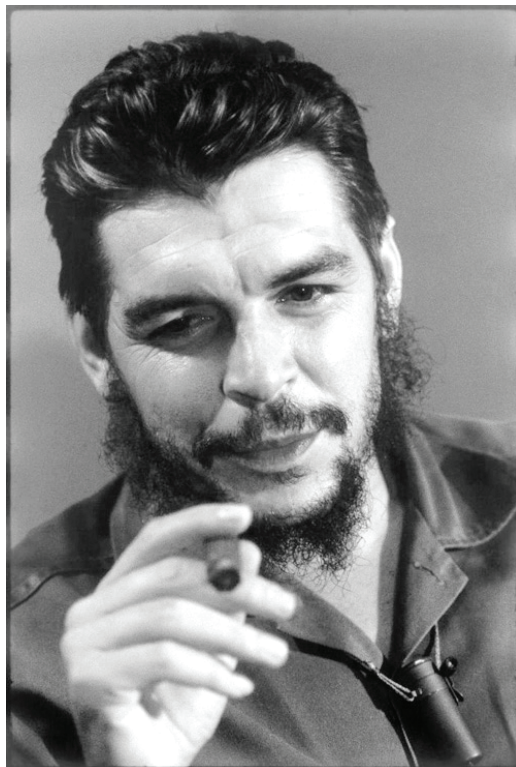
– Наши советские друзья награждают тебя за твою смелость памятным подарком. Носи и вспоминай!

– И воспитывай, как следует, свою команду, – добавил со смехом высокий.

Мы заплотировали. Михаил Зиновьевич, наш капитан воспринял такой поворот событий спокойно, не показывая своего недовольства. Он проговорил все соответствующие случаю прощальные слова. Вручил торт, цветы. Выпили по фужеру приготовленного шампанского. Тепло попрощались с кубинскими товарищами...

Через час наш сухогруз был уже далеко в океане.

*Че Гевара. Гавана, Куба. 1964 год
Фото Эллиота Эрвитта.*

– Это был тот самый Че Гевара? – спросил я.

– Да, тот самый, – подтвердил «старый капитан». – Полное имя Эрнесто Гевара Серна. Че – это восклицание аргентинских индейцев гуарни. Он был национальным героем не только Кубы, а всей Латинской Америки. Любил людей, дорожил человеческими жизнями. Жил героем, героем и погиб.

Галина МЯЗДРИКОВА

Учитель математики, член СП России, автор книг: «Солнце под снегом находит цветы», «Окна судеб», «Плацкарт общений». Награждена медалями М.Ю. Лермонтова, С.Я. Маршака, «Литературный Олимп», орденом – «За вклад в просвещение». Дипломант и лауреат многих литературных конкурсов, среди них: «Лучшие поэты и писатели России», «В гостях у сказки», «Литературное достояние России», имеет награды как детский писатель.

БАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ

Маленькие рассказы

Девчонки обсуждали приобретённые наряды к выпускному балу. Одни рассказывали, где и какое платье куплено, другие – о том, какую вещь мечты собираются приобрести. Татьяна молча слушала разговоры подруг. Её о платье никто не спрашивал. Захочет – сама расскажет.

Настал чудесный вечер прощания со школой. Волнение, суета, ожидание нового, прекрасного переполняло выпускников. Получили аттестаты, выслушали напутственные речи учителей, родителей, сели за празднично накрытые столы. Всё – как положено в таких случаях.

Зазвучала музыка. Начали танцевать. Сначала неуверенно, как бы оглядываясь, потом смелее, ярче, и, наконец, уже совсем не стесняясь, выражая танцем своё затаённое «я».

Совершенно нечаянно получилось так, что Татьяна оказалась одна в центре зала, когда зазвучала новая мелодия. Она сбросила туфли, накидку, закрывающие плечи, начала плавно двигаться под музыку по залу. Все как будто оцепенели. Больше никто не присоединился к танцующей девушке. Она плыла лебедем в нежно-голубом шелковистом платье, которое, как ласковые волны, ласкало её точёную стройную фигурку. Она кружилась снежной вьюгой, а платье, безупречно облегачающее тело, сберегало её от порывов воображаемого ветра. Она радостно подставляла свои ладони солнцу, и солнце невзначай выхватывало своими лучами танцующую выпускницу – одну из таких нарядных, взрослых, смелых.

Танец закончился. Татьяна надела туфли, набросила накидку, улыбаясь, вышла «из круга».

– Девчонки, а где Танька такое платье достала?

Этот вопрос возник у девчонок «вдруг». В те времена купить хорошую вещь было проблематично.

– Тань, где платье покупала?

Ах, женское неприятие рядом находящейся более эффектной особы!..

– Сшила, – непринуждённо ответила Таня.

– Сама?

Таня кивнула.

– Ну, ты – талант!

Мгновенное переключение произошло тоже «вдруг».

– Заказы принимаешь?

Теперь уже восхищались Татьяной как классной портнихой, что открылось здесь, на выпускном.

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Маленькие рассказы

Рита уже давно плохо себя чувствовала. Врачи не могли разобраться, в чём дело. И лет-то ей всего тридцать пять и дома всё в порядке, а вот сил никаких, дышать трудно, сердце болит при нормальной кардиограмме.

Утро было тёплым и светлым. Мать Риты встала рано, собралась на огород забежать. Сегодня у неё день рождения. Дочка встала тоже, но легла опять. Мать переживала, не понимая причины болезни дочери. Она обращалась к разным специалистам. Они только руками разводили и советовали попробовать то одно, то другое лечение, но ничего не помогало. Становилось только хуже.

Рита осталась одна в квартире. Часа через три придут гости. Лежать совсем не хотелось. Попробовала встать. Голова кружилась, сердце колотилось. Постояв немного, Рита пошла на кухню.

– Что же это я такая беспомощная! У мамы день рождения, она вернётся скоро, а ничего не готово. Сделаю салатик, пожалуй.

Так потихоньку был сделан салатик, порезана колбаса, приготовлено горячее и компот.

Дверь открыли бесшумно, чтобы не потревожить заболевшую. Мать удивилась, увидев её на кухне. А взглянув на празднично накрытый стол, мать чуть не расплакалась.

– Как же ты смогла, дочка?

– Да вот, хотела, очень хотела поздравить тебя с днём рождения, мама.

– Как ты чувствуешь себя?

– Знаешь, сейчас намного лучше!

Оказалось, что в этой кухонной суете недуг, будто удивившись, отодвинулся, пропуская к сердцу праздник.

Евгения МЯЗДРИКОВА

Учитель мировой художественной культуры в московской школе. Победитель конкурса «Лучший учитель Российской Федерации-2008». Автор рассказов, прозаических миниатюр, сказок и стихов для детей и взрослых, о детях и о детстве. Печаталась в альманахах МГО СП России, автор книг «Большое ГУ» (2012, в соавторстве с Галиной Мяздриковой), «Кусочек Времени. Записки на краю песочницы»(2013), «Одуванчики» (2016). Член СП России.

ЭЛЕКТРОННАЯ ОЧЕРЕДЬ

Маленькие рассказы

Елена пыталась вкатить детскую коляску в здание банка. Недавно к лестнице приварили железные рельсы – пандусы, но расстояние между ними и осью коляски не совпадало. Старшенький пыхтел, хватался за колесо, тянул коляску в сторону – старался помочь. Заветная дверь – въехали.

В банке было на удивление свободно: Елена с двумя малышами и трое пенсионеров. Елена нажала на квадратик на экране терминала, взяла талончик. На табло зажегся номер.

– Не наш. Подождём, – улыбнулась Елена детям.

Табло снова мигнуло. Другой талон.

В банк вошли новые клиенты.

Табло мигало, люди подходили к окошкам.

– Пропустите с детьми, девушки, – не выдержала пожилая женщина, – она уже почти час тут ждёт!

– Да, да! Обслужите вы её! Сколько можно с мелкими мурыжить! – поддержали люди из очереди.

На шум вышла заведующая. Поправив зелёнький платочек, обвела взглядом зал, строго и торжественно объявила:

– У нас Электронная Очередь!

Малыш захныкал. Елена развернула коляску и вышла из банка.

КОШЕЛЬКОВАЯ МЫШЬ

Маленькие рассказы

– Мама, а что это? – Мишка заглянул в блестящий пакетик. – Мышка?

– Да, тётя Надя подарила, – мама вздохнула и открыла кошелёк. – Говорят, эту мышку надо положить сюда.

– Зачем? Она ведь игрушечная, а в кошелёк денежки надо складывать.

– Ох, Мишк, до зарплаты ещё неделя – складывать нечего, пусть хоть мышка там посидит. Тётя Надя сказала, что это не простая, а кошельковая мышь.

Помогает, якобы, деньги приумножить.

– А это правда?

– Это сказка, – мама опять вздохнула и захлопнула тощий кошелёк.

Мишка почесал нос, достал книжку-раскраску, карандаши, подумал и нарисовал мышку. Мама в кухне мыла посуду.

– Мам, мама! – Мишка влетел в кухню. – Мам, а ты в кошелёк заглядывала?

– Нет. Зачем? – мама выключила воду и повернулась к Мишке.

– Ну посмотри, как там мышка?

– Мышка? Какая мышка? Ах, эта! Миш, сказки всё это, не забивай голову

– Пожалуйста! – Мишка строго посмотрел на маму, взял её за руку и подвёл к столу.

Мама взяла кошелёк, открыла.

– Ой!

– Ну как? Действует мышка? Да?

– Да. Целых десять рублей принесла.

– Это мышка! Точно! Это настоящая кошельковая мышка!

Мишка подпрыгнул, поцеловал маму и побежал в свою комнату. На полу около стола поблёскивал жестяной сундучок.

– Это не я, ты не думай! Это мышка! – донеслось из детской.

Мама улыбнулась и поставила на полку опустевшую Мишкину копилку.

Ирина СОТНИКОВА

Родилась и живёт в Крыму. Закончила филологический факультет Симферопольского университета им. М.В. Фрунзе и Таврический университет им. В.И. Вернадского, аспирантуру. Автор пяти поэтических сборников, публикаций в периодике. Участник проектов «Я люблю этот город» в честь 220-летия г. Симферополя (2003) и «Кто есть кто в крымской фантастике» (2004). Автор переводов крымскотатарских текстов и поэтов республики Катар. Редактор литературного блога ЛОГО (www.blog-is.com.ua).

ЖУЖА

Рассказ

Меня называли Жужей, потому что в младенчестве я очень любила пускать пузыри и с явным удовольствием издавала странные звуки, похожие на жужжание. Взрослые меня весело передразнивали, а я злилась и махала руками, отгоняя их от себя, как назойливых мух. Но мои родственники почему-то принимали это за признаки щенячьего восторга и начинали передразнивать меня ещё усерднее. Глупые! Мне нравилось жужжать одной. Сейчас я уже взрослая. Но всё равно Жужа! Вы думаете, мне нравится это прозвище? Ни капельки. Оно какое-то собачье. Как у нашего черноухого Жучка. Вот почему сегодня утром я потребовала, чтобы бабушка звала меня по-человеческому – Леночкой. Пятилетней девочке не подобает отзываться на какую-то там кличку. Бабушка в ответ ласково шлёпнула меня по мягкому месту, но пообещала, что Жужи больше не будет. Вот и хорошо!

Утро сегодня замечательное. Май стоит по-летнему жаркий, и я бегаю по тенистому двору в коротеньком, жёлтом с чёрными цветочками, платье и чистеньких белых трусиках. Мои сандалии давно стоптаны, но это не мешает в очередной раз проверить все мало-мальски интересные закоулки старенькой усадьбы. Сразу после завтрака я успеваю переделать массу важных дел: строю в зарослях сирени возле дощатого штакетника дом для кукол, хороню на грядке с клубникой мёртвого птенца, кидаю хлеб соседской собаке – злой, мордатой, встречающей громким лаем каждого постороннего. Но меня Байкал любит. Потом иду к деду в гараж, где, сверкая хромированным бампером и отсвечивая изумрудно зелёными боками, стоит послевоенная «Победа».

Мой дед большой и сильный. Он работает водителем огромного грузовика. Но сегодня выходной, и он с нежностью возится со своей любимицей. Недавно, когда мы ездили в деревню, он посадил меня к себе на колени и показал, как рулить. Было страшно, захватывало дух, рядом ворчала бабушка. Но я научилась держать руль прямо, и так мы проехали до самой деревни. Теперь я тоже водитель, поэтому помогаю деду смазывать липким солидолом железки. Правда, после солидола мои белые трусики и подол платья покрываются жирными коричневыми разводами. Пытаясь исправить положение, я беру в руки ветошь и тщательно вытираю платье, но выходит ещё хуже. Машинная смазка моментально вьедается в ткань, почему-то попадает на лицо и руки, и я, вместо лёгкого аромата лавандового мыла, которым меня умывает по утрам бабушка, начинаю издавать запах солидола. Дед кричит, охает, оттирает мне тряпкой, смоченной в бензине, щёки и нос, и отправляет гулять во двор. Жалко – в гараже так интересно!

Я стараюсь не попадаться бабушке на глаза и ныряю за дом, в заросли сирени. Она только отцвела, и со всех земляных норок выбились вверх тугие зелёные стрелки с крупными листьями, похожими на зелёные сердечки. Здесь сыро и сумрачно. Запах солидола всё ещё режет нос, и я представляю, что у меня тоже гараж – только для кукол. Для большей достоверности я растираю у них на щеках и подолах платяниц землю, смоченную слюной, и скоро мы все – я, две лысые куклы и сероголубой заяц без уха и глаз – становимся похожими на настоящих механиков. Но не хватает машины! Я нахожу за домом и тещу в кусты несколько кирпичей, подбираю возле ямы с углём прогнившую доску – и вот уже готов автомобиль. Мы с куклами садимся на доску, зайцу даём в лапы руль, сделанный из ветки и моего полинявшего бантика, и едем в далёкие края, подальше от зловредной бабушки-зануды с её выстиранными до блеска платяницами и трусиками...

И вдруг меня что-то привлекает. Запах? Нет, не запах, хотя из сеней явно повеяло свежесваренным борщом. Кажется, кто-то пришёл! Так и есть: слышны чужие голоса, за забором начинает рычать Байкал. Забыв о зайце и куклах, резко вскакиваю и чувствую острую боль в том самом месте, которым уселась на старую доску. Я уже готова орать громким голосом, призывая на помощь и бабушку, и дедушку, но тут вспоминаю про грязное платье и вовремя засовываю вымазанный землёй палец в рот – это помогает сдержать рёв. Всклипывая, по-кошачьи изворачиваюсь и очень скоро вытаскиваю занозу, которая ещё не успела полностью войти под кожу. Уф-ф! Облегчённо вздыхаю.

Так кто же там пришёл?

Прижимаясь к чёрному низкому цоколю старенького дома и касаясь пальцами рук поросшей мхом бетонной дорожки, крадусь к углу. Я представляю себя маленькой ловкой обезьянкой из книжки про Африку, которую мне читала накануне вечером бабушка. Осторожно выглядываю и вижу, что напротив сеней, под раскидистыми вишнями, сидят за летним столиком трое незнакомых мужчин. Вот подходит дед,

пожимает каждому руку, тоже садится. Они беседуют. Бабушка выносит из сеней кастрюлю с борщом, оглядывается и кричит:

– Леночка! Иди, я тебя покормлю...

Я кричу из-за угла:

– Бабуська, не хочу, я иглаю, – и, что есть духу, ныряю обратно в заросли сирени.

Бабушка степенно ставит кастрюлю на стол, возвращается обратно, заглядывает за угол дома. Увидев мою макушку и серо-голубого зайца, которым я закрываю грязное лицо, она успокаивается:

– Ладно, солнышко, я сначала гостей покормлю.

Я бросаю зайца и снова подкрадываюсь к углу дома. Взрослые сидят за накрытым столом, и дед наливает в стаканы прозрачную жидкость из бутылки с яркой наклейкой. Между сенями и летним столом растёт раскидистое низкорослое дерево – алыча. Я не раз слышала, как бабушка с ней разговаривала, словно с человеком, гладила ствол и называла всякими ласковыми именами. Я выбираю алычу своим следующим прикрытием, низко пригибаюсь, перебегаю маленькое пространство перед сенями и прячусь за нешироким стволом. Теперь наблюдать становится легче.

Я совершенно не хочу обедать: зелёные абрикосы и пыльца одуванчиков для меня вкуснее всяких наваристых борщей. Больше всего на свете меня интересуют разговоры взрослых. Устремив на них глаза, я изо всех сил пытаюсь уловить смысл беседы. Но ничего интересного для себя не слышу, и скоро мне становится скучно. И тут меня привлекает муравей, который прямо по стволу алычи тянет крупную белую соринку. «Муравей-муравей, ты откуда? Ты куда?» Я наблюдаю за трудягой и вдруг замечаю ещё одного муравья, и ещё одного... Ой, да тут у них целая дорожка! Я забываю, что я обезьянка, неосторожно высываюсь из-за ствола и, напевая себе под нос считалочку про зайца, пытаюсь проследить, куда уходят муравьи. Но это для меня непосильная задача – они ползут по стволу вверх и пропадают где-то в кроне дерева.

Вдруг вижу, что бабушка украдкой поглядывает на меня. Я сжимаюсь, моё сердце трепещет, как пойманный воробей... Но бабуля отводит глаза, улыбается и делает вид, что не замечает внучкиных маневров. Я тут же смелею, хватаюсь руками за боковую ветку и, ловко закинув ногу, влезая на дерево. Один из гостей смотрит в мою сторону и говорит:

– Внучка-то у вас – настоящий чертёнок. На мальчишку похожа...

– Да-а, егоза... – говорит бабушка с гордостью и подкладывает гостям капустный салат.

Я смелею окончательно. Вот здорово! Бабушка не будет меня ругать за испачканное платье! Ура-а! Я испытываю настоящий восторг и начинаю выделывать сложные акробатические трюки: запрокидываю голову вниз, цепляюсь руками и раскачиваюсь на ветке, потом закидываю крестнакрест ноги и отпускаю одну руку... Гости посматривают в мою сторону и, не прекращая разговора, посмеиваются. Я увлекаюсь и не замечаю, что бабуля видит всё: и измазанное платье, и порванные доской

трусихи, ставшие от земли серыми, и глубокую царапину на заднем месте... Ветка раскачивается всё сильнее. Я представляю себе, что это качели, и перемещаю своё маленькое юркое тело поближе к краю, откуда растут тонкие нежные веточки, едва оперённые салатными листочками. Благосклонное невнимание взрослых придаёт мне смелости, моя фантазия разыгрывается, и я представляю, что дует сильный ветер. Вот-вот меня снесёт вниз, но я ни за что не сдамся: прильну к серой коре, сольюсь с ней, и ветер меня не заметит... Нет, я – настоящий воробей. Это намного интереснее, правда? Делаю рывок, пытаюсь оседлать ветку сверху: «Чик-чирик!», и вдруг...

Сначала я не могу понять, что произошло. Почему-то всё теперь по-другому: алыча надо мной, и вместо белёного забора я вижу небо с обрывками ватных облаков. Спокойное журчание беседы взрослых в один миг превращается в шумную неразбериху: раскатистый смех незнакомого мужчины заглушается бабушкиными охами, ахами и ворчанием деда. Потом приходит острая боль, на время становится трудно дышать. И, когда я понимаю, что лежу на ветке, а ветка – на вскопанной земле, что мои локти оцарапаны, а подол шёлкового платица разорван до пояса, я хватаю ртом воздух и поднимаю такой рёв, который перекрывает разом и смех, и причитания взрослых. Вы думаете, я реву от боли? Ничего подобного – от страха! Теперь мне бабушка точно задаст...

И действительно, она резко, словно нашкодившего щенка, поднимает меня за руку с земли, хватая сломанную ветку и, не обращая внимания на мои боевые ранения, легонько стегает по голым ногам:

– Ах ты, сатана! Такую ветку сломала! Да сколько же безобразничать можно!..

– Бабаська! Ба-абаська! – отчаянно кричу я. – Я больше не буду!

Мне совершенно не больно, потому что бабушка только делает вид, что бьёт. Но мне так обидно! Для них же, дураков взрослых, старалась! Я отчаянно пытаюсь вырваться, но сильные бабушкины руки хватают меня в охапку и несут в дом. Там уже стоит на печке большая железная кастрюля с тёплой водой. Бабушка опускает кастрюлю на пол, раздевает и сажает в воду меня, жалобно подвывающую и размазывающую слёзы по грязным щекам, начинает мыть и приговаривает:

– Ну, какая же ты девочка-Леночка? Посмотри на себя! Жужа ты и есть. Вот научись быть аккуратной, как все девочки, стану Леночкой звать...

Я судорожно всхлипываю и думаю о том, что никогда в жизни больше не буду её любить: вырасту большой и уйду навсегда. Пускай найдёт себе другую внучку. И невдомёк мне, что через три года бабушка уйдёт сама – неожиданно, нелепо, несправедливо. Это случится весной, в пору праздничного цветения деревьев. Её любимая алыча в тот год будет цвести особенно ярко, через месяц за янтарными сливами не будет видно ветвей. А на следующую весну дерево не выпустит ни одного листочка и отправится вслед за хозяйкой...

...Жужа, где ты?

Елена КАТРИЧ

Окончила Дальневосточный государственный университет, биологический факультет. Автор сборника стихов и книги рассказов, а также книги удивительных историй для подростков «Эрик, сын крысы», представленной на Парижском книжном салоне-2016. Публиковалась в альманахах «Севастополь», «Российский колокол», «Писатель года», журнале «Дальний восток», «Север». Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов, в том числе конкурса «Цветаевская осень».

СТАРОЕ ПИАНИНО

Отрывок из романа «Дом дождя»

В комнате, где устроили Еву, стоял большой тяжёлый сундук и ютилось ветхое пианино с обшарпанными боками и побитыми временем клавишами, и они так пронзительно походили на те, к которым как будто не так и давно, однако в совершенно другой жизни, папа усаживал Еву чуть ли не с тумачами.

– Вы умеете играть? – готовясь восторгаться ещё и этой способностью хозяйки дома, спросила Ева.

– Я? Нет, что ты! Это пианино наших сотрудников, у которых дочка училась музыке, а потом выросла и уехала в город. Ну, а сами они затеяли в доме грандиозный ремонт, и пианино сначала временно перекочевало ко мне на постой, а потом, похоже, про него просто забыли. У меня места больше, пусть побудет. А ты училась музыке?

С некоторых пор, когда задавали этот вопрос, к Еве подступало болезненное смятение. Сейчас бы она не прочь уметь играть. Открыла крышку, погладила клавиши и извлекла несколько аккордов какой-то пьесы, подсказанных памятью рук, и тут же беспомощно споткнулась. Нет, всё забыто. Забыто...

...Однажды глубокой осенью, когда Ева уже второй год училась музыке, папа привёл её в театр, где за кулисами в одной из комнат стоял большой чёрный рояль. Навстречу им поднялся человек, который только что виртуозно и дивно музицировал. Музыкант о чём-то поговорил с папой и вдруг предложил Еве исполнить что-нибудь из того, что ей особенно удаётся. После только что звучавшей здесь большой музыки играть какой-нибудь примитивный собачий вальс?.. Но папа не отставал:

– Ничего-ничего, курочка по зёрнышку клюёт и сыта бывает!

Ева сыграла Колыбельную Кабалевского, которая в этой театральной комнате прозвучала гораздо значительней, чем дома. Музыкант зачем-то взял Еву за руку и внимательно осмотрел пальцы и ладонь.

– Хорошая рука, музыкальная, вот ещё бы подушку на ладони по-мощнее...

А папа вдруг приосанился и торжественно произнёс:

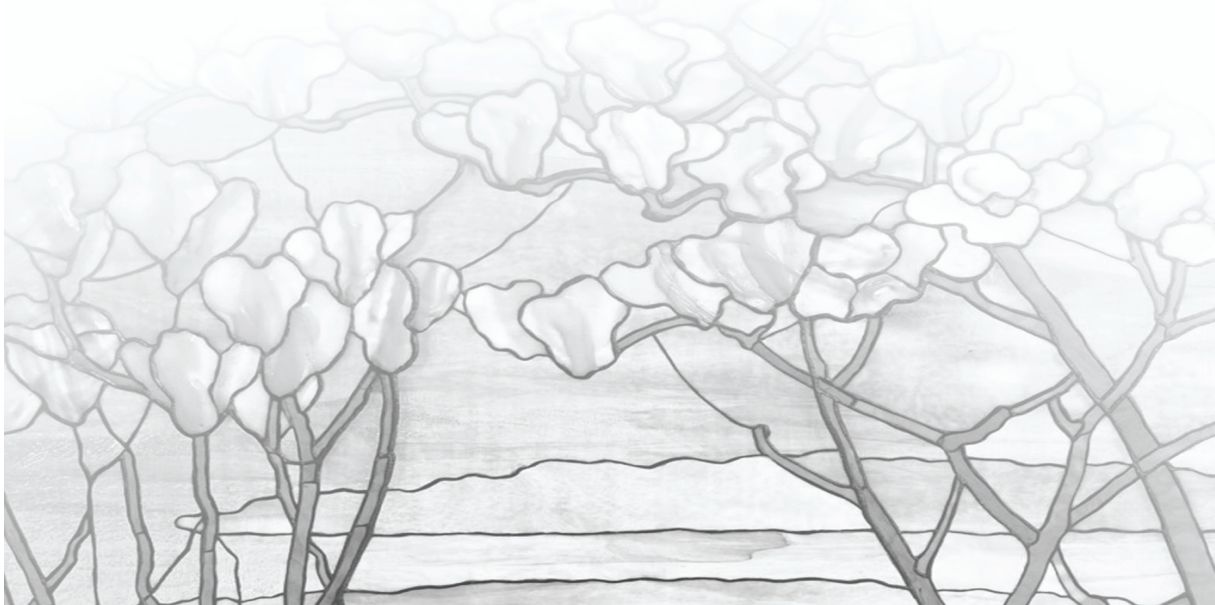
– Запомни этот день – сегодня ты впервые играла на настоящем концертном рояле!

Той же осенью папа принёс большую куклу-мечту с золотисто-жёлтыми волосами и, хитро косясь на Еву, сказал соседям:

– Это я ей купил за то, что она гаммы играет.

А теперь только гаммы и не забыты, но и здесь привычная строгая переключка звуков нарушалась какими-то гнетущими полудиезами-полустонами, и это уже была вина не Евы, а боль изношенного старого инструмента, жалоба его дряблых струн и отсыревшей старой деки. Ева вспомнила, как иногда к ним домой приходил настройщик, оголял таинственное нутро пианино и священнодействовал, устранив неуловимые для простых ушей неполадки.

Ева смотрела на чужое старое пианино и чувствовала странную печаль, как будто израненными клавишами инструмент пытался передать своё душевное сиротство, и оно, перетекая из души в душу, тихо ныло знакомым тоскливым звоном, которому не поможет никакой настройщик. Опять проснулся этот глубоко спрятанный тревожный вопрос, как всхлип оборванной струны, как сумятица незавершённости: где папа, как живёт без Евы, кто теперь с ним рядом? Может, он болен и одинок, и никому до него нет дела, как до этого заброшенного пианино?.. А Ева всё ещё ребёнок, всё ещё зависит от матери, всё ещё беспомощна в решении таких вопросов. Боль, как большая тяжёлая рыба, всплыла, глотнула воздуха и снова улеглась на илистое дно. Жизнь в четырнадцать лет преподносит всё новые сюрпризы и не даёт долго горевать.

Ольга РЕЙМОВА

Родилась в городе Уфе, по образованию математик. Член СП России. Автор нескольких книг. Стихи и проза печатались в альманахах и журналах, в том числе: «Бельские просторы», «Журнал ПОэтов», «Золотое руно», «Кольцо А». Автор публикаций в приложении к «Независимой газете» «EX-LIBRIS». Награждена памятной медалью к юбилею М.Ю.Лермонтова, дипломом им. Ф.И. Тютчева конкурса «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Русский пейзаж» за стихотворение «Раздумье». Участник творческой поездки в Венгрию.

ИГЛОУКАЛЫВАТЕЛЬ

Рассказ

– Этим я занимаюсь уже давно, тридцать седьмой год. В стародавние времена был вообще звездой в этом деле. Мои пациенты – Щёлоков, Майя Плисецкая...

– Угу... Значит, я после Плисецкой. Интересно.

– Да... Мне звонят из Японии, Китая. Приезжают, чтобы продолжить или возобновить лечение.

Эти разговоры никогда не начинаются и никогда не заканчиваются. Они всегда продолжаются.

Иглоукалыватель – мужчина невысокого роста, имеет мягкое лицо с жиденькой шевелюрой, очень внимательными глазами светлого цвета и цепким взглядом. Рука некрупная, даже можно сказать женская, но сильная и точная. Халат всегда не первой свежести.

Вставляя иглу в нужное место, он больного отвлекает разговорами про всё на свете. Каждый пациент лежит с иглками по 45-60 минут. А после того, как врач уберёт воткнутые в тебя иголки, очень нежно хлопнет и погладит по спинке. И поэтому к нему идут не на процедуру, а на свидание.

– Какой хороший табак у Вас!

– Да, я трубку курю. А табак у меня особенный, покупаю всегда в одном месте.

Больная делает глубокий вдох с замиранием, наслаждаясь запахом великолепного табака.

– А какой у Вас табак?

– Borkum Riff Canen Dich Cherry Именно Cherry. Вишнёвый...

Иглоукальватель не даёт возможность пациенту разглядеть его.

Он пациента заговаривает, и тот видит его таким, каким хочет выглядеть сам Иглоукальватель.

Уходя, каждый ждёт возможности перебраться с ним последней фразой на сегодня, а завтра будет продолжение.

– Скажите, вот у меня остеохондроз. Какую диету я должна соблюдать?

– Вообще-то, Диета – любовница Остеохондроза. Это несерьёзно. Главное – физические упражнения, тренировки, и никакого Остеохондроза не будет, – с юмором отвечает Иглоукальватель, – на первое время я вам помогу, дальше вы сами.

Тут же вступает другая, которая мучает его своими вопросами ежедневно. Для этого приходит на час раньше положенного времени и добирает его:

– А как вы думаете, чародейством можно излечить?

– Бог с вами, милая! Я чарами не занимаюсь. Я четырежды благословлён православной церковью на свой целительный труд. И, когда я подхожу к своему пациенту, сзади меня стоят двое: Серафим и Пантелеймон-целитель. И я их прошу помочь мне в моём деле и пациенту, который мне доверился. Так что, извините, чары ни при чём.

И так целый день.

– Опять этот великолепный табак! Я пошла, до свидания!

– Не до свидания, а до завтра. Жду вас!

– Для вас «До Завтра», а для меня «До свидания». Каждая встреча с вами – это приятное свидание.

– Ну, что ж, я не возражаю. А, вот и Юрий пришёл! Раздевайтесь, ваше место освободилось. Хотите анекдот?

И вчера, и сегодня, и завтра, и послезавтра к нему идут люди на свидание, а он с пучком иголок, как с букетом, к ним...

ВОСХИТИТЬСЯ

Чтоб восхититься, загляни туда.

Там, за рекой, вдалеке тёмный и загадочный лес.

Берега ещё покрыты белым снегом, и тем он таинственнее.

А речка холодно журчит и быстро независимо бежит.

Заглянешь чуть подальше, а на проталинах подснежник белизной своей зовёт и нежно-нежно вопрошает: «Сорви, не бойся, полюбуйся и прижми к своим губам, твоё тепло мне так приятно».

Какая красота вокруг!

Чуть затаишь дыхание и слышишь скрип просыпающихся веток, их радостный восторг о предстоящем лете. Река холодная, но притянула всё-таки и, протянув к ней руку, почувствуешь хрустальный звук воды и таинство природы. Хоть холодна вода, а притягательна и манит.

Дмитрий БОГДАН

Родился в 1981 году в городе Козельске, когда-то названном ханом Батыем «Злым городом». Во дворах и на крышах, у речек и костров прошло неоцифрованное детство. В Москве окончил Институт журналистики и литературного творчества. Дипломной работой стал сборник рассказов (руководитель Б.Т.Евсеев). Окончил редакторские курсы «Мосфильма». Редактор сценариев на «Мосфильме». Печатался в журнале «Свободный доступ».

ПРОДАВЕЦ КВАСА

Рассказ

Посвящаю моему сыну:

Скоро белохалатные тётки блестящими ножницами обрежут тебе пуповину. Мы познакомимся, и я прочту тебе эти буквы.

Наверное, поймёшь ты не всё, но всё почувствуешь.

Не помню я то время, когда был у меня хвост, и как его обменял на руки, ноги и всё прочее. Врать и придумывать не стану. Начну по-другому...

Зима в те дни всем осточертела, как скулящая зубная боль. Врачи и пациенты, собаки и деревья – все ждали первого мартовского дня, ждал и я. И вот, когда рано утром дежурная по отделению медсестра Анжела Трофимовна включила чайник и сорвала последний зимний листок настенного календаря, я закричал.

Познакомив нас с мамой официально, белые халаты меня окружили. Причмокивая, присвистывая и приговаривая о моих достоинствах, они тыкали в меня своими брёвнами-пальцами. Я отчаянно барахтался в маминых руках, я кричал и ругался, но не мог объяснить, что я хочу, чтобы халаты выключили бьющий в глаза яркий свет. Позже я увидел папу, его показали мне через окно. Он улыбался и махал мне руками. Принимая чудные позы, он изображал то зверей, то проходивших мимо толстых медсестёр, то вдруг замирал, глядя на меня, глубоко вдыхая

весну. Всё это время вокруг него, топчя иней на прошлогодней траве, водила хоровод дюжина больничных дворняг. Когда увидел я поднимающееся облачко сигаретного дыма из-за папиной удаляющейся спины, сморщившись, я то ли фыркнул, то ли чихнул, но, только придя в себя, я уже не увидел ни папы, ни танцующих собак, лишь облачко дыма всё болталось в весеннем воздухе, пока я не отвернулся. Именно таким я и вспоминаю то первое утро.

Когда папа и дед забирали меня и маму из роддома, все обитатели этого маленького одноэтажного здания вышли меня провожать под высокое щебетание проснувшихся птиц. Как перед школьным фотографом на последнем звонке, все, суетясь и перетаптываясь, заняли свои места на ступеньках у входа. В ногах, то есть на нижнем уровне, расположились больничные дворняги. Я смотрел на них, на каждого и на каждую, замер на секунду и, улыбнувшись, моргнул им через стекло увозившего меня «Запорожца». Фотография осталась в моей памяти навсегда.

Однажды я лежал в кроватке и, крутя ладошками перед носом, рассматривал свои линии жизни. Телевизор на табурете, семья на диване. На экране угрюмая и напряженная фигура Анатолия Кашпировского монотонно лечила зрителя. Вдруг мама вскочила, выключила звук телека, папа взял фотоаппарат, а бабушка схватилась за голову и прошептала: «Он что-то сказал!». Я обвёл взглядом родных и чётко повторил: «Коба, коба!». Бабушка рефлекторно обернулась на закрытую дверь и прошептала: «Этот своей смертью не умрёт», у деда в глазах заплясали и потухли красные дьявольские огоньки, на табуретке, молча, потел Кашпировский.

Когда я научился ходить, за моё воспитание взялся дед. Он любил повторять: «Мужик должен быть мужиком!» Дедовскими уроками мужества стали приобщение к сугубо не женским, в то время, занятиям. Он брал меня с собой в кабаки, где я, забравшись на высокий стул, болтал ногами и пялился на прохожих за пыльным окном, а дед, попивая «Клайпедское» пиво, тербил свои рыжие усы. Обязательным для моего становления как «не бабы» было скандирование на стороне трибун местного «Жальгириса», стрельба в городском тире, где дед требовал подставку мне под ноги, субботняя баня с дубовыми вениками и красными огромными раками и, наконец, правильный ход операций при посещении мужиком туалета.

Жили мы всей семьей в построенном дедом двухэтажном белокирпичном доме. Во дворе была маленькая баня, вечноцветущий яблоневый сад, заросли малины и смородины. Напротив дома часто стояла жёлтая бочка с надписью – «Квас». Седой продавец, похожий на бесстрашного пирата, всегда здоровался за руку, сначала со мной, потом с дедом. Почему-то всегда у меня перехватывало дыхание от этого богатырского рукопожатия и блеска в его хитрых глазах. После встреч с ним я, окрылённый, нёсся что есть сил до автобусной остановки, оставляя вереницу следов на песчаной рыжей дороге, и в ушах моих гудел

молодой ветер. Несмотря на все дедовские старания, из-за моих рыжих кудрей и огромных круглых глаз, меня часто путали с девчонкой, от чего каждый раз я готов был расплакаться. Однажды, увидев мои слёзы, дед обучил меня одному трюку, который я успешно применил на публике.

На первую свою школьную новогоднюю ёлку меня облачили в костюм пирата с чёрной, сползающей на шею повязкой, но даже это не помешало Деду Морозу перепутать меня с девчонкой. Обращаясь ко мне, Мороз произнес: «Какая нарядная и красивая девочка в чёрной шляпе! Может, расскажешь мне какой-нибудь стишок?» – и придвинул ко мне стульчик с разрисованной красными цветами деревянной спинкой. Вокруг хохотом зазвенели «снежинки», «зайчики», «принцессы», белобрысый Кощей Бессмертный из соседнего класса ехидно скалился, перебирая костями. Надув губы, я сдержал слёзы и, как космонавт, покидающий Землю, шагнул и влез на стул. Всё решено! Но вместо своего стишка-заготовки о бедолаге-зайке, выдержав паузу, я громко воскликнул: «Какая я вам девочка?!» Затем, смотря в умилённое, спрятанное в путаной бороде лицо Деда Мороза одним резким движением я стянул до колен свои пиратские штаны. Недоразумение было разрешено, но после него за мной твёрдо закрепилось прозвище – «самец».

Вспоминается ещё школьное моё сочинение на судьбоносную тему – «Кем я хочу стать». Закончил я его за минуту, а затем весь урок разрисовывал животных в учебнике, дополняя их тела большей комплектацией. Маму, через мой дневник, попросили зайти в школу на следующий день.

Вечером, на семейном собрании, мама ласково повторила: «Скажи сынок, скажи нам всем, почему же ты не хочешь быть космонавтом, или лётчиком, или футболистом, как другие ребята, а, сынок?». Надув губы, я упорно не признавался. Дед, выходя из кухни и что-то жуя, взял тетрадку из маминых рук, беззвучно прошевелил губами моё короткое сочинение: «Продавцом кваса». Глаза его улыбались. Подойдя, он взерошил мои рыжие кудри и громко прошептал: «Мужик, всё нормально, молодец!» – затем скомандовал: «Собрание окончено!».

Лора ВЕСЕЛОВА

Москвичка. Образование высшее техническое. Как дочь офицера и жена офицера объехала весь Советский Союз. Член Российского союза писателей. Автор трёх поэтических сборников и эпистолярного романа «Откровение». Состоит в литературном объединении «Чонгарский бульвар» при библиотеке имени Ф.И. Тютчева. Её произведения печатались в журнале «Воин России» и в различных поэтических альманахах. Главные ценности – семья и творчество.

ДВА ШАРФИКА

Рассказ

Красота – это страшная сила! А мода, пожалуй, ещё страшнее. Ведь в погоне за модой мы идём на всяческие ухищрения, стараясь выглядеть привлекательнее, совершеннее, значительнее. Словом, стараясь казаться, а не быть. Но так устроен мир, который не позволяет нам жить вне моды.

Светлана не была исключением. Она тоже старалась придерживаться моды, насколько позволяли ей финансовые возможности семьи и собственный вкус.

Сверхмодной вещью в далёкие семидесятые годы прошлого столетия были сапоги-чулки. Чёрные, лаковые, блестящие! Они обтягивали ножку словно гольфы, делая её точёной и необыкновенно привлекательной, что особенно выигрышно смотрелось в содружестве с мини юбкой. Да, юбочки в те годы носили очень короткие, буквально 45 см ниже талии. Ах, ах, ах!

Для Светланы сапоги-чулки стали непростым испытанием. Сначала ей пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить маму, как ей необходимы эти сапоги. Лишний раз доказывать хорошей учёбой в школе и примерным поведением, что она достойна такой дорогой обуви. Дорогой и модной.

Мама сдалась не сразу. Помог папа. Он поставил условие: поступишь в институт – купим всё, что пожелаешь! И вот осенью сбылась Светланина мечта – сапоги-чулки были куплены. Разумеется, после успешного поступления в институт. Светлана была счастлива! Огромное чувство радости не смог омрачить даже такой «незначительный»

факт, что сапоги были тридцать шестого размера, то есть на один размер меньше нужного. Один размер. Какие пустяки! Ведь ещё в любимой сказке про Золушку дана точная инструкция, как нужно подогнуть пальчик и поджать пяточку, чтобы надеть туфельку меньшего размера. А в пору тотального дефицита семидесятых годов прошлого века выбирать особенно не приходилось – бери то, что есть в продаже или то, что удалось достать.

Но самое страшное было ещё впереди. Сапоги никак не хотели держаться на худеньких ножках Светланы. И вместо изящно обтягивающих блестящих гольфов на икрах вяло обвисали неаккуратные чулки. Это была трагедия. В свои семнадцать лет Светлана уже знала каноническую фразу Коко Шанель: лучше сто морщин на лице, чем одна на чулке. К сапогам-чулкам это правило подходило на сто процентов. В магазине при покупке сапог Светлана ловко придерживала голенища, чтобы мама не заметила, что они сползают. «Потом что-нибудь придумаю», – решила Светлана. Так ей хотелось иметь эти модные сапоги. Ведь у многих девочек они уже были.

И Светлана придумала. Она стала наматывать на свои тощие икры шерстяные шарфики. Один был оранжевого цвета, а другой зелёного. Но главное, что они были одинаковой фактуры и толщины. Обуваешь сапог, потом наматываешь на икру шарфик и натягиваешь лакированное голенище. Ножки получались то, что надо.

Правда, были и некоторые неудобства с такой технологией носки вожделенных сапог. Например, когда Светлана приходила к кому-нибудь в гости. А в те далёкие годы, когда не было мобильных телефонов да и городской телефон был роскошью, люди часто ходили в гости просто так, посидеть, поболтать, словом, пообщаться. Вот и приходилось Светлане прятаться в самом тёмном и дальнем углу прихожей, чтобы снимая сапоги-чулки, незаметно размотать свои шарфики с ног, а потом, уходя, так же незаметно намотать их обратно. И надо сказать ей это долго удавалось.

Но вот однажды Светлана пришла в гости к своей «родной подруге» (такое выражение использовала молодёжь в те годы), и случился конфуз. Нет, конечно, родная подруга была в курсе Светланиных секретных манипуляций с новыми модными сапогами. А вот родители подруги нет. Наговорившись вволю, поужинав в кругу хлебосольной семьи, Светлана засобиралась домой. Мама подруги осталась убирать со стола. А папа вышел проводить гостью. Он был человек солидный, степенный, одним словом, настоящий профессор философии. Светлана оттягивала время, как могла, в надежде, что папа подруги вот-вот уйдёт в свой кабинет. Но в тот вечер на него нашло излишнее красноречие. Светлана уже надела пальто и берет, тянуть долее было невозможно. И тогда она решительно произнесла:

– А вот так, Владимир Васильевич, я борюсь со своими недостатками!

И начала наматывать разноцветные шарфики на свои ноги, после чего ловко надела сапоги. Профессор онемел. Но потом быстро взял себя в руки и, как воспитанный человек с чувством юмора, рассказал известную историю о том, что во времена их молодости ребята были вынуждены обмазывать спортивные парусиновые туфли зубным порошком, чтобы придать своей обуви приличный вид. А нередко и вкладывать картонку вместо износившейся подошвы. Главным врагом такой маскировки был дождь. Профессор даже припомнил пару конкретных курьёзных случаев из своей молодости. Словом, атмосфера взаимной неловкости быстро разрядилась благодаря находчивости Владимира Васильевича.

Что ни говори, а у каждого поколения свои представления о моде.

Прошли годы. Даже десятилетия. И вот как-то, при разборке накопившегося на даче хлама (необходимо было подготовить дом к капитальной реконструкции), Светлане попался на глаза один из тех шарфиков – оранжевый. Как он сохранился в их семейном скарбе, ведь семья Светланы часто переезжала? И почему сохранился только один шарфик? Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения. Светлана сразу вспомнила, для чего предназначался оранжевый шарфик, и с грустью посмотрела на свои ноги – теперь они не нуждались в такой корректировке. Теперь частенько бывало, что сапоги не хотели застёгиваться на упитанных икрах Светланы.

«Да, излишняя стройность, как и молодость, – недостаток быстро проходящий», – перефразировала Светлана известную фразу.

12.12.2015

Светлана ГЕРШАНОВА

Поэт, писатель. Член СП Москвы. Родилась в Ростове-на-Дону перед войной. Помнит годы военного детства, что отражается в её творчестве. Многие её произведения автобиографичны. Автор десяти книг поэзии, семи – прозы и двух детских. При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям изданы книги «Димка маленький», книга стихов «Какое горчайшее счастье» и иллюстрированный альбом «Милостью Божьей» – проза и стихи.

ФУРШЕТ

Рассказ

Свои вечера я устраиваю очень редко. Говорят, война может начаться только, когда вырастет поколение, не видевшее прошлой войны. Я устраиваю вечер, когда начисто забываю, какими невероятными усилиями мне дался предыдущий.

Раньше большую часть подготовки брал на себя муж – звонки, минусовые фонограммы, радиста, оператора, приглашительные билеты. И фуршет... Как его готовить, где? Как привозить продукты?

Сейчас я думаю – вполне можно было обойтись без него!

– Да вы зайдите в буфет, девушки там очень приветливые, – посоветовала продавщица книжного ларька.

Иду в буфет.

– Лена, это насчёт фуршета.

– Здрассте. Когда у вас вечер, девятнадцатого? Ну, ещё есть время. Вам надо прямо сейчас к директору ресторана.

– У меня нет денег на ресторан. Мне бы в буфете.

– Можно и в буфете, но всё равно – к нему. Я провожу вас через кухню, чтобы с улицы не обходить.

Мы идём бесконечными коридорами, проходим по краю нарядного зала, мимо отдельных роскошных кабинетов.

Когда в старые добрые времена я забегала сюда перекусить, ничего подобного не было. За час можно было вкусно пообедать за два с половиной – три рубля. Если было всего пятнадцать-двадцать минут, вас ждал щедрый чайный стол с пирожными и самоваром.

Но я не предаюсь ностальгии, просто иду мимо этой недоступной мне роскоши. Это другая жизнь – у меня одна, а у них другая. Конечно, неправильно, что люди в одной стране живут совершенно по-разному, но ничего не сделаешь...

Проходим по стенке сверкающую чистотой кухню, безлюдную утром, и выходим на тёмную, узкую и очень крутую лестницу. Я спотыкаюсь о высокий порог и снова думаю, что всё это не для меня. Что-то слишком многое в моей стране становится не для меня...

Кабинет директора странный, какое-то нагромождение мебели. Клетка с птицей – не могу вспомнить, с какой. И стол, непривычно аккуратный в этом хаосе, пустой и гладкий, сверкающий полировкой. Ни бумаг, ни книг, ни нагромождения папок.

И директор – не поймёшь, то ли стриженный под ноль, то ли облысевший. Снисходительная улыбка адресована не мне, а кругленькой молодожавой женщине.

– Принесёшь деньги, поговорим подробнее.

– Через час и принесу! – Живая, подвижная, несмотря на полноту, она скользит по мне взглядом. Но сияющие глаза, улыбка – это всё не мне, конечно.

– Спасибо, я быстро!

– Одна нога там, другая здесь! – Он хлопает её по кругленькой попке, провожает взглядом, и, наконец, замечает меня.

– Вы ко мне?

– Да.

– И что?

– У меня вечер девятнадцатого. Я бы хотела фуршет.

– Сколько у вас денег?

– Ну, десятков тысяч у меня нет.

– Это плохо. Сколько будет людей?

– Человек тридцать пять – сорок.

– Наверняка придёт пятьдесят. Друг у вас есть? Или друзья? Есть к кому обратиться и попросить денег?

– Друзья есть. Денег просить не умею и не хочу.

– Не умеете – надо учиться. Вы читали Карнеги?

– Конечно. Я не люблю его. Всё, что он предлагает – искусственно, нарочито, а должно идти от души.

Он посмотрел на меня серьёзно. Зачем только я ему это говорю...

– Так. Всё понятно. Денег у вас нет, и просить вы не умеете. Вы просто поэтесса.

В его устах это звучало как физический недостаток. Или умственный.

– Но восемь тысяч у вас есть?

– Восемь – есть.

– Понимаете, это Центральный Дом литераторов, а не забегаловка. Мы не можем допустить, чтобы нам было за вас стыдно.

– И я не могу допустить, чтобы мне было стыдно за вас. Можно, я докуплю – выпивку, например?

– А я за вас буду бутылки выбрасывать?

Он поднимает телефонную трубку:

– Алёна, тут фуршет на девятнадцатое. Денег нет совсем. Са-в-сем! Да. Да. Ну, что же, сделаем, что ни вам, ни нам стыдно не будет. Завтра в два часа приносите деньги, и распишем, что можно сделать. Денег мало, очень мало.

– Я понимаю. До завтра.

Уходила, расстроенная. Восемь тысяч для меня совсем не маленькие деньги! Да я бы и на четыре такой стол накрыла! Конечно, они привыкли ко всяким корпоративам, где никто не считает копейки.

Но не надо будет ломать голову, где брать посуду, как привозить продукты, кто будет накрывать столы. Мне бы книги привезти и отвезти, организовать всё и два часа одной выстоять на сцене!

Назавтра без двадцати два я была возле будки охранника, к директору надо было идти через двор.

– Я к директору.

– Он ещё в соседнем подъезде.

– Где его там искать?

– Да там же буфет, в буфете он.

Я и не знала за долгие годы, когда этот дом был и моим тоже, что в буфет можно попасть со двора!

Я его увидела сразу, он сидел спиной к входу с банкой пива и беседовал с молодым человеком на высоком стуле напротив. У него были тусклые тёмные волосы, тёмное, словно выдубленное лицо, тёмная одежда.

Директор был хорошо навеселе. Я растерялась – как с ним разговаривать?

Но его это не смущало.

– Мадам, мы договорились на два часа? У нас ещё пятнадцать минут. Чай, кофе?

– Благодарю вас, не надо.

– Ну, сок. Алёна, принеси даме сок. У меня ещё пятнадцать минут.

– Ради Бога!

Он повернулся к парню. Разговор был странноватый:

– Да, я там рыбачил, хорошая у вас рыбалка.

– Неплохая.

– И раки ловились. Громадные!

Пауза.

– Цена вопроса – пять миллионов.

– Многовато. – Пауза. Директор хлебнул пивка из банки. – Только мошकारа – жуть!

– Да, мошकारа...

– Так пять миллионов.

– Четыре – было бы ничего.

– Нет.

– Подумаем. А рыбалка – что надо.

– Ну, время. Мадам, прошу вас! Алёна, два листа бумаги и ручку!

У меня в голове звучало – пять миллионов, четыре миллиона... Что ему мои несчастные восемь тысяч! И ещё я его Карнеги не признаю. Весь мир – за, одна я против. Но он же сам сказал – восемь тысяч...

Я всегда чувствую отношение человека, такое вот лишнее шестое чувство. Он был снисходителен, держался свысока и покровительственно. Вот сейчас он распишет стол на восемь тысяч, сделает одолжение этой несчастной поэтессе, зачтётся на том свете...

А у меня в ушах звучало: цена вопроса – пять миллионов...

– Так. Две бутылки вина. Одна бутылка водки.

– Шампанское, – подсказываю я.

– Какое шампанское на восемь тысяч! Ладно, бутылку шампанского.

Бутерброды с рыбой, с колбасой, с ветчиной. Фрукты.

– Коробку конфет, – добавляю я робко.

– Не бегите впереди своих штанов!

Нет, это слишком.

– Что вы себе позволяете! Я не привыкла к казарменному жаргону!

– Это литературный жаргон. Я здесь такого наслушался!

– Это ваше дело.

– Простите.

Он выпрямился и дальше вёл себя подчёркнуто вежливо.

– Добавь солений каких-нибудь, если не хватит.

– Я могу идти? – тихо спросила Алёна.

– Свободна. Видите, как я их вышколил! Чего мне это стоило!

Когда он ушёл, Алёна сказала:

– Очень мало восемь тысяч, на самом деле.

– Но он сам назвал эту цифру. Может, мне докупить чего-нибудь, вина, шампанского?

– И печенья какого-нибудь хорошего, и конфет, мы разложим по вазочкам...

Я принесла четыре бутылки шампанского, вина, большую сумку печенья и конфет.

Фуршет был жалкий. На больших подносах громоздилось небообразимое количество бумажных бордовых салфеток. И на них – микроскопические бутерброды с палочками, и веточки зелени, как фиговые листочки. Подносы опустели мгновенно.

После двух часов на сцене я была голодна, как зверёныш, но весь вечер пила один фужер шампанского с долькой мандарина. Фрукты тоже мгновенно закончились, остались конфеты и печенье, которые я принесла...

На улицу вышла вместе со всеми. Меня пошатывало, я едва удерживала огромную охапку цветов. Подошёл молодой человек:

– Давайте, я помогу вам, подержу цветы! Вы знаете, я случайно попал на ваш вечер, знакомые девчонки притащили. Я стихи не читал вообще, а уж на вечера поэтические... Но теперь... Подождите, я поймаю машину!

Поймал. Заплатил. Погрузил сноп моих цветов, помог мне расположиться рядом с водителем.

– Спасибо вам за вечер!

– Вам спасибо!

Есть ещё рыцари в нашей солнечной стране, есть! Значит, не всё потеряно...

СЧАСТЬЕ

Первоклашка, наверно, — подумала я.

Он был маленький совсем, куртка расстёгнута, шнурки на маленьких кроссовках развязаны, один конец шарфа свисал почти до земли, другой болтался у шеи. Рюкзачок за спиной.

И вокруг него — облако из мыльных пузырей! Сверкающие, лёгкие, играющие всеми цветами радуги!

Он выпускал их непрерывно, и они кружили вокруг него, как маленький салют.

Наверно, он почувствовал мой взгляд и обернулся. Господи, какое у него было счастливое лицо! Сияющее, сверкающее, как облако пузырей вокруг.

У него не хватало терпения выдувать большие пузыри, они получались маленькие совсем, как звёздочки.

Он всё время встряхивал пузырёк — проверял, наверно, сколько там ещё счастья. Его оставалось совсем на донышке...

Андрей СЕМЁНОВ

Родился в 1969 году в Казахстане, в г. Уральске. Автор юмористической книги «Будулай и «Одноклассники». Опубликовано и другие юмористические рассказы. В настоящее время готовится к печати армейский роман «День Разведчика». Живет в Москве.

МЁРТВЫЕ ДУШИ

Миниатюра

Некто Чичиков открыл свой маленький бизнес.

Мёртвые души продавать.

В «Одноклассниках», «В контакте», в «Фейсбуке».

Благо дело, их там полно.

А желающих купить, так целая очередь!

Манилов собирает подписчиков на постройку Воздушного Замка.

Коробочка приглашает в группу женщин – любительниц белья большого размера.

Собакевич свой ресторан рекламирует – «Голод собачий». Ему тоже группу надо душами преувеличить.

Плюшкин, тот деньги платить не хочет, СПАМ приспособился рассылать.

«Зайдите, мол, в мою группу. Там очень интересно!»

А что в его группе?

Мусор только один. Он всё подряд туда тащит.

А Чичиков богатеет прямо на глазах.

Раньше-то, когда никто фишку ещё не просёк, он души эти покупал.

Много скупил.

Вот и пришёл его час!

А живые...

Живые нынче не в цене.

Евгений СКОБЛОВ

Прозаик, член СП России, Академии Российской литературы. С 2006 по 2015 год отдельными изданиями вышли три книги рассказов, два романа, две книги миниатюр и афоризмов, повесть для молодёжи старшего школьного возраста. Участник многих литературных изданий, сборников и альманахов. Лауреат литературных премий имени А.П. Чехова, имени М.Ю. Лермонтова, дипломант литературно-общественных премий МГО Союза писателей России «Лучшая книга» - «2008-2010», «2011-2013» и «2013-2015».

ГЛАВНЫЕ ВЫВОДЫ

Рассказ

Под конец третьей четверти, ученик 7-«А» класса Батлужин Серёжа выкрал из учительской классный журнал и подставил себе в учёте текущей успеваемости «четвёрку» по литературе и «пятерку» по истории. В результате, у него выходило в четверти – «четыре» по литературе, и «пять» по истории.

Если бы он не совершил свою секретную диверсионную миссию, то получалось бы «три» по литературе, и «четыре» по истории. Успеваемость класса в целом бы снизилась, и в школьном соревновании на лучшую успеваемость среди седьмых классов, класс «А» не смог бы занять первое место.

Об этом Серёжа Батлужин поведал (на перекуре за мастерскими) двум своим приятелям, таким же, как и он сам «хорошистам».

Приятели, покуривая не в затычку Серёжины сигареты, восхищённо его слушали и сокрушались между делом, что сами не додумались до такого простого решения. Одному надо было подтянуть свою успеваемость по алгебре, другому – по физике.

Правда, чуть погодя, они пересмотрели свои взгляды. Ведь это же нечестно, во-первых. А во-вторых, знаний это не прибавит, это же понятно. А в-третьих... А что в-третьих?

Да слишком хитрый, вот что. Поэтому они потихонечку об этом рассказали другим ученикам, в том числе и самым лучшим ученикам класса.

Разумеется, классный руководитель Елена Константиновна также узнала о шпионской акции, проведённой Батлужиным.

Серёжа едва не загремел из школы. Обошлось, правда, вызовом родителя Батлужина Сергей-старшего, тремя двойками в четверти (по литературе, по истории и по поведению) и парой подзатыльников дома.

Сам же Батлужин Серёжа-младший сделал для себя три очень важных вывода из всей этой истории.

Первый. Все друзья – сволочи.

Второй. Сделал дело – молчи в тряпочку.

Третий. Люди, и особенно приятели, очень ревностно и без особой радости относятся к чужим успехам.

Этими выводами Батлужин Серёжа руководствуется и теперь в своей повседневной деятельности. Сейчас он хозяин небольшого завода по производству упаковочных материалов. Постоянно проживает в городе Бостон, штат Массачусетс, США.

Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ

Поэт, прозаик, публицист. Состоит в СП России, СП XXI века. Автор статей, очерков, рецензий в периодике, в том числе в приложении к «Независимой газете» «EX-LIBRIS», поэтических сборников – «Задумчивый сентябрь» (2004), «Стихотворения» (2010), «По алфавиту» (2012) и романа «Господи, сделай из моего ребра роляль!..». Стихи переведены на иностранные языки, звучали в радиопередачах. Один из учредителей Содружества Современных Литераторов, выпускающий редактор альманаха «Витражи».

БОГОУГОДНОЕ ДЕЛО

Отрывок из романа «Господи, сделай из моего ребра роляль!..»

После посещения Кречетова Вета долго не могла успокоиться. Не было сомнений – он погибал, как человек и как музыкант, и когда Вета встречала в переходах метро кучковавшихся бомжей, ей нет-нет, а приходила в голову мысль, что ещё немного, и Кречетов окажется с ними в одной компании. Михаил, конечно, не мог не замечать страдания жены, что, в свою очередь, повергало его в молчаливую задумчивость; он, как врач, осознавал глубину драмы, но когда в очередной раз их разговор касался музыканта, он всё больше слушал рассуждения Веты, а уж когда она выдыхалась, добавлял с горькой иронией:

– Нет, он ещё не все круги ада прошёл, чтобы рядом с бомжами сидеть...

Однако и Михаил уже терял надежду на воскрешение Бога за ролям. В результате их с Ветой разговоры о Кречетове заканчивались риторическим «Что делать?» без ответа на извечный вопрос. И Вета решила на последнее, как ей казалось, средство. Она вспомнила, как на мастер-классах Кречетов рассказывал, что бабушка водила его в церковь в центре Москвы. Что находится эта церковь в Китай-городе и носит имя Святых бессребреников Косьмы и Дамиана. Ещё он тогда добавил, что в этой церкви служит его знакомый, который когда-то учился в консерватории. «Ничто не зря», – подумала Вета и набрала номер телефона Сониной мамы – именно с ней удобнее всего наведаться в церковь по такому деликатному вопросу. Римма женщина спокойная, рассудительная и, кажется, даже посещает службы по праздникам.

Сама Вета, хоть и крещёная, мало смыслила в церковных традициях. Римма согласилась на предложение Веты незамедлительно.

– Конечно, дело это богоугодное. Все средства хороши, лишь бы человек в себя пришёл, – сказала Римма.

Решили имя Кречетова не упоминать. По дороге разговаривали о подпечном и его учениках. У Сони, как оказалось, тоже уроков не было уже недели две. Римма рассказала, как Соня разыграла Кречетова эсэмэсками. В отместку за то, что он её обидел, накричав и пригрозив выгнать из класса.

– Вот негодник, привык отыгрываться на учениках за свои неудачи, раз больше не на ком... – беззлобно поругивала Кречетова Римма.

– Ну да, – вторила ей Вета, – как обычно – мы срываемся на близких, если что не так, а в обществе держим лицо... А Кречетов догадался, что это Соня ему эсэмэски посылала? – спросила она.

– Похоже, он так и не понял, кто его разыграл, – улыбнулась добродушно, с еле заметной иронией Римма, – и хорошо, что не догадался. Иначе не знаю, что было бы.

Церковь Косьмы и Доминана долго искать не пришлось. Она будто сама возникла на пути разговарившихся женщин. Батюшка оказался высоким благородного вида старцем, по-видимому, в молодости очень привлекательным. Тёмные вьющиеся волосы до плеч с искрами седины обрамляли вытянутое, как на образах, лицо. Высокий лоб. Неторопливые уверенные движения заставляли забыть о мирской суете. В серых внимательных глазах – неподдельное участие. Облик, во всех отношениях располагающий. Римма с ходу, запинаясь от волнения, изложила просьбу: «Батюшка, человек с пути сбился... Бес в нём. Неуправляемый он... Чем можно... помочь?» – и воззрилась на батюшку, как на Спасителя. Вета стояла рядом и ждала, что ответит этот мудрый многоопытный служитель Всевышнего. А батюшка выслушал Римму внимательнейшим образом, сложив красивые руки поверх сутаны, – для стороннего наблюдателя лицо батюшки ничего не выражало, кроме безмерного спокойствия. Глаза, почти не моргая, внимали говорившей, и только по едва заметным движениям пальцев можно было понять, что внутри идёт невидимая напряжённая работа мысли. Недолго помолчав, он медленно развёл руки:

– Заочно – ничем нельзя помочь. Если бы сам пришёл... – он выжидательно посмотрел на Римму, – кто он вам?

Римма, вконец растерявшись под заинтересованным взглядом батюшки, опустила глаза в пол и, будто не слыша последнего вопроса, проговорила, как прошелестела:

– Вряд ли он сам придёт, батюшка.

Вета, заметив брошенный на неё вопросительный взгляд священнослужителя, кивнула головой и подтвердила слова Риммы:

– Вряд ли он придёт...

Батюшка же сверлил Римму глазами:

– Что ж за бес мучает вашего... знакомого?

И Римму точно прорвало. Она начала быстро-быстро запальчиво говорить, как причитать:

– Пьёт он, батюшка! Пьёт по-страшному! Боимся, как бы не до смерти...

Вета вторила эхом:

– Пьёт по-страшному... И профессию, и себя теряет.

Батюшка поглядывал то на одну, то на другую. Потом вытащил из-под накидки крест и осенил крестом просительниц:

– Отступитесь! – величественно произнёс он. – Вы ему ничем не поможете. Он идёт своим путём. За себя беспокойтесь. У вас дети. Им вы нужны.

И дал понять, что это всё, что он может сказать по этому поводу. Даже черты лица его вдруг стали жёстче, морщины глубже, уголки рта скорбно опустились, взгляд стал отстранённый и безучастный – батюшка будто в себя ушёл. Римма в нерешительности переступила с ноги на ногу, весь её понурый вид говорил за неё: «Что, и здесь нам никто не поможет? Хоть чем-то!» Вета заторможенно переводила взгляд с Риммы на батюшку и обратно. Надо было заканчивать этот бессмысленный разговор.

Все помолчали. Римма и Вета оглянулись по сторонам на одиноких посетителей, словно тянули время. Наверное, батюшке стало жаль странных просительниц. А может, его раздражало их непонимание, но сказать об этом ему сан не позволял. Он первый нарушил молчание:

– Я... единственное, что могу... помолиться, – и посмотрел в глаза поочерёдно Римме и Вете, задержав взгляд на доли секунды, будто подтверждая своё обещание. – Я буду молиться за него, – повторил он и склонил голову в прощальном поклоне.

Рима, словно в неё вдохнули жизнь, просветлела и кинулась благодарить батюшку, горячо, как показалось Вете, не совсем по его заслугам:

– Спасибо, батюшка, спасибо, – раскланивалась и прижимала руки к сердцу Рима. Вета тоже сказала: «Спасибо», но благодать на неё не снизошла – оказалось, что церковь тоже не в силах справиться со страшной напастью. Она пошла задумчиво к выходу. Римма несколько раз поспешно перекрестилась и следом за Ветой тоже вышла на улицу.

– Вот так вот, – посетовала она, – помощников у Кречетова остаётся всё меньше...

– Угу, – откликнулась Вета мрачно, – он идёт своим путём, – повторила она слова батюшки, – падает в пропасть. И никто-никто не может ему помочь.

МИСТИЧЕСКИЕ ВИТРАЖИ

Ник ОДИНЦОВ

Псевдоним Николая Калиниченко. Родился в 1980 году в Москве. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт (МАДИ). Живёт в Москве, работает инженером-проектировщиком в ОАО «Институт Гипростроймост». Первая публикация состоялась в альманахе «Литературный Башкортостан» в 2003 году, затем в «Литературной газете», «ExLibris-НГ», журналах «Если», «Мир фантастики». Рассказы и повести публикуются в ежегодных антологиях фантастики, выпускаемых издательствами «Азбука», «АСТ», «ЭКСМО».

ЧЁРНЫЙ ЗОНТ

Легенда

Давно это было. Жил в Праге мастер. Всю свою жизнь он делал зонты. И отец его делал. И дед. А прадед мастера зонтов не делал. Зато был придворным алхимиком и предсказателем.

От прадеда унаследовал наш кустарь частицу нездешнего дара. Каждый зонт у него выходил наособицу. И в каждом своё волшебство было спрятано. Едва дождь пойдёт, чудо тут как тут из-под купола выглядывает. Одному мяснику из Градчан достался кусочек весеннего неба. Пожилому пивовару со Староместской – тёплый солнечный свет. А одна юная дама пожелала, чтоб из зонта – виданное ли дело? – ромашки сыпались. И тут не оплошал мастер. Выполнил заказ. Идёт дама по Карлову мосту. На дворе ноябрь, дождь холодный хлещет, а за ней тропинка из цветов. Городские пройдохи ромашки эти собирать на-вострились и приезжим продавать. Мол, счастье приносят. Хорошие деньги выручили!

Бывали, правда, заказы посложнее.

Пришёл как-то к мастеру один студент. Пальтишко на нём драное, худой, бледный, а глаза, точно угли, горят. Видит мастер, дело тут непростое. Налил гостю сливовицы и спрашивает: что тебе, любезный, от меня надобно?

И рассказал студент такую историю. Была у него возлюбленная Бержка, дочь ростовщика. И всё у них шло ладно. Встречались тайком, гуляли. На лодочке по Влтаве катались, лебедей кормили. Вот уже

и сами будто два лебедя. Друг без дружки жить не могут. Решили они пожениться. Только преграда перед ними – беден студент. Явился он в дом ростовщика, что под Вышеградом, просит за себя Бержку отдать. А ростовщик слушать ничего не хочет. Выгнал юношу взащей. Дочь, как узнала, хотела от отца бежать. Ничего ей не надо – ни чести, ни приданого – лишь бы милый рядом был. Но ростовщик соединиться им не дал. Посадил дочь под замок, решётки на окна поставил. И приказал слугам дочь стеречь. Пытался студент выкрасть любимую, да ничего не вышло. А Бержка от тоски зачахла и померла.

– Чего ж ты от меня хочешь? – спрашивает мастер, а сам слезу смахивает. Потому человек был не злой и чувствительный.

– Хочу я, – говорит студент, – любовь свою оживить. Сделай мне такой зонт, чтоб в загробный мир сойти и обратно с милой моей возвратиться.

Испугался мастер, стал отказываться. Но парень попался упрямый.

– Без этого мне и жить незачем! – кричит. – Откажешь – пойду тотчас с Карлова моста в реку прыгну!

Вздохнул мастер, не стал брать грех на душу.

– Хорошо, будет тебе зонт.

– Дело! – говорит студент, а сам кошель тугой достаёт. – Заложил я всё, что у меня есть, и братья-студенты ещё немного помогли.

– Денег мне за такое не надобно, – отвечает кустарь, – приходи через девять дней. Работа готова будет.

Вот является студент к мастеру в назначенный срок и тут же с порога:

– Готов ли зонт?

– Готов, – хмурится мастер, – только, прошу тебя, подумай ещё раз. Человек ты молодой, смыслённый. Вся жизнь у тебя впереди. Возьми деньги, что собрал, вложи в дело. Десяти лет не пройдет – разбогатеешь. Большим коммерсантом будешь. А как придёт срок – построишь в память о любимой своей часовню. Такой красоты, что все дивиться станут. И стоять ей до судного дня. Это я тебе точно говорю, потому мой прадед провидцем был, и дар его мне передался.

– Не бывать этому, – отвечает студент, – без Бержки моей.

Что ж тут поделаешь? Покачал головой кустарь, шагнул в угол, где тень погуще была, и достаёт зонт чёрный, как осенняя ночь. А спицы у того зонта, точно костлявая пятерня. Рукоять блестящая, острая, на вороний клюв похожа.

Вздрогнул студент, но взгляд не отвёл. Руку к зонту протягивает.

– Погоди, – говорит мастер, – сперва наказ послушай. Как дождь пойдёт, порежь рукоятью ладонь, так, чтоб кровь твоя на мостовую капала, потом спрячься под зонтом и головы не подымай. Смотри только себе под ноги. Они тебя к твоей Бержке сами вынесут. Как найдешь её – зови к себе. Потом вместе по следам крови твоей обратно выберетесь. Только зонт не опускай и вокруг не смотри. От этого жизнь твоя зависит.

– Да как же я Бержку увижу? Если всё время под ноги смотреть? – удивляется студент. – И кровь мою дождь смоем.

– Девушку найдёшь по башмачкам, в каких её схоронили, а кровь живую в загробном мире, как ни старайся, ничем не смоешь. Оттого и грехи наши все на виду. Ну, ступай.

Сделал парень всё, как мастер велел. Едва тучи дождевые над Пороховой башней кольцом завились, порезал себе ладонь и с первыми каплями нырнул под зонт. Вот идёт по мостовой и в самом деле тягу особую в ногах ощущает. А самого любопытство берёт. Что там в загробном мире творится? Ткань у зонта плотная. Ничего не видать. Только слышно, как вокруг кто-то ходит. И будто бы голоса даже, и звуки всякие. Может, обманул мастер? Ничего не сделал. И сейчас потешается над бедным влюблённым вся Прага. Уже совсем собрался студент зонт приподнять, как вдруг видит чьи-то ноги прямо перед ним. На ногах венские туфли с золотыми пряжками. И голос такой любезный, мягкий:

– Здравствуй, добрый путник, покажи мне своё лицо.

Студент молчит, не отвечает, а голос не унимается.

– Что ж ты спрятался, мой друг. Давно я тебя жду. Взгляни же на меня!

Парень опять ни звука, а сам тихонько про себя молитву святому Дионисию возносит. И едва латынь в голове отзвучала, ноги в туфлях обратились куриными лапами, а благозвучный голос хриплым граем. Не стал юноша больше слушать, обошёл крикуна и дальше зашагал.

Идёт он, а рука совсем онемела, и зонт из неё едва не выпадает. Вдруг опять ноги перед ним. В тяжёлых, грубых башмаках, и голос обуви под стать: злой, сиплый, точно такой у городского Сбышека был, того, что в прошлом году от тифа помер.

– А ну покажи лицо! Покажи, кому говорят! Покажи, а то хуже будет!

Студент под зонтом ни жив, ни мёртв – он Сбышека и живого-то боялся – только молитву святому Виту тихонько шепчет. Помог ему святой, обратились башмаки страшными копытами, а голос звериным рёвом. Потоптались-потоптались ноги-оборотни да и утопали куда-то. Студент дальше идёт, а сам в голове образ Бержкиных туфель держит. Розовые они у неё были, с перламутровыми застёжками.

Совсем худо студенту стало: рука обескровленная болит, спина затекла. А вокруг шаги, шорохи, стоны. Кажется ему, что он в толпе идёт. Да только ничего не видать. И вдруг обступили его со всех сторон башмаки, туфли, сапоги всех мастей. Голоса знакомые и незнакомые отовсюду звучат. «Покажи лицо!», «Не упрямясь!», «Ты уж наш!», «Так только лучше!».

Студент из последних сил вперёд идёт и молитву святой Варваре во весь голос кричит. Расступились ноги, и видит юноша впереди знакомые башмачки: розовые, с перламутровыми застёжками. Стремится студент к возлюбленной. Не бежит – летит.

– Бержка, любимая!

А та в ответ:

– Ты ли это, милый мой? Неужто за мной и сюда пришёл? Где ты? Покажись скорей, дай обнять тебя.

Студент наказ мастера позабыл. Поднял зонт, бросился к Бержке. Обнял. И лицо своё мёртвому миру открыл. Тотчас свершился страшный рок. Вернулись влюблённые в мир живых, да только в камень обратились.

Их и сейчас можно видеть стоящими над Влтавой. Говорят, когда в Праге идёт дождь, можно услышать, как двое каменных людей под зонтом шепчут друг другу слова любви.

Кровь студента из подземного мира в наш цветами проросла. И если видит горожанин на пражских камнях красный глазок мака, – непременно перекрестится.

А что же мастер? Он по-прежнему делает зонты. Не верите? Пойдите и убедитесь. От Малостранской вверх и направо, а дальше, как сердце подскажет.

Юлия АРЕШЕВА

Окончила Технологический университет им. К.Э. Циолковского, затем Литературный институт им. А.М. Горького, кандидат филологических наук, защитила диссертацию по религиозной философии Серебряного века. Член СП России, организатор Общества любителей русской словесности «Глагол», ведущая Клуба Содружества Современных Литераторов. Рассказы публиковались в журналах «Юность», «Дружба Народов», «Волга-XXI век», «Поляна». Автор книги «Шестьдесят первое воплощение» (2016).

НЕВЕСТА

Рассказ

Дверь захлопнулась. И он остался с другой стороны. И я прижалась к этой холодной двери в надежде услышать его дыхание. Я не знаю, стоял ли он и прислушивался тоже или сразу ушёл. На самом деле дверь – лишь вымысел. Мы с ним – в разных плоскостях, мы не видим друг друга. Витольд – где-то в своём, неясном и тёмном, как космическое небытие, мире. Я – в своём уютном мирке, где горит тёплый светильник, а на потолке нарисованы узорчатые листики. «Скучай о нашей встрече», – написал Витольд мне как-то в смс-ке. Я храню их все, храню, насколько позволяет память телефона.

Я стеснялась, закрывала лицо ладонями и выдыхала: «О, Господи, Боже!». А он делал мне комплименты. И крепко меня держал. И я его тоже, насколько могла. Мы говорили тихо. Мы лежали в постели. Он ко мне приехал. И я принесла подушки и одеяло, а простыню забыла.

– Ой, как стыдно... – прошептала я.

– Ну, что ты... – прошептал он.

Сумерки ртутью втекали в окно.

А началось всё ранним утром, когда я с родителями села в автомобиль, а ей надели кружевное свадебное платье и белый веночек. Платье, на которое она несколько месяцев копила деньги. И принесли белые розы на тонких длинных стеблях. Розы, которые она сама себе заказала.

Я уже знала, что она будет очень красивой невестой. Но я не знала ещё, что он приедет ко мне. Ветер рваной птицей бился в окна машины.

Солнце опалило ветру крылья, а он обжигал нам щёки. И мы согревались в машине.

Сегодня она будет невестой. И соберутся все. И опоздать нельзя. Но мы ехали медленно: вчера родителей закрутило на дороге, на тонкой корочке льда «поскользнулись» колёса, джип совершил лихой пируэт, но, одумавшись, благоразумно затормозил у самой кромки оврага.

– А сколько ей лет, мам ? – спросила я.

– Двадцать три, – мама смотрела в окно.

– Чуть моложе меня, – сказала я и уставилась в книгу. Я читала Гюстава Флобера «Госпожа Бовари»: «Если она говорила, что шла по одной стороне улицы, можно было с уверенностью сказать, что она на самом деле шла по другой стороне».

– Нужен букет.

Остановились у магазина.

– Только не гвоздики, это её нелюбимые цветы, – сказала мама и вышла.

Я закрыла книгу и положила на колени. Дальше не читалось.

Она – дочь троюродной сестры моей мамы. Мы почти не общались. Я, помню, видела её, когда сама была ещё школьницей: на дне рождения одной из наших родственниц она тоже сидела за столом – белокурая и голубоглазая, со скромно опущенными ресницами, и волосы её рассыпались по плечам, а ушки слегка торчали. «А можно мне ещё конфету?» – спросила она свою мать и потянулась к вазе. «Нет, – ответила та. – Ты уже много съела».

Мы потом с ней сидели на кухне на полу и строили домик из деревянного конструктора. Ей особенно нравилось приделывать балкончики и ставить туда бумажные фигурки людей – парня и девушки, держащихся за руки. Она ставила фигурки с особенной бережностью и несколько раз поправляла, чтобы вдруг не упали.

– Поедем уже – время! – вернулась мама с букетом роз и прервала моё воспоминание.

– Mam, я так давно её не видела. Я её теперь не узнаю.

– Господи, да какая разница...

– Нет, я просто...

Дверь была открыта. И мы вошли. И комната была уютная, и ангелок прикорнул на шкафу, и розовая собачка притаилась в уголке дивана. И людей уже собралось много. И цветов тоже. И кто-то не знал и принёс гвоздики. И их поставили на пол, в ведро. И крохотная сгорбленная женщина с заплаканными глазами вышла навстречу – мать невесты.

– А, Эленочка, – слабым голосом выдавила она и распахнула мне объятия. – Вот, видишь, доченька, все пришли к тебе – всё, как ты и хотела. Ведь ты же хотела, чтобы все собрались. Чтобы все!

И я прошла чуть вперёд и увидела невесту: она лежала в чём-то белоснежном и шёлковом, и её кожа – цвета медовой свечки, и глаза плотно закрыты, и веки, как фиалки, и губы – надломленный лёд, и рукава у платья кружевные, и цветы в венке – искусственные. А позади, на большой фотографии, перетянутой чёрной лентой, улыбалась милая девушка с букетом роз, румяными щеками и глазами, в которых блестяла жизнь. А теперь невеста напоминала то ли восковую фигуру, то ли застреленную на болоте цаплю, крылья которой проткнуты сухими острыми камышами. И слёзы мартовским холодным дождём хлынули из моих глаз.

Все молчали. Мать невесты говорила и говорила: «А когда её в реанимацию увезли, меня туда не пустили. А она так просила: «Мам, не уходи, не уходи». И голосочек тихий-тихий такой, кашель проклятый душил её, а откашляться сил не хватало. А я всегда с ней: она как сознание потеряет, очнётся, а я – с ней. И вот я думаю: придёт в себя, испугается, что меня нет. «Мам, а мы дотянем, дотянем?» – всё спрашивала. «Конечно, дочка, а как же!». Очень она дня рождения хотела, чтобы все к ней пришли – её повидать. Не уберегла я мою дочку, не уберегла. Я – к доктору: как она там? Ну, хоть на минутку пустите! А он – нет, ни в какую! «Она, – говорит, – конечно, тяжелая, но очнулась, приходит в норму». «А маму зовёт?». – «Зовёт». – «Ну, пустите!». – «Нет, там стерильные условия». Ну, я думаю, постельку ей в палате пока перестелю, а то бельё скомкалось: она металась всю ночь. Ну, перестелила – и к Наталье – медсестре: Наташечка, ну что такое, почему меня к ней не пускают? Может, её уже в палату взять можно? Она ведь очнулась, и давление у неё... Наталья сходила в реанимацию, вернулась – и на меня так смотрит: «Нет её, пятнадцать минут, как нет её...». Она ведь очнулась, разговаривает. Как же нет? Нет...».

Она знала свой финал. И даже ждала его, и просила: поскорее. Она устала и хотела этой «свадьбы». Она заранее откладывала деньги на платье: «Я буду невестой! Я буду. Я буду».

С девяти лет в её теле поселилась болезнь и медленно её поедала. Ее звали Лидия. И она стала невестой Христовой.

Я опустилась на диван. Рядом сидели, сгорбившись, родственники. И лица их были, как тени. И ветерок из приоткрытой двери ласково трепал кружевную белую штору.

Пришёл юноша – её друг. Коренастый, волосы ёжиком. Один глаз слишком прищурен, другой – круглый, бегающий. Юноша склонился над ней, как воробушек, и впился коготками в краешек гроба.

– Коленька, он молодец, он всё для моей доченьки, всё... Хочу, говорит, морской капусты – морской капусты ей принёс. Она в последнее время едва говорила, только шёпотом в телефонную трубочку: «Коленька, ты ко мне на день рождения придёшь?». Вот он какой, день рождения... – всхлипнула её мать.

Нервный голубой глаз Коленьки ни на секундочку не останавливался.

Мой телефон вздрогнул смск-ой. Написал Витольд: «Эленочка! Как тебя греет солнышко?! Как твои желания? Можно к тебе приехать?»

Ему было солнечно. И я вдруг непроизвольно, нечаянно, улыбнулась. Вокруг было горе. Я смотрела на девушек, которые молча стояли у её гроба и плакали, и «грызли» носовые платки. Я и сама плакала минутой назад.

Я вышла из подъезда, набрала его номер и объяснила ко мне дорогу.

Я шла по холодной улице, по тающему льду – шла ждать его. И сначала верила, что приедет, потом сомневалась и снова окрылялась уверенностью.

– Мне вот просто нравится к тебе прижиматься и чувствовать тебя всю. Я не вижу ничего вокруг, я воспринимаю тебя в отрыве от этой комнаты. Мы в невесомости, понимаешь, в невесомости!

Это были искренние или заготовленные фразы, которые Витольд всем говорит?

Вот он рядом. Вот темнеет. Вот сумерки вливаются в окно ртутью.

– А я представляю тебя с ребёнком. Почему ты не хочешь ребёнка? – спросил Витольд.

– Ну... Я не знаю, что тебе сказать...

«Прямо вот так, сейчас, от тебя ребёнка? От тебя, который сам не знает, влюблён ли», – думала я

День, начавшийся с похорон, заканчивался апофеозом жизни.

Витольд уехал, когда стемнело и лужи сковало льдом. Я ещё долго стояла и махала вслед уходящему поезду, а потом и сама пошла куда-то вдаль по тёмному, бесконечному перрону. Ночью я послала Витольду смс-ку. Он ответил, что уже дома и готовит себе ужин, жарит картошку. Можно ли променять меня на жареную картошку? Выходит, что да.

И он пожелал сладких снов. И больше не писал. И ночь захлопнулась: ночь была дверью, за которой остался он. «Неделю, две недели назад я была в этот день там...», – вспоминала Эмма Бовари. «Месяц, два месяца назад, год...», – продолжила я.

А Лидию похоронили. В платье невесты.

Марина БОЧАРОВА

Художник-график и писатель. В живописи предпочитает краски и тушь, а в жанрах – мистику, фэнтези, пейзажи и анималистику. При написании рассказов наброски делает от руки в тетрадке, а потом садится за ПК. Закончила факультеты журналистики и зарубежного регионоведения. Публиковалась в журналах «Контрабанда» (Москва) и «Союз писателей» (Новокузнецк). Дипломант Международного конкурса хайку на русском языке (2014). Выставки картин проходят с 2013 года. Живёт в Подмосковье.

Глава III «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЮНОГО ЛЮДОВИКА»

из «Повести о Гомункуле»

Наступила шестнадцатая весна для Людовика, ранняя, быстрая, шумная. Зима отступила быстро, как побеждённый враг, и о ней позабыли вмиг. Люди, спрятав тяжёлые шерстяные одежды в шкафы, одевшись ярко, по-весеннему, потоками выкатывали на улицы и дальше, за город, на луга и поля, где гуляли и веселились. Сады цвели пышно, будто это было впервые, стараясь показать всю свою красоту. Очнулись и придворные. Заскользили по прудам и рекам изящные лодочки, всё чаще мелькали пары среди юной зелени сада. Запели соловьи, с новой силой стали писать стихи поэты и музыканты. Людовик со свитой часто выезжал верхом за городские ворота, один раз посетил свой любимый замок. Такой видел весну юный принц, и даже радовался, когда во дворце поднялась суматоха из-за празднования его дня рождения. Счастья прибавляло и то, что на пару недель его освободили от работы в канцелярии. Людовик, сидя за занятиями или прогуливаясь по дворцу, слушал весь предпраздничный шум. Он был юным, но и без философии уже знал, что всё затихает только в час беды и смерти. Ведь даже ночью есть шорохи и шёпот. И принцу нравилось здесь всё, ведь он рос во дворце самого большого государства в северных краях, и это было его жизнью.

Мужчины и женщины с одинаковым упорством придумывали новые наряды. А портные, шляпники, обувщики и перчаточники потирали руки от ожидаемой прибыли и одновременно сетовали на навалившуюся работу. К ним везли пёстрые шелка из мифических восточных стран.

И алый бархат со стороны тёплого Средиземного моря. И белые невесомые кружева из местных мануфактур. У ювелиров лежали коробочки с жемчугом со всего света. Золотые цепочки, серебряные шнуры относили всем мастерам сразу. Нередко няньки или мать отводили старшего принца Людовика к главной придворной портнихе – на примерку. Ему шили костюм синего цвета, с полосками-вставками из золотой ткани. Делали наряд и для Франциска, его младшего брата, но тот не радовался этому и только порой шипел на швею, как змея. Второй принц был бы счастлив, если бы замолчали все, даже птицы. Весенний гомон приносил ему лишь раздражение, и он чаще скрывался в своей комнате.

Вечером, перед празднествами, Людовик наблюдал из своей комнаты за гостями. Он стоял коленками на стуле, опираясь руками на высокую оконную раму. Принц уже заметил несколько князей, принцев и королей со свитой, которых видел крайне редко. «Интересно, что задумал отец?», – припомнил он недавнюю переписку с ними. Но вот что его поразило, так это появление маленькой девочки лет одиннадцати, в сопровождении отца, властителя соседних земель, вторых по величине после его страны. «Ведь его дочь мала, чтобы выставлять её в свет», – решал загадку Людовик. И она разрешилась очень скоро, следующим утром.

За час до полудня тронный зал заполнился гостями. На середину зала вышел царственный отец Людовика, ведя под руку сына. Хотя это принц помогал ему, ослепшему, но делал это аккуратно, как можно более незаметно для других.

Взгляд Людовика упал на гостей – среди них стояла та самая маленькая девочка, очень нарядная, дочь короля-соседа, к которому его отец так спешил на помощь несколько месяцев назад. И зачем они прибыли сюда по разбитым войной весенним сырым дорогам? Людовик почему-то думал об этом, но не предполагал, что его отец, стоя посреди бальной залы, блестящей от огней, подзовёт совсем юную принцессу к себе и возьмёт её за тонкую ручку:

– Сегодня моему сыну, наследному принцу исполняется шестнадцать лет. Но мы празднуем не только его день рождения. Я объявляю о помолвке принца Людовика с принцессой Дианой. Через семь лет они поженятся. Поприветствуйте свою будущую королеву!

Для Людовика вся торжественная зала наклонилась набок и скатилась куда-то вниз. Голоса и рукоплескания затихли. Как так? Как так!

Двор радовался, искренне или нет, но лишь на одном лице улыбка так и не появилась. Впрочем, там её и не появлялось никогда. Этот человек был младший брат принца крови, Франциск. Он незаметно сделал несколько шагов назад, выбираясь из толпы, улизнул через залу, где за столами сидели менее именитые гости, и, словно невидимый призрак, проник сначала в свою комнату, потом в сад, а оттуда известным лазом в заборе ушёл в город. Правда, прежде чем покинуть дворец, он задержался в своей комнате. У дальнего угла стоял глубокий сундук для игрушек, в который его маленький хозяин нырнул и вытащил дешёвый

домотканый плащик, купленный на местном рынке в базарный день. Деньги он тогда попросил у матери, будто для другого дела. Хранился он под деревянными собаками и солдатами. О, Франциск любил сажать их в круг и устраивать военный совет! Порой его фантазия заходила в области не для детского ума, что пугало няnek и королеву. Родители предлагали ему другие игрушки, но мальчик предпочитал видеть именно их. Он считал, что они сделают его мягким. По той же причине он не любил поэзию или рыцарские романы. Точно зная, что в этом ящике никто не будет убирать, по его запрету, он хранил здесь тряпьё, купленное на местном рынке.

Теперь он накинуд на себя извлечённый из ящика наряд и тайными путями покинул дворец и этот надоевший ему с самого начала праздник.

А в это время в кабинете короля Людовик выкрикивал всё своё негодование.

– Нет! Я не желаю быть её мужем!

– И что тебе в ней не нравится? – Король говорил спокойно, хотя буйство сына разогревало в нём природную ярость, которую он сейчас сдерживал.

– Всё! – тут Людовик стал корчить гримасы, изображая принцессу, – что это за глаза, большие слишком! Тощая, как палка! Её, наверное, не кормят лишний раз. И нос...

– Это всё? – грозным голосом перебил его Король, но принц этого не заметил.

– А главное, почему вы у меня не спросили? – Людовик смотрел отцу в глаза.

– Хорошо, тогда кого бы ты выбрал? – неожиданно спокойно поинтересовался отец.

– Например, маркизу Лукрецию, – тут же назвал сын.

– Да? Сейчас-то вертлява, а потом... Кто ещё?

– Хм, например, герцогиня Лилиан!

Король вспомнил красивую девушку с пышной грудью, будто её готовили в кормилицы:

– Так, всё понятно. Ты будешь мужем принцессы Дианы. Разговор закончен.

– Но, – хотел было снова начать спорить Людовик. Тут отец ударил по крепкому дубовому столу кулаком так, что стоявшая на нём чернильница задрожала и из неё выпало перо.

– Прекрати! – он выдохнул, – сейчас мы успокоимся, и оба выйдем опять к гостям. Невежливо бросать их на своем празднике. И у тебя будет время поговорить с невестой.

Людовик не ответил ничего, только сел в глубокое кресло, опустив голову, чуть не заплакав от обиды...

Франциск шагал по улицам, витая где-то в своих мыслях, но тут его нос защекотал аромат особый, аромат Квартала Ведьм. И это его удивило, ведь нюх у второго принца был слабый, но взамен подарено

прекрасное зрение, способное видеть не только обычные предметы и людей. Он мог видеть то, что другие не видели, например, призраков. Впервые он увидел призрака в пять лет. Бледная тень проплыла по саду и скрылась в гуще деревьев. Тогда Франциск испугался, решил, что ему чудится. Но потом он увидел ещё одного, уже дымкой летевшего по улице. Тогда он понял, что мир совсем иной, что не только люди и звери его населяют. Впрочем, он был не по годам развит, и многие шептались, что в теле ребенка сидит вовсе не человеческая душа. Он помалкивал о своём тайном даре и пересказывал то, что от него хотели слышать учителя и родители.

Сейчас стены домов перед его глазами слегка вибрировали, что было похоже на колыхание воздуха при пожаре. Много поколений подряд люди за этими каменными стенами рождались, жили, рождали потомство и умирали. Камни впитали их эмоции, все их радости и печали, и теперь вот их-то и видел маленький Франциск. А тёмный Квартал Ведьм был совершенно иным.

Эта тупиковая улица начиналась двумя высокими грузными домами и заканчивалась чёрной заброшенной церковью с погостом самоубийц и других нечестивцев. Франциск удивился, что здесь он только второй раз. Но и первым тот визит не назовешь. Он лишь только забежал сюда, как нечто вытолкнуло его назад, будто дали пинка, как в негостеприимном доме. А теперь... Теперь перед ним скудно освещённый квартал был, как парадная зала дворца.

От ног Франциска выбежала тонкая, блестящая в сальном отсвете фонарей рыжая кошка. На крыльце своего дома стояла молодая ведьма и ласково приговаривала животному:

– Иди ко мне, красавица моя.

Из окон её дома и шёл резкий и манящий запах сосны, шалфея и камфары. Ведьма глянула косым глазом на мальчишку, решила, что пусть этот бродяжка ходит здесь – не страшно, и плавно затворила за собой дверь.

Здесь на домах не было вывесок, какие качаются возле булочных или пивнушек. Здесь клиенты сами знали, куда идти, в какую дверь стучаться. Вот за этой дверью, дубовой, тяжёлой, могли погадать на трупах мужчины или женщины. Конечно, и на детских, но они дороже. А вот тут, за дверью из осиновых досок, безноса старуха заклинала полевые травы на урожай, слуг на честную службу и публичных женщин на любовь или дармовые ночи. За этой дверцей карлик с морщинистым лицом погадает по руке и вызовет призрака умершего родственника.

Квартал Ведьм существовал, несмотря на три страшных пожара и массовое повешение по приказу суда почти всех местных обитателей несколько лет назад. Они заводились снова, как мухи в выгребной яме. Огонь и верёвка их не брали, квартал существовал уже не первый десяток лет. Он притягивал магов, хиромантов, ворожей, толкователей чёрных оккультных книг, но, по негласному закону, позволяли здесь

поселиться немногим. Вам нужно погадать по руке на авантюрку, да денег нет? Это к гадалкам с Левобережья. Вы их найдёте по запаху никогда не мывшихся старух, днём торгующих протухшей квашнёй и тем, что неделю назад звалось мясом. Они и погадают, и советы дадут. Да, и дешёвые девицы там же. Здесь мы торгуем чудесами! А если кошель ваш полон и дело серьёзно, то вам сюда. Мы вам покажем будущее! Мы вам покажем чудеса...

Франциск озирался по сторонам, с живым диким интересом разглядывая всё вокруг и принюхиваясь. Такого интереса в нём не вызывали ни картины гениальных живописцев, ни восхитительные интерьеры дворца или домов вельмож, ни сады, никакое искусство, никакое.

Зазвенел колокольчик над входной дверью, мальчик обернулся – на порог вышли несколько человек, за их спинами блеснуло золото. Что-то приманило принца, втянуло внутрь, закрыло за спиной дверь. Когда же жёлтый блеск немного утих, он увидел перед собой голубые глаза юноши. Белокурый худой юноша, ровесник его брата Людовика, стоявший за прилавком магазина, смотрел на вошедшего клиента без удивления, скорее равнодушно, слегка подёргивая кистью левой руки.

– Что же хочет получить маленький господин? – услышал Франциск справа от себя хрипловатый голос. Это говорил старый мужчина в золотом халате, смуглокожий, с белыми седыми волосами, прикрываемыми тюрбаном. Он раскинулся на широкой мягкой скамье с множеством пёстрых подушек и дымно потягивал кальян. Его рот радушно улыбался, а глаза вперились в ребёнка – смуглокожий что-то задумывал.

Франциск смотрел неотрывно на этого позолоченного человека, как на маятник гипнотизёра, а сам хотел пойти к другой стене, куда его сильно манило ещё с порога.

В магазин зашёл мужчина, прихрамывая на одну ногу, и в нём Франциск узнал одного барона, что сидел за дальним столом на дне рождения брата. Тот, не обратив внимания на мальчика, твёрдым шагом отправился к стойке, за которой дежурил белокурый продавец.

– Я на прошлой неделе заказывал... – начал, было, барон, но юноша упал под прилавок и тут же поднялся с маленькой шкатулкой, открыл её. Блеснуло медью.

– Вот ваш заказ. Готово, – юноша поставил на прилавок ларчик и убрал руки за спину. Клиент нагнулся, быстрым движением открыл крышку и достал оттуда маленький медальон, тут же сунув его обратно, будто боясь, что сюда может зайти посторонний.

– Благодарю вас! – барон повернулся к кутившему смуглому человеку.

– Я всегда вам рад! Заходите ещё, дорогой гость, – привычно ласково протянул слуга.

Клиент кивнул головой и вышел.

«Надо же! Не узнал, – отметил про себя Франциск, – стоило только надеть это тряпьё». Он отправился к полкам с товаром на той стене,

куда его тянуло, и стал искать в них источник-магнит, ощупывая полки руками. Продавец и хозяин лавки с одинаковым интересом следили за руками неизвестного. Наконец, принц нашёл неприметный мешочек из потёртого красного атласа и бережно достал оттуда золотую пластину.

– Почему из всех вещей, что есть в этом магазине, ты выбрал именно эту? – серьёзно спросил старик.

– Просто она меня притянула. И я знал, что она лежит там, – прямо ответил Франциск, – а то, что вы продали тому человеку, отгонит разве что малютку. Только если он сильно поверит...

– Какую малютку? – любопытство старого курильщика росло всё больше и больше. Что за удивительный ребёнок стоит посреди его магазина и держит в руках оберег, который он более всего охранял и который более всего хранил его. Неужели это сокровище решило сменить хозяина?

– Духа. Крошечный такой, с мой палец, – и Франциск выставил вперёд руку, – мне пора, до свидания, – вдруг заявил он.

– Приходи сюда ещё. Я могу научить тебя многим интересным вещам, – ласково сказал старик, подходя к нему, – отдай мне это, – он требовательно протянул ладонь к мальчику.

Франциск прижал медальон к груди.

– А вы мне его подарите?

– Возможно, со временем...

– Нет, вы мне его отдадите, – с вызовом проговорил Франциск, протянул находку хозяину и выскочил за дверь, разбудив уже заснувший колокольчик.

«Так, значит, ты привык приказывать», – довольно гладил усы владелец магазина. Неужели это тот мальчишка, которого он ждал? Нет, ну что за сомнения! Друг мой давний, Рафаэль, неужели мы ещё раз увидимся?!

Мишель АРТ

Родилась и живёт в Уфе. Член творческого объединения «Фантасофия». Номинант национальной литературной премии «Дебют-2014», «Писатель года-2015». Публиковалась в альманахах: «Фантасофия», «Дебют. Проза 2014», «Писатель года-2015», Международном литературном альманахе «Предлог.com», в сборниках прозы «Лилия», «Любовник». Автор романа «Стая».

НОЧНЫЕ ВОЛКИ И... ОВЦЫ

Мистический рассказ

Она сидит на месте в застывшей позе. Её взгляд устремлён куда-то вдалеку. О чём она думает? О своём возлюбленном? О подружках? Или, может, о новом модном платье, которое она могла увидеть в одном из дорогих бутиков? А может, обо мне? Нет, обо мне она думать не может. Ведь она даже не подозревает о том, что я – совсем рядом. Так близко к ней, что почти ощущаю запах её бледной, словно мрамор, кожи. У неё такая белая кожа цвета слоновой кости. Я никогда раньше не видел такой белизны. Как я завидую воротнику её плаща... Если бы я мог превратиться в тонкий, прозрачный шарфик и возлечь на её трепещущей груди. Чтоб она пропитала меня своим нежным ароматом; чтоб трогала и теребила меня в минуты волнения и тревог. С каждым её вздохом я слегка бы поднимался, а с выдохом опускался, словно облако. Её волосы цвета спелой пшеницы. О, если бы они умели говорить! Сколько нежных слов они могли бы нашептать ей на ушко. Её лицо так невинно, как у ребёнка. А её глаза! Они бездонны, как небо в ясный день. И в то же время так холодны...

Он сидел немного поодаль и не спускал с неё своего пристального взгляда. Растворившись среди толпы, он не боялся быть обнаруженным. В отличие от неё, его сложно было выделить среди серой массы (на это он рассчитывал).

Случайная встреча, но не случайная судьба. Один из двоих точно знал об исходе этой встречи...

Вот вагон метро остановился и раскрыл свои двери. Очнувшись, она резко встала и вышла на станции. Ничем не выдавая себя, он вышел

вслед за ней. Двери за ним плотно закрылись, и вагон тронулся дальше. Незнакомое место нисколько не смутило его, ведь он шёл за ней. Его не беспокоило, что с первого раза у него может не получиться. Главное – он будет знать, где она живёт. Сейчас лишь она была его целью, хотя ещё утром он даже не подозревал о её существовании.

В сумерках он мог надеяться на полную незаметность. Его шаги были бесшумны, а дыхание – сдержанно. А вокруг – дома, дома, дома... Они были невысокие, такие обычно строились на окраинах. Пустынные улочки, декоративные фонари, освещённые витрины закрытых магазинов.

Она шла быстрым шагом, стук каблучков пронизывал ночную тишину. Он продолжал идти следом, с нарастающей внутри уверенностью; стараясь остаться всё так же незамеченным, хотя удержать нетерпение ему становилось всё сложнее.

Бурные желания, сравнимые с животным голодом и жаждой, закружились в нём каруселью. Бедная девочка, если бы она только знала, какую участь уготовил для неё этот незнакомец! Без страха и жалости, словно зверь на охоте, он готовился воплотить в жизнь своё очередное чёрное деяние. Картины боли и кошмара вырисовывались в его воспалённом сознании, воспоминания о криках и мольбы о пощаде звучали у него в ушах, и он ничего не мог с собой поделать. Страшный бес управлял его деяниями. Он обливался слезами и просил у загубленных им душ прощение, запирали себя в квартире и давал слово, что больше никому не причинит зла. На какое-то время ненасытный бес унимал свой аппетит.

Но это время проходило столь же быстро, как проходил день...

Она продолжала двигаться дальше, и было не совсем ясно, заметила ли она, что уже не одна. Он неотступно продолжал следовать за ней, даже не спрашивая себя о конечной цели своего пути. Ему было всё равно, для него было главным по возможности выбрать удобный момент для нападения. Между тем она вывела его из освещённых улочек к полутьме парка. Она продолжала двигаться, то ускоряя, то замедляя шаг, и всё так же не оборачиваясь.

Заметив вокруг себя пожухшую, но всё ещё густую листву деревьев, он понял, что больше не в силах сдерживаться. Левая рука скользнула за пазуху: яркой секундной вспышкой блеснула холодная сталь, острая как бритва, и беспощадная, как её хозяин. Замахнувшись, он решил больше не медлить...

Бывает так, что лишь секунда способна изменить весь ход событий. Возможно, именно она – «судьбоносная» секунда пролетела в тот момент, когда он неожиданно оглянулся на шорох позади себя, застыв на месте. Ничего не обнаружив, он вновь устремился вперёд, но девушки на прежнем месте не оказалось – она исчезла. В полной растерянности преследователь остановился. Осмотревшись по сторонам, он подбежал к месту, где она только что находилась. Резкий порыв ветра,

закруживший опавшую листву, ударил его и чуть не сшиб с ног. Прикрывая руками лицо, он повернулся. Она стояла позади него, неподвижная, словно статуя. Неожиданно, одним движением рук она распахнула свой плащ. Под ним не оказалось ничего, кроме её обнажённого, белого, как снег, тела. Не успел он что-либо сказать, как она воспарила в воздух, обдуваемая ветром. Повиснув над землей, она вся засветилась ярким светом. Только теперь можно было разглядеть, что её тело было покрыто глубокими ножевыми ранами с запекшейся по краям кровью.

– Не помнишь меня?! – её голос был приглушённым, хотя и чётким, как грозовое эхо; он раздавался со всех сторон. – Ровно год назад именно в этот день на этом самом месте ты напал на меня и зверски убил. Я молила тебя о пощаде, но ты был глух к моим мольбам. А теперь пришёл и твой час, час расплаты за совершённое злодейство. Покайся, пока ещё не поздно! И быть может, тогда я помолюсь за твою несчастную душу грешника!

Но он ничего не ответил ей. Он бросился прочь с этого места, надеясь спастись бегством. Бежал, не разбирая дороги и стараясь не смотреть назад. И снова эта «судьбоносная» секунда. Пробежав несколько сот метров, он всё же не удержался и краем глаза глянул назад. И не заметил могучую сосну, стоящую впереди. В ту же секунду он почувствовал острую боль в груди – острый сук пронзил его сердце... Мучительная гримаса исказила его лицо. Руки инстинктивно прижались к кровоточащей ране, и он медленно опрокинулся назад в предсмертных конвульсиях.

Бесшумно приблизившись к бездыханному телу, призрак склонился над ним и заглянул в его потухшие глаза. Затем, устремившись к небесам, фантом исчез навсегда.

Зима 2002 г.

Надежда КАЩЕНКО

Родилась в Тюменской области. Член СП России. Имеет юридическое, психологическое и лингвистическое образование. Автор книг сборника рассказов «Ночная гостья» (2012) и романа «Дорога смерти» (2012). Печаталась в альманахе «Российский колокол», сборнике «Принесенное ветром эхо» (2013) в переводе на венгерский язык и «Другие берега» (2014) в переводе на немецкий, а также в альманахе «Витражи» №1(2) (2016). Участник книжных выставок во Франкфурте (2012), Лондоне и Нью-Йорке (2013) Член делегации российских писателей, посетивших Венгрию в 2013г в рамках культурных мероприятий. Победитель Школы Букеровских лауреатов в Милане (мастерская Виктора Ерофеева, проза). Живёт в Москве.

ИСТОРИЯ ЭММАНУИЛА И ЕГО ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ

Отрывок из повести «Дети Вечности»

Эта история началась более ста лет назад в тихом маленьком приморском городке близ Роттердама в моей родной Голландии. Я тогда был простым смертным парнем, сходящим с ума по одной прекрасной девушке. Тогда мне казалось, что я встретил любовь всей моей жизни. Её звали Гертруда, и она принадлежала к почтенному семейству ван дер Крауберсов – настоящим аристократам. Впервые я увидел эту юную цветущую девушку, когда она проходила мимо нашей лавки, а я, окончив работу, вышел на улицу, чтобы вдохнуть свежий воздух, напоенный вечерней прохладой, ароматом цветов и морским бризом. Тогда я и увидел её – мою Гертруду, прекрасную и цветущую, словно весенний цветок. Она одарила меня лишь мимолетным взглядом и завладела моим сердцем, мыслями, и я потерял покой. С тех пор я не мог думать ни о ком другом. К тому времени мне уже было двадцать два года, а ей едва исполнилось пятнадцать. Моя семья жила в относительном достатке, но по положению, конечно, не могла равняться с семьей Гертруды, в которой все были аристократами до мозга костей. Однако я всё время искал встречи с моей маленькой феей. Только для того, чтоб увидеть её, я, бывало, вечерами подходил к величественному особняку, где проживали ван дер Крауберсы, и долго смотрел на светящиеся окна, гадая, какое из них принадлежит её спальне. Наше знакомство произошло лишь спустя год после первой встречи. Мы просто шли

навстречу друг другу, наши взгляды пересеклись, лёгкая улыбка коснулась её нежных губ, и неожиданно она сказала:

– А я вас знаю! Вы частенько стоите под моими окнами.

Я немного опешил и не знал, что ответить.

– Только прошу вас, не надо отнекиваться, – продолжала она, смеясь. – Я вас давно заметила, и узнаю всякий раз при встрече на улице.

– Что же, я не буду этого отрицать, фройлен ван дер Крауберс, – ответил я, чувствуя, что краснею. – Также как и то, что вы самая прекрасная девушка на свете.

Гертруда мило улыбнулась мне в ответ.

Так и началась наша любовь. Мы виделись тайком по вечерам, когда она потихоньку сбегала из дома. Я до сих пор помню наши прогулки вдоль берега моря или по тихим маленьким улочкам, наслаждаясь запахами цветов. Я никак не мог посвататься к Гертруде, так как мы оба понимали, что её родители никогда не допустят, чтобы их дочь вышла замуж за сына простого лавочника.

Но все тайное когда-либо становится явным. Спустя год после начала нашего романа Гертруду выдала её сестра, однажды проследившая за ней. В их семье разразился скандал. Мою возлюбленную закрыли дома и никуда не выпускали без сопровождения. Я прямо заявил её отцу – высокомерному и напыщенному аристократу – что люблю его дочь и осмелился даже попросить её руки. В ответ на такую дерзость он просто выдворил меня из дома.

– Убирайся вон отсюда, Вестермхолт! Никогда моя дочь не опустится до брака с простолюдином! Это же просто неслыханно, чтобы благородные ван дер Крауберсы породнились с каким-то жалким лавочником!

Для меня начался тяжёлый период. Я был лишён возможности видеть мою любимую Гертруду. Единственное, что мне осталось – это сладко-мучительные воспоминания о наших встречах и маленький медальон с её портретом – подарок моей возлюбленной.

Я был безутешен. Мои родные и друзья сочувствовали мне, но, увы, ничем не могли помочь, кроме как советами забыть Гертруду. Но этого я сделать не мог.

Тем временем, любимая нашла способ связаться со мной через свою старую верную няньку, которая передавала наши письма друг другу. Мы договорились сбежать вместе, но наш план каким-то образом был раскрыт. Мне грозили серьёзные неприятности, и моя семья настояла, чтобы я уехал в Амстердам, где жили наши родственники, которые могли мне помочь. Я, вняв их просьбам и голосу своего разума, уехал.

Итак, я оказался в Амстердаме. Да, я боготворил – и сейчас боготворю – этот прекрасный город, утопающий в цветущих тюльпанах и испещрённый каналами. Но ничто не могло заставить меня забыть Гертруду. Я думал о ней день и ночь и надеялся, что когда-нибудь мы встретимся вновь.

И вот, не выдержав, спустя почти год я вернулся в свой родной город. Страшная весть постигла меня вскоре по приезду. Даже сейчас слезы наворачиваются на мои глаза, до того велики были моя боль и потрясение в тот момент, когда я услышал о смерти Гертруды, последовавшей в результате инфлюэнцы! Мир обрушился вокруг меня, я проклинал всё на свете и рыдал на могиле моей возлюбленной, спрашивая небеса вновь и вновь, как такое могло произойти! Я часами неподвижно лежал на кровати, уставясь невидящим взглядом в потолок, желая только одного – умереть, чтобы быть вместе с моей любимой Гертрудой.

Я вновь поехал в Амстердам, не в силах больше оставаться в месте, где меня непрерывно преследовали воспоминания, где каждый камень напоминал мне о моей несчастной возлюбленной, ушедшей в самом расцвете лет и красоты.

Там же, не в силах совладать с горем, я ударился во все тяжкие, погрузившись в пучину всех соблазнов и пороков, которые мог предложить этот город, с целью забыть о своем несчастье. Я постоянно пил и курил опиум до полного одурманивания. Я путался с падшими женщинами. Я страшно опустился. Сейчас мне кажется просто невероятным, что я мог пасть до такого ужасного состояния, но тогда я был просто убит горем. Я желал только одного – умереть. Жизнь больше не была дорога мне, и то, что я делал с собой, было формой медленного суицида, ведь, несмотря на всё моё отчаяние, мне всё же не хватало сил на более решительные действия.

Однажды в грязном кабаке я встретил одну весьма привлекательную женщину. Она сразу обратила на меня внимание. Мы пили вино и весело болтали, а потом она потащила меня наверх в маленькую грязную комнату. Мы громко смеялись и целовались, а потом вместе упали на кровать. Я сразу заметил в этой женщине что-то необычное, её кожа была странно тверда и холодна, но я был слишком пьян, чтобы придать этому значение.

Комната была освещена лишь тусклым светом настольной лампы. Моя новая знакомая протянула руку, выключила лампу, и мы погрузились в темноту. Тут я увидел, как странно мерцают её глаза. Холод её рук и губ всё сильнее обжигал меня, и я попытался вскрикнуть и вырваться, но она какой-то неведомой силой придавила меня к кровати так, что я не мог пошевелиться. Она зажала мне рот поцелуем, а потом скользнула вниз, целуя мою шею, запустив руки мне в волосы. Я просто был не в силах шелохнуться, как будто странное оцепенение охватило моё тело. А она тихо шептала вкрадчивым голосом: «Как ты красив. Зачем ты губишь себя? Отныне твоя красота будет жить вечно». Она впиалась мне в шею, страшная боль пронзила моё тело так, что я вскрикнул, но тонкая и холодная ладонь закрыла мне рот. Женщина продолжала пить мою кровь... Тут сознание оставило меня, я погрузился во тьму.

Пришел в себя я на рассвете. Я был один в комнате. События прошлой ночи казались нереальными. Меня мучила страшная жажда. Солнце уже всходило, его свет проникал в комнату и был мне крайне неприятен. Я вышел на улицу. Вид мой, очевидно, был неважен. Я бесцельно бродил по улицам. В одной подворотне мне попался какой-то бродяга, который и стал моей первой жертвой – я вдоволь напился его крови, утоляя жажду.

С тех пор и длится моя долгая вампирская жизнь. Я стал свидетелем исторических событий и побывал в разных странах. Уже более ста тридцати лет я наблюдаю за тем, как меняется мир, в то время, как я остаюсь прежним. И, кажется, этому нет конца.

ДЕБЮТ В ВИТРАЖАХ

Анатолий ГРЕБЕНЬ

Молодой начинающий писатель. Родился и живёт в Москве. Ученик выпускного класса. Готовится поступать в Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова на Факультет Журналистики. Опубликовал две статьи в журнале для фармацевтов и провизоров «Да Сигна». Автор двух фантастических романов-антиутопий и нескольких рассказов «на злобу дня».

А.П. КОРШУН

Рассказ

С тех пор, как я переехал в Москву и поступил в школу под номером ... многое в моей жизни изменилось. Переезды, в каком бы возрасте они ни происходили, знаете ли, всегда оставляют большое впечатление. Ну да не о переезде я хочу рассказать. С ним-то всё предельно понятно.

На тот момент я заканчивал 11-й класс общеобразовательного учреждения. Не сказать, что учился я прям на отлично, но и самым отстающим далеко не был.

«Середнячок!» – так пренебрежительно отзывались обо мне почти все дома.

В новом классе меня приняли относительно нормально, даже, не побоюсь этого слова, тепло. Но! Это что касается ребят, моих одноклассников. Учителя же...

Образование шаталось в школе под номером ... Процентом семьдесят всех учителей валяли дурака на уроках, закинув ногу на ногу. Оценки ставились «на заказ». Как-то раз я совсем поразился такой халатности.

Литература. Учитель вошёл со звонком и объявил:

– Кому что? (В смысле, ставить в журнал).

Кто-то с задних парт крикнул:

– Мне пять в четверти, пожалуйста! – и поржал.

Учитель молча включил компьютер и поставил Иванову/Петрову/Сидорову «пять» в только что начавшейся предновогодней четверти. Все были шокированы. Учитель откровенно пьяным взглядом оглядел весь класс и объявил, кому ХОЧЕТ поставить «пять», а кому – оценки

ниже. Закончив свою великодушную раздачу, он, шатаясь, покинул класс.

«Фантастика! – скажете вы. – Чушь полнейшая!»

Но нет! Это было в средней общеобразовательной школе под номером ... в городе Москве. Я тому свидетель. Откровенной фантастикой же является то, что было дальше...

Того учителя всё-таки уволили. Все «подаренные» оценки убрали, к великому сожалению многих. А на смену «профессионалу» позвали нового учителя. По одним слухам, он был кандидатом философских, филологических или психологических наук и величайшим культурологом. По другим слухам, он был полковником или генералом каких-то там военных сил в отставке. По третьим же, самым фантастическим, он был иностранным агентом! В общем, легенд ходила масса. Откуда он, кто он – всё это не оглашалось. Факт фактом: в школе специально для одиннадцатого класса появился новый учитель литературы.

Тот судьбоносный день, когда последними уроками была сдвоенная литература, я запомнил очень хорошо. Я вошёл в класс со звонком и на месте учителя никого не увидел. Сев за парту, приготовив всё, что обычно готовит одиннадцатиклассник (ручка там, может, – если повезёт), я поднял, наконец, голову и чуть не испугался, увидев посреди кабинета учителя. Испугались, к слову, и все остальные, так как никто не слышал, чтобы он вошёл, и вроде дверь была закрыта.

Это был мужчина ростом выше среднего. Почти идеально выбритая голова сразу же бросалась в глаза. После неё – очки. Пенсне, если говорить точнее, с настолько мутными стёклами, что за ними не было видно глаз. Лишь косматые брови, играющие над ними, наводили тихий ужас своей харизмой. «Брови с харизмой...». В самую последнюю очередь в глаза бросалась пышная козлиная борода бурого цвета, которая сверху переходила в не менее пышные усы. На вид ему было не больше пятидесяти. Реальный возраст же называть было затруднительно. На кристально чистую белую рубашку с засученными рукавами (чтобы было видно в меру массивные бицепсы) была надета классическая жилетка, чёрная в жёлтую полосочку. Несколько верхних пуговиц рубашки были расстёгнуты и демонстрировали бледную шею. На ногах красовались зауженные брюки и лакированные туфли.

– Коршун, – начал он. Этот голос... Голос, пробирающий до дрожи и одновременно пленяющий навечно. Мелодичный и резкий, нежный и грубый. – Антон Павлович Коршун.

Как только он произнёс своё имя и отчество, я тут же машинально поднял глаза вверх, на портрет Чехова, расположенный над доской.

«Вот! Вот, кого он мне напоминает. Если бы не лысина... Ну вылитый Антон Павлович Кор... Чехов!»

– Отныне я буду вести у вас литературу. Я...

Кто-то перебил его, подняв руку:

– А мы будем готовиться к ЕГЭ?

Косматая левая бровь Коршуна поднялась. Он медленно повернул голову в сторону спрашивающего и ответил:

– ЕГЭ... ЕГЭ, ЕГЭ, ЕГЭ... Слово года: ЕГЭ! Все так боятся его. Вы из таких, кто собирается бороться за баллы? На моих уроках, господа дорогие, вы будете бороться за знания. Но и то не самое мрачное и как следствие трудное. Вы будете бороться за душу. – Если позволите, – продолжил он, – я для начала немного поговорю. Не бойтесь, монолог у меня будет лишь вступительный, а затем говорить будете исключительно вы, а я буду только слушать, – он ехидно улыбнулся и кинул едкий взгляд в мою сторону. Да, глаз не было видно совсем, но я чётко знал, что он смотрит именно на меня, в мою душу. – Так вот! Литература, как и прочее искусство, это источник жизни! Скажете, что это не так, господа? Искусство наполняет человеческую душу, делает его личностью, которая что-то значит, которая не теряется в современном холодном и чёрством мире. Сейчас искусство позабыто. Оно отошло на второй план и стало считаться лишь развлечением. Но душевный труд не просто так называется трудом:

«Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!» –

процитировал он Заболоцкого.

– Наполнить своё нутро чем-то стоящим в двадцать первом веке считается непосильным трудом. Никто за это даже и не берётся, так как затея заведомо считается гиблой. Господа, я докажу вам, что это не так. Я не собираюсь заставлять вас ходить на мои уроки. Не-е-ет! Я сделаю так, что вы сами будете ждать их с нетерпением. Я покажу вам магию искусства, магию литературы!..

Все, как один, слушали его речь. Монолог Коршуна был недолгим, но, я готов поспорить, абсолютно каждый в конце в глубине души хотел продолжения. На втором уроке мы начали разбирать стихи Есенина по программе. И Коршуну удавалось обрывать строки так ловко, что тот, на кого он указывал, невольно подхватывал и заканчивал стихотворение, даже если его не знал. Коршун велел нам не доставать тетради, не записывать его слова. Все сначала удивились, но к концу урока его речи надёжно засели в голове и не собирались никуда деваться.

Он задал вопрос из биографии Есенина, на который, казалось бы, и профессор-литературовед затруднится ответить сходу. Я сделал скромное предположение у себя в голове, и Коршун тут же указал на меня двумя пальцами левой руки и буквально восхищённо проревел:

– Правильно!

Может, я вслух пробубнил? Однако рядом сидящая девочка по имени Иоланта чуть со стула не упала от изумления.

Урок, казалось, длился целую вечность, но это нисколько не стесняло ни одного из учеников. Активно работали все двадцать семь человек

в классе. Поголовно! Когда урок закончился, прозвенел звонок, про ожидание которого все давным-давно и позабыли из-за СТИЛЯ Коршуна, кто-то из ребят спросил:

– А оценки вы поставите?

– Всё уже стоит, – не глядя в сторону спрашивающего, ответил Антон Павлович. И действительно! Спрашивающий Ростислав, выйдя из кабинета, залез со смартфона в интернет и проверил электронный журнал – все оценки на местах. Но никто из нас не заметил, как учитель включил компьютер. Фантастика?

С тех пор, никто из нас не пропустил ни одного урока Коршуна, как он и предсказывал. На его «выступления» ходили все. На уроках работали все. За всю историю школы – и это не шутки – у нас были самые сильные сочинения, самые выразительные чтения стихов на конкурсах, самые доскональные знания биографий писателей, поэтов и драматургов. Как ему это удалось? Может, он и правда был иностранным агентом? Коршун мог просто сидеть молча целый урок, обозначив лишь тему обсуждения в начале урока, а мы всё равно активно «боролись за знания». Он просто тихо сидел и молчал, облокотившись на учительский стол. Наблюдал за нами сквозь мутное пенсне. Я, кстати, так и не понял, в чём же прикол с этими очками? Он их ни разу не снимал, чтобы протереть. Как он видел через них? И если видел вообще? Может, он слеп? Может, у него вообще не было глаз?!

Материалы по программе усваивались с бешеной скоростью. Параллельно мы изучали и произведения, которые не входили в школьную программу. Некоторые из них даже были запрещены!

Я никогда не был читающим человеком... Я прочитал «Тихий Дон!». От корки до корки! И ведь Коршун просто объявил:

– Читаем «Тихий Дон».

Его голос завораживал всех учеников одиннадцатого класса в той школе. Пленял и не отпускал все сорок пять минут урока. Это было изумительно. Волшебное!

Коршун, к сожалению многих (да всех), не шёл на личный контакт. Вне класса литературы его никто и никогда не видел. То ли он жил там, то ли влезал в окно. Странно... На окнах-то решётки... Стоило спросить про Коршуна у других учителей, как в ответ появлялась хмурая гримаса со смыслом: «Кто это такой?». Точно призрак, дух литературы... Или же иностранный агент. Я тогда упорно склонялся к этому варианту.

В конце года все поголовно вызвались сдавать литературу, и не важно, кто куда собирался поступать. Абсолютно каждый хотел сдать ЕГЭ по литературе, самый сложный ЕГЭ, на секундочку. И что вы думаете? Высший балл! У всех! Чуть ли не первое место в рейтингах по всей Москве!

Я пошёл на журфак МГУ на Моховой. Признаться, я был весьма расстроен, что с мая не видел Коршуна, не слышал его голоса, не лицезрел играющих над пенсне косматых бровей. Я был несколько подавлен,

потому что Коршун не явился ни на сдачу экзамена в качестве провожающего, ни на Последний звонок, который мы всем классом готовили фактически для него... Но какого было моё изумление, когда, войдя в холл журфака со знаменитой мраморной парадной лестницей посередине, я увидел Коршуна на втором этаже, стоящего в полном одиночестве под портретом Ломоносова и смотрящим в пустоту. Он был там, не зримый для всех, зримый только для меня. Это не конец, это лишь начало...

ПРОГУЛКА ПО БУЛГАКОВСКОЙ МОСКВЕ

«Вы бывали на Патриарших прудах?... Нет? Ох, как много вы потеряли! Обязательно сходите. Волшебное место», – так обычно говорят об этом районе центра Москвы. И действительно волшебное. При первом взгляде на Патриаршие пруды: просто прямоугольный пруд в центре столицы – ничего особенного в глаза не бросается. Ну и что? Вместо Храма Христа Спасителя вообще был бассейн под открытым небом. Так что же особенного в этих прудах, кроме знака «запрещено говорить с незнакомцами»? Как раз в нём и заключается вся таинственность, весь шарм этого места.

Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – это не просто шедевр литературы начала XX-го века, но ещё и настоящий культ в народе. Любопытно, что роман в особенности популярен среди подростков. Связано ли это с мистикой и загадочностью произведения или же это просто совпадение? Патриаршие пруды, по вине Булгакова или сами по себе, являются местом довольно мистическим. Мистикой наполнены не только Патриаршие пруды – место начала действия романа, но и все места центра Москвы, где побывал Воланд со своей свитой.

Где ещё можно встретить столько отсылок к культовому роману, как не в музее «Булгаковский дом», который встречает посетителей «куском» трамвая и лежащей под ним головой Берлиоза? или в квартире №50? В музее помимо различных черновиков романа, записок Булгакова, статуи его, сидящего в кресле, которая исполняет желания, театра в подвале здания есть ещё и живой экспонат. Встреча с ним меня, признаться, несколько удивила и немного испугала – это большой, пушистый чёрный кот! Увидев его, я начал пристально оглядываться вокруг в ожидании остальной свиты.

В квартире №50 большее внимание уделено самому Булгакову, который там жил, отсылок же к роману почти нет. Зато подъезд просто исписан цитатами из романа и зарисовками различных сцен оттуда же.

Москва полна тайн, мистики и загадок. Ходить по булгаковским местам – колоссальное удовольствие! А почему, по-вашему, Воланд прибыл именно сюда? Тут что-то есть...

ВИТРАЖИ ПРОШЛОГО

Леонид ЛАБАЗНИКОВ

Филолог, журналист, редактор. Работал в журнале «Столичный» (г. Москва), газетах «Маленький ГОРОД», «Можайск – Дом святителя Николая», «Новости Краснознаменска» в должности корреспондента, заместителя главного редактора, главного редактора. Автор многочисленных публикаций по истории родного края, мастер product placement и контекстной рекламы.

МОЖАЙСКИЙ БАЗАР

Очерк

«Приехавший на Петровскую ярмарку крестьянин Иванов в одночасье лишился поросёнка, которого привёз с целью продажи. Убежавший хряк можайской породы пронёсся мимо полицейского околотка и Якиманки, обогнул фабрику француза, изготавливающего соломенные колпаки, повернул назад на Афанасьевскую и... утонул в близлежащем болоте», – примерно так могло быть написано в хронике происшествий городской газеты, если бы, конечно, таковая газета имела в Можайске полтора столетия назад. Газет в городе не было, как и многих других атрибутов цивильной жизни.

Зато деревенской экзотики – хоть отбавляй: в самом центре города, чуть восточнее торговых рядов, грязная и пыльная площадь с болотцами по бокам, которые долгие годы не могла победить даже сама графиня Уварова, ратовавшая за устройство городского сада. Напротив училища на противоположной стороне Базарной площади разливался Скотопригонный (он же Мясной) прудик, где спасались от летнего зноя и оводов пригнанные на продажу коровы и лошади. Да и сами их хозяева не брезговали освежиться в мутных с плавающим навозом водах. В уезде то тут, то там вспыхивали очаги холеры, выкашивая по полсемьи. А если какой счастливый год от холеры бог миловал, то набедокуривали сорванцы, балуясь с серниками или огнивом, – выгорали дотла целые деревни, с избами, крытыми соломой, доставалось и городским улочкам, мало чем отличавшимся от деревенских. И нельзя сказать, что городские власти бездействовали: то на спуске с Давыдовой

горы рынок устроят, то к городской заставе, что у Чертаново, торговлю скотом перенесут, то пожарные водоёмы рыть задумают.

Однако город не переставал быть похожим на деревню. Крестьянские колымаги перекрывали и без того узкие в колдобинах улочки, образуя заторы, в дни ярмарок разрастающиеся до размеров караван-сараяв. Ночевали мужики под телегами: возвращаться в дальние деревни за полста вёрст не резон. Платить-то за постой крестьянам было нечем, да и постоянный двор на весь Можай один.

То тут, то там лужи и болотца, падающий частокол и покосившийся тын, вросшие в землю избы, разрезавшие застройку овраги с ручьями, на окраинах пока ещё чистыми, а в центре напоминающими сточные канавы... Городские стада, под пастуший рожок на заре выгоняемые на Карповку или Чертановские высоты. Грязь, хаос, базар, азиатчина. Бесплодные попытки европеизированных чиновников и просвещённых купцов бороться с ней. То каре торговых рядов задумают строить, да так и не достроят, то углы кварталов захотят скрепить капитальными типовыми особняками. Хорошая затея, да вот только углов в Можаяе оказалось куда больше, чем зажиточных домовладельцев. Ну а уж дороги – отдельная история. Сколько ни пытались забутить лужи на пересечении Богоявленской и Дворянской, чуть ниже Троицкого собора (вдруг губернатор, а то и сам государь изволят проехать в Бородино!!!), ан всё не получалось.

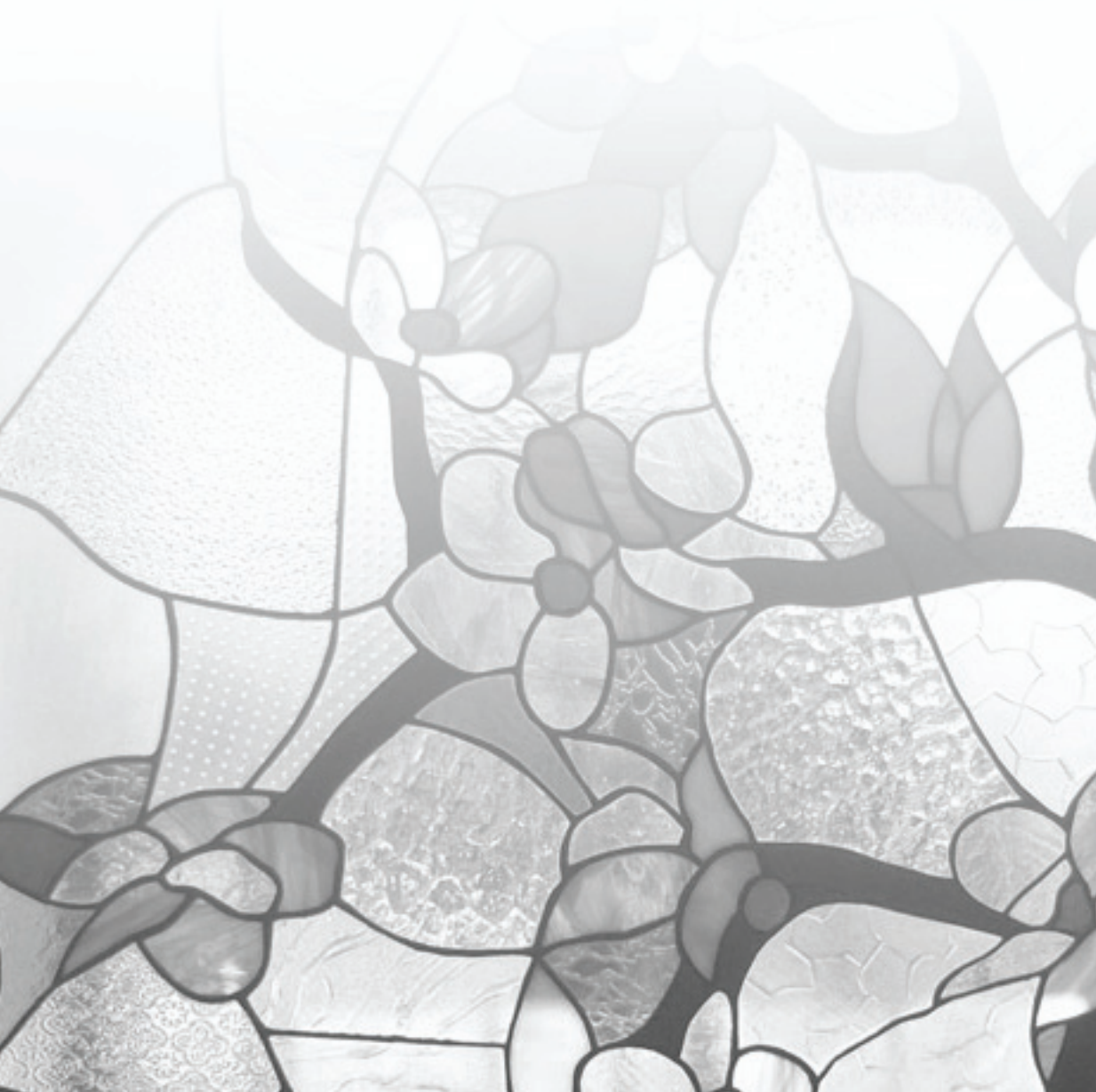
Так и по сию пору не срослось: собора уж давно нет, а лужи туточки, на том же самом месте, неистребимы! Сами можете убедиться! Одни церкви радовали глаз обывателя: кафедральный Николаевский собор прям как в Европе, бери эту готику, клади в карман да увози хоть в Берлин, хоть в Париж. Один маленький капрал из Корсики так и хотел сделать, да не успел: осенью насморк помешал, а зимой – казаки вкупе с морозами.

Лишь паровозный свисток со спешащего на всех парах в Европу поезда будил сонное царство можайских обывателей, побуждая засомневаться в праведности и правильности дремотной жизни... «В Москву, в Москву!!!» – по-чеховски повторяли дородные купеческие дочери, норовя убежать в первопрестольную с первым подвернувшимся гусаром, а ещё лучше с заезжим студентом, красиво рассуждающим о новой эре справедливости, что наступит тут же после свержения деспотии.

А вслед за налитыми дочками отправлялись туда же наливные яблочки скрижапель с можайских базаров, боровы особой можайской породы, которых один баснописец (конечно же, столичный) зачем-то сравнил с как-то захавшим к нам по недоразумению французиком Неем: «в Можайске Ней был принцем возвеличен, и прежде город был отличен породю свиной»... Туда же, в Москву, отправлялись не только боровы из Тропарёво и Клементьево, но и боровички, хрустящие, солёные, грузди, да и прочие дары лесов-полей.

С тех пор так и повелось: можайские обыватели – в Москву за знаниями и деньгами, ну а москвитяне к нам – «за туманом и за запахом тайги», пусть и в соответствии с нашими азиатскими нравами основательно истоптанной и хаотично застроенной разными, с позволения сказать, «слободами». Много воды утекло в Москве-реке с позапрошлого века, много чего изменилось. Один базар всё тот же, только ещё больше стал, расплзшись по всему городу. Ну что тут поделаешь: можайский базар неистребим. Азиатчина!

Лариса ПРИЛИПОВА

Родилась в Москве, закончила Московский Лесотехнический институт по специальности инженер-экономист. Мой девиз по жизни: «Да здравствует ветер, который в лицо!». Первая публикация прозы в Международном литературном альманахе «Витражи» №1(2).

ПИСЬМО МАМЕ

Воспоминания

Незримая нить соединяет поколения, тихо шепчется молитва «Господи, помилуй». Как это происходит... Тайна.

В далёкой деревне Борисовка Рязанской губернии в избе бабушка Вера укладывает спать на печку пятерых детей в далёкие 20-ые годы прошлого века, шепчет молитву «Господи, помилуй». Тихо горит лампадка перед образами.

Деревня огромная, домов более пятисот будет, не сосчитать, – любила вспоминать уже моя бабушка Анна Андреевна. Кругом поля, колосится рожь, пшеница, сады, в которых можно было заблудиться. Бабушка рассказывала, что маленькой девочкой бежала на закате по полю с огромной палкой – доставать солнце, долго-долго бежала...

Дедушка Андрей, её отец, был замечательным плотником, работал так, что за версту был слышен стук топора. Нрава он был крутого, его любимое выражение: «Вражья морда. Я тебе покажу» – и грозил палкой. Один художник нарисовал его портрет, так понравился ему этот суровый и сильный человек.

Потом мирная жизнь закончилась. Пришли красноармейцы: разрушать старый мир.

У кого что было из имущества, подлежало конфискации. «Шаль, моя шаль, зелёные кисти, раньше были пастухи нынче коммунисты», – звонко пела моя бабушка в клубе.

«Это кто такая?» – спросил человек в кожанке с наганом. «Эта племянница председателя». Только это и спасло.

В одночасье собрали детей и на подводах поехали в Москву. А красивая деревня Борисовка, о которой вспоминала моя бабушка как о земном рае, в настоящее время уже не существует. Последние жители, которые помнили красивые времена, ушли «на веки вечные бесконечные», молодые уехали в город. И деревни не стало. Так спрашивается, зачем было разрушать, строить новую жизнь, новое общество счастливых людей, когда люди были и так счастливы? Да, это хорошо и легко говорить сейчас, сто лет спустя.

А тем временем бабушка вышла замуж, выучилась на портниху, родила мою маму. Стали жить хорошо, своё хозяйство, курочки.

В июле 1941 года дедушка ушёл на фронт, а в декабре пришло известие, что он без вести пропал в боях под Вязьмой, воюя с тринадцатой Дивизией Народного Ополчения, которую разбили.

Моя бабушка осталась одна с тремя детьми на руках, ей было двадцать девять лет. Она шила по девять пар брюк или одно пальто за день. Как тут не вспомнить Маяковского:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Дочерей выучила, дала образование, выдала замуж. В переднем красном углу, я всегда помню, горела лампадка, эта та, ещё из деревни Борисовка, тот огонёк далёкого рая.

А какие праздники мы отмечали – Пасха, Вербное Воскресенье, Рождество, Троица, Петров день. Из них Пасха – самый главный, самый-самый любимый праздник. Дома пахнет куличами, красные яйца.

Дом весь вымыт, белые занавески. Собиралось много народа. Душа поёт песню весне вместе с первыми птицами, с первым дождём, с ручейками. «Весне дорогу!». А у сарая пробивается крапива и первые цветы мать-и-мачехи нежатся под первыми лучами солнца.

Хочу рассказать весёлую историю о тёте Шуре, она одна растила двоих сыновей и очень любила разные шуточки устраивать. Вот однажды в бане потихоньку переделась в мужчину, надела брюки, натянула кепку, взяла гаечный ключ, вроде сантехник, проверяет батареи, а сама ... и ну баб чупать, а в бане пар, ничего не видно, крик. Пока разобрались, было много шума и смеха, но и тёте Шуре досталось. А времена были нелёгкие, но всегда люди находили минутку для веселья и смеха.

Вот я уже и школу закончила. Семью поднимала мама, она работала всегда на руководящих должностях.

А теперь я взрослая, всё сама знаю, только не ведаю, что огромная материнская любовь и её молитва «Господи, спаси и сохрани» незримой нитью хранит и оберегает меня по жизни.

У меня уже вырос сын, растёт и внук, и я уже в начале нового двадцать первого века шепчу по ночам: «Господи, помилуй».

А что же наши советские времена? «Партия сказала – комсомол ответил: есть». Моё самое лучшее сочинение в школе. Новая эпоха, ког-

да хотели сделать новых людей под взрывы Храма Христа Спасителя. Кровью миллионов наших людей омыт алтарь Победы. И народ наш в эти годы принёс миру великую культуру: «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Молодая Гвардия» Фадеева, Ленинградская симфония Шостаковича и многое другое. А теперь восстановили Храм Христа Спасителя.

Может, кто-то скажет, в чём смысл таких испытаний, выпавших на долю нашего народа?

Не заблудиться, сохранить свою веру и ту незримую нить, которая связывает поколения, золотом покрытые купола, золотом расписанные иконы, золотом вписанные в историю имена павших за Родину. И хорошо, что звучат песни тех времен – «Катюша», «Гренада», «Синий платочек». И теперь мы точно знаем, что невозможно нам прожить без русской песни, без гармошки и без стихов твоих, Сергей Есенин:

Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Анастасия САЙКО

Живёт в городе Долгопрудном Московской области. Окончила экономический факультет Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, работает менеджером. Состоит в поэтических объединениях «Мастерская настроения» и «Клязьма». Публикуется в городских литературных сборниках и газете «Долгие Пруды». Неоднократный призёр поэтического конкурса «Молодые голоса Долгопрудного». Член редакционной коллегии поэтического альманаха молодых авторов.

МОЯ ПОДРУГА БАБОЧКА

Воспоминание из детства... Реальная история...

Летние месяцы я обычно проводила за городом, у бабушки с дедушкой (у них был свой дом с приусадебным участком). Сад, огород – свежие фрукты, овощи, ягоды. По соседству был подобный домик, в котором жили мои подружки – две сестрёнки-двойняшки. Лето, подруги, природа, раздолье, отдых, витамины – что ещё нужно маленькой девочке?

Но иногда хотелось уединения. У нас на участке была маленькая лужайка, на которую я выносила шезлонг, ставила его под сенью садовых деревьев, брала интересную книгу и читала. Это было тоже очень и очень приятно. А вокруг разнотравье, цветы, над которыми порхало немало бабочек. Бабочки пролетали над лужайкой, поднимались ввысь и снова опускались на цветы. Так интересно было наблюдать за ними и мечтать.

Но как-то раз одна смелая бабочка вместо цветка присела ко мне на руку, чуть выше кисти. Помню, что я затаила дыхание и осторожно смотрела на неё, боясь пошевелиться. А бабочка немножко потопталась своими лапками (щекотно!), чуть-чуть повернулась и раскрыла крылышки. Пёстрые чёрно-жёлтые разводы на красном фоне – крапивница! Красавица! Это было просто чудо. Маленькое волшебство. Моё сердце наполнилось радостью. Бабочка посидела немного и легко вспорхнула к небесам. Сделала круг над полянкой и снова вернулась ко мне. Опять села на руку. Чудо вдвойне! Я смогла разглядеть её повнимательнее и запомнить – крылышки у неё были несимметричны, у одного был отломлен самый краешек (наверное, вырвалась от какой-то

птицы)... В тот день эта бабочка ещё несколько раз прилетала ко мне. А после я побежала домой обедать.

Необыкновенная история, которая вполне могла бы стать удивительным рассказом. Но у этой истории было продолжение.

Следующий день выдался дождливым (погода в Подмоскowie изменчива).

А когда через день вышло солнышко, я вновь устроилась на полянке с книжкой. И каково было моё удивление, когда ко мне опять прилетела та же бабочка. Крапивница с чуть сломанным крылышком. Бабочка устроилась на моём плече (уже даже будто бы по-хозяйски), посидела недолго и полетела по своим «бабочкиным» делам.

Но уже минут через десять она снова кружилась вокруг меня. Ближе, ещё ближе... И вот она сидит прямо на моём носу! А я боюсь даже лишний вдох сделать. Улетела, прилетела, села рядом на шезлонг, снова улетела, вернулась и пристроилась на панамке. И так много-много раз. Казалось, что она играет со мной в какую-то весёлую игру... А я радовалась и смеялась от души!

В то лето она прилетала ко мне почти каждый день. В определённый час перед обедом я приходила на лужайку и встречала там свою бабочку. Это была наша с ней маленькая тайна...

А потом настала осень. Я вернулась в город. Школа, уроки, дожди.

Пролетел год, наполненный заботами, делами и приключениями.

Пришло очередное лето. И я снова гостила у бабушки с дедушкой.

В один из солнечных, тёплых деньков устроилась с книгой на нашей полянке (подруги мои были в отъезде, а ничто так не скрашивает одиночество, как чтение).

Нет, я не ждала ту бабочку (уже знала, что их век намного короче человеческого, увы). Но в душе теплилась какая-то неосознанная надежда...

Сюжет книги был увлекательным, и вскоре я обо всём забыла. И вдруг в какой-то момент ощутила лёгкое прикосновение к руке. Тонкое, слегка щекочущее ощущение. Я сразу же догадалась, кто это мог быть. Аккуратно, не шевелясь, перевела взгляд на руку и увидела... двух крапивниц! Яркие, юные, с целыми крылышками, они смело устроились у меня на руке. Нет, ни одна из них не была «моей» бабочкой...

Но откуда-то же они узнали обо мне, откуда-то же прилетели... Тогда я решила, что это её детки...

Сейчас я понимаю, что у бабочек всё иначе, чем у людей. И детки у них растут сами по себе: вылупляются из яиц гусеницы, которые через какое-то время превращаются в прекрасных бабочек. Сейчас у меня уже такого объяснения той истории нет.

И я считаю её просто маленьким чудом, о котором вспоминаю с теплом.

А ещё есть поверье, что бабочки – это души наших близких, ушедших в мир иной...

ВИТРАЖИ В ВИТРАЖАХ

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Участник ЛИТО Дома учёных РАН, кандидат химических наук., доцент, член СП XXI века, член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», участник творческих вечеров Содружества Современных Литераторов. Автор сборника стихов «Зимостишие» (2015).

ВИТРАЖ ИЗ ВОСЬМИСТИШИЙ

* * *

Всё, сотворённое поэтом,
земным законам не подвластно,
хотя и связано при этом
с происходящим, но напрасно
убито время смыслом тайным
дотошных поисков причин,
слова срываются случайно,
когда осознанно молчим.

* * *

Не опасайся говорить со мной
О грусти, об унынии, печали.
Не знаю почему, но изначально
По траектории неведомой земной
Ко мне приходит благодати столько,
Что кажется порой – не по заслугам..
Делиться благодатью с ближним, с другом
Поэтому не устаю нисколько.

* * *

Пространство качнулось, как маятник
Или как коромысло
В бесконечных исканиях
Здорового смысла,
Отшатнулось от знаков и символов,
От несуразных примет,
И куда-то доверие сгнуло
К словам, которых нет.

* * *

Листва перезимовавшая,
Намокшая талым снегом,
Забыла морозы вчерашние
И радуется набегам
Ручьёв, подтопивших валежник,
И «зайчиков» от машин,
Ей слышится шёпотом нежным
Шуршанье шипованных шин.

* * *

Жизнь протекает по своим законам,
Наукою не понятым вполне,
С весенним пробуждением зелёным,
Рассветом, наблюдаемым в окне.
Открыт закон земного тяготенья,
Законы превращенья вещества,
Но нет закона взглядов притяженья
И душ родства.

* * *

По реке разливается золотом плавленным в просини
Ослепляющий бликами нервными солнечный свет.
И течение, очень плавное, не тревожит его. И нет
Никакого избытка роскоши в этой подкравшейся осени.
От движения лодки прогнулась вода складкой шёлковой,
Птицы будто расплакались, звуки резки и чисты.
Держит рябина гордо красные ягоды-кастаньеты, а ты
Не прочтёшь откровенной строки моей, лихо зачёркнутой.

* * *

Как без ветра красивы прозрачные, чистые лужи,
Никакой антураж дополнительный лужам не нужен,
Отраженья зеркальные ширят пространство земное.
Наклоняюсь над лужей – получаю портрет свой с листвою.
И ступаю по водному краю, волну нагоняя,
Что-то лужа в моём поведенье меняет.
Топну весело – веером брызги взлетают!
Но не каждый прохожий мой восторг разделяет.

* * *

Сомненье сна сродни
Скучающему случаю,
Сплетающему сеть.
Сомненье сна сродни
Стремлению сновать,
Сноровки сторонясь.
Сопротивленье свисту
Сомненью сна сродни.

* * *

Падает ангел без крыльев
Или становится облаком,
Льётся дождями сильными
Или слёзным потоком
Не по могильным плитам,
По щекам, с мольбою бессвязной,
Ещё не ставшей молитвой, –
Человеку в жизни отказано...

* * *

Ныряю в море ожиданий
и слышу всплеск волны разлуки,
как воду, ощущают руки
касание этих расстояний,
которые неумолимы
и обозначены бессрочно.
Строка, что превратилась в точку,
Так далека, почти незрима.

* * *

Погода такова, что отчасти весна и лето отчасти,
Вечер тихий-претихий у неспешно текущей реки.
Так надрывно кричат, обижаясь на что-то чайки,
А им вопреки заливаясь, ликуя, поют соловьи...
Погода такова, что отчасти весна, а отчасти лето.
Чуть дрожат, не от холода вовсе, в реке огоньки...
И если хоть раз удаётся узнать и почувствовать это,
То светлей на душе, и желанья, и мысли – легки.

* * *

Пару километров – по лесу пешочком
Узенькою тропкою по корням, по кочкам.
Глушью несусветною деревенька кажется.
Так её безлюдие с красотой не вяжется...
А туман низиною стелется да крадется.
Русь моя, глубинная, жизнь твоя не ладится:
Без полей распаханых по амбарам – ветер,
Избы стали чёрными – одни на белом свете.

* * *

Рассвет зимой и робок, и невнятен,
Так нерешительно крадётся между сосен.
Оттенки серого перебирать – его занятие,
А оставляет – те, что побелёсей.
Друг к другу чувствуем перетеканье сновидений,
Которых скрытый смысл то ясен, то не ясен...
И – результат ночных бессонных бдений –
Сцепленье слов строфы в невиданном согласии.

* * *

Как восемь клавиш,
Зазвучали восемь строк,
Со мною говоришь –
И будто поплавок
В стихии слов затрепетал,
Запрыгал. А ветер, шмыгнув,
Вмиг перечитал
Мной с вечера оставленную книгу.

* * *

Все рождённые мною слова – плоды
Нам лишь ведомой нашей любви. А ты
Сомневаешься разве в родстве со словом?
Слово – много чему (или даже всему) основа,
Если силой божественной наделено,
Будет в вечности жить и звучать оно.
Все слова, порождённые мной и тобой,
Откликаются эхом, в душе обретая покой.

* * *

Был от Солнца далёк полёт, насколько это возможно
в самую долгую ночь года. Всхлипы дождя осторожные
не тревожат души твоей и окликать не пробуют,
ведь ей всё ближе и всё слышней стиковых волн шёпот.
Тебе – ощущение полёта привычней всех тяготений земных,
Может, поэтому был беспечен последний жизненный штрих...
Свеча поминальная душу греет. Даёт для молитвы силы
отсвет взмаха крыла летящего Архангела Михаила.

* * *

Рождество... Колокольные звоны полночные,
Снег валит и валит – вот зимы полномочия.
Столь глубоких сугробов не знали волхвы –
Всё снегами укрыто: и река, и леса, и поля, и холмы,
Но душа согревается чудом святым Рождества
И в жару, и в морозы, пожалуй, любая способна звезда
Свет пролить и в снега, и в пески раскалённой пустыни.
И по вере бессмертие душам даровано Богом отныне.

* * *

Каждый год возвращается снег
К опустевшим, пожухлым полям,
К растерявшим одежды лесам,
Совершая внезапный набег,
Обеляя действительность так,
Что уже не понятно – зачем...
Многоцветью замена – ничем
И никем не отвергнутый мрак.

В неведомые ипостаси,
Где хаос превращается в творенья.
Но света белого сиянье не погасим,
Луча полёт – предвестник вдохновенья.

* * *

В реальной жизни забрела туда,
где нет ориентиров – бездорожье,
и жизнь так чувствами бедна,
что кажется бесчувственной – не можно
представить эту повседневность, уют
стихами... Громкость тишины огромна,
но топчутся слова и заполняют дом мой,
и лишь они моё вниманье ждут...

* * *

Удача – как потери следствие,
Ещё один виток судьбы,
В которой линия очерчена
Для сногшибательной любви,
Для встреч, гаданьем не предсказанных,
Для слов, которых нет нужней.
И если что-то недосказано,
То обожжёт ещё сильнее.

* * *

Город, освещённый фонарями и совсем немного звёздами,
замедляется и затихает,
где-то в лесах, за горами, за долами,
предчувствуя утро росное,
разговор полночный, – всё желанней и легче,
тёплый воздух улепётывает
в окно открытое с лёгким шёпотом,
в трубке телефонной замирает предчувствие встречи...

* * *

Белы берёз стволы,
Как гребни у волны,
Прозрачны и светлы
Цвета небес, воды...
И отчасти белеют облака,
И колокольня – высока,
Слегка белеет вдалеке,
И ветер налетает налегке.

* * *

Важность улыбки не отрицая,
Не осуждая, не порицая,
Вполне серьёзно и скурпулёзно
Предамся грусти почти бесслёзно.
Тому есть повод довольно важный –
К весне построен корабль бумажный,
Он выбран нами для путешествий,
Для происшествий и сумасшествий.

* * *

Высвечивает на подушке
Весенним утром солнца блик
Мою макушку, твою макушку,
Твой лик, мой лик...
И многословия не нужно –
Так драгоценен этот миг,
Где солнца луч весенним утром
Ритм пробуждения постиг.

* * *

Путешествие в Зазеркалье
Так заманчиво... Но – берегись!
Начиная с рисунков наскальных,
Отражает живую жизнь
То, что мы называем искусством.
И прицельно, и неспроста
Раскрывает и мысли, и чувства
Горстка слов, упорхнувших с листа.

2014-2016 гг

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН

Член СП России, Международной гильдии писателей. Автор сборников стихов: «Да не престанет русский род», «Нечаянные строчки», пьес «Три имени – одна Россия» и сонетов «Я знаю, отчего...», книги поэм и пьес «Святитель Филипп Московский». Победитель конкурса «Школа Букеровских лауреатов-2012» в Милане (семинар Е.Б.Рейна); СП России признан одним из лучших поэтов 2012 г.; лауреат международного конкурса «По Чехову» фестиваля «Культурное лето в Хорватии-2013» (драматургия). Живёт в Москве.

Уходит, словно сон тяжёлый,
Сырой неторопливый день.
Плывёт куда-то серо-жёлтый
Облезлой улицы студЕнь.

Закрыв глаза, и над холмами
Восходит синяя печаль,
Уставленная теремами,
Зовущая: плыви, причаль.

То расслабляющая тело
Старинных улиц кривизна
Своим крылом меня задела,
Играла мною допоздна.

И я напрасно силы тратил –
Сон этот непреодолим –
Святых бесчисленные рати
Учили быть меня не злым,

Учили грезить миром странным –
Бесплотным, сладким, наносным.
Вся жизнь казалась мне обманом...
Вся жизнь...

До первых дней весны.

И храм, и дом – весь быт ваш не намолен.
Вам неуютно в сумрачной квартире.
Пусть каждый делать всё, что хочет, волен,
Творить и жить – накладно в этом мире.

Но счастлив тот, кто разместил наследство
В мозгах всё понимающих потомков.
Творил и жил, порой впадая в детство,
Без памяти любил, запреты скомкав.

Тоске предпочитая разноцветье
И чувств, и дел, хочу я быть весёлым.
Чтоб оправдаться, искренно ответить
За то, что покидаю мир сей голым.

Как хочется, чтоб звёзды не погасли.
Как хочется, усталость попирая,
Воскликнуть:
«Счастлив! Я безмерно счастлив,
Весь путь пройдя от края и до края!»

ПОДРАЖАНИЕ

И снова у чужих ворот
Мой конь копытом землю бьёт.
Сгорел мой храм. Убит мой брат.
Но ты, судьба, ко мне добра.

О, рок – лукавый поводырь...
Я помню древний монастырь,
И те зелёные холмы,
Где, робок, я учил псалмы.

Где припадал к ручью лицом,
Где вырос славным удалцом;
Где полюбил и был любим...
Унёс всё дым. Прогорклый дым.

Мою прекрасную страну
Постигло горе в ночь одну –
Посланец ада Тамерлан
Привёл в наш край свой пыльный стан.

С тех пор погибшие тогда
Ждут часа страшного суда.
Ушёл лишь я – стрела в плече,
Но на коне и при мече.

И долго мчался среди гор
Меня быстрее мой позор.
Когда же изнемог мой конь
Под тяжким бременем погонь,

На землю тёплую я пал
И ту молитву зашептал,
Что с колыбели тихо мать
Меня учила понимать.

Затем поднялся. Свой клинок
Из ножен вырвал. Одинок,
Стыдясь своих родных вершин,
Я ждал врагов. Я был один.

Смерть посмеялась надо мной,
Оставив мне удел земной;
Врагов со следа сбила ночь...
Кто умереть мне мог помочь?

Побрёл устало, боль тая...
С тех пор скиталец вечный я.
Страны поруганную честь
Не мне спокойно перенести.

Собрав стремительный отряд
Горячих дьяволов-ребят,
Я подниму народ весной
За боль земли моей родной.

По крутому небосклону
Поднимаются мильоны,
Все известные препоны
Сокрушая на пути.
Ох уж космос, этот космос...
Смотрим в небо, чешем космы,
И бубним себе под нос мы:
Надо, как ты ни крути.

Даст нам Бог, мы скоро будем
Не земляне, просто – люди...
Время зыбкое рассудит,
Кто был прав, а кто был не...
Гравитации законы
Будут нам насквозь знакомы,
Через времени проломы
Суть пространства мы вполне...

И какой-нибудь бродяга
Под пиратским рваным флагом
Нашу силу и отвагу
Испытает в смутный час.
И с разбитыми бортами
Мы, незваными гостями,
Свой корабль посадим с вами,
В твердь пустынную стучась.

Подлатаем, где что надо,
И к созвездию Плеяды
Через новые преграды
Курс прочертим корабля.
А случайная планета
Молча канет в нашу Лету.
И не будут знать поэты,
Что её зовут – Земля.

Когда-то ты пришёл, убог и сир,
Старатель – ты без устали искал.
Ты собирал по крохам этот мир,
Стремясь постичь начало всех начал.

Ты был бессменным спутником Времени,
Непревзойдённым сказочником стал;
Ты пел, ты горевал, ты был влюблён,
Всходил на эшафот и пьедестал.

Ты множество вершин преодолел,
В надежде заглянуть за окоём...
Ты раздвигал познания предел;
И мгла миров окутала твой дом.

Как мотылёк на сполохи огня,
Летишь, полубезумный, в пустоту...
Но негу и тепло земного дня
Зачем с собой уносишь в бездну ту?

Затем ли ты пришёл, убог и сир?
Нет! Не триумф твой поиск увенчал –
Ты потерял, старатель, этот мир,
Сочтя себя началом всех начал.

В одном ты всё же был, старатель, прав? –
Тебя Бог сделал мерой всех вещей.
Но вещей правды так и не познав,
Во мглу миров ты вытолкан взащей.

Когда-нибудь твой Бог тебя простит,
И снова ты прошествуешь в Эдем,
И снова ложь твой разум обольстит,
И ты решишь, что ты владеешь всем.

И вновь пойдёшь, беспамятный, след в след,
Всё той же скользкой – в никуда – тропой
К вершинам тех же выстраданных лет –
Восторженный, нелепый и ... слепой.

Какая тишь...
Едва
Свет золотой коснулся нежных мочек
дремавшей тишины, томленье ждущих строчек
прохладною росой на замерших листьях
сверкнуло многоцветьем мира!
И красота,
вздыхнув, заговорила...
Запела! Пробудилась от забвенья.
И с лепестков, раскрывшихся лучам,
взлетела Песнь касаньем вдохновенья!
Стремительна, легка и горяча!
Так быстрых пальцев торопливое движенье
запрет срывает с тайны сургуча.

*«...Рождается весна. Как никогда,
мой многолетний бесполезен опыт...»*

Вадим Муратханов

Рождается весна...
Как никогда,
Мой многолетний бесполезен опыт.
И лепет чувств, смешной и желторотый,
Уносит говорливая вода
С вершин или седин безмолвных.
И в струях, отражаясь, облака
Ныряют под весёлый гомон
Не оперившихся в желаниях – пока.
Была ли боль...?
Или душе казалось,
Что в этой жизни больно быть должно?
Наивно нежность острия касалась
Ревущих льдин, как жаркое вино.
И таяли края снегов сереброострых,
И становились кубиками льда.
Горчит во вкусе драгоценный опыт.
Как никогда... Как никогда...

Я НЕ БУДУ ПЛАКАТЬ...

Я не буду плакать,
Что мне слёзы...?
Глупое жаление себя.
Серебра чернёную серьёзность
Опускаю в лето сентября.
Почему же лето? Бабье лето...
Так обманчивы и так желанны дни.
Птицы улетают песней спетой.
Лес, примолкший, сизой дымкой свит.
Яркою листвою облетает
То ли парк прозрачный, то ли жизнь.
Странно... сердце возраста не знает
И не любит мрачных укоризн.
Седина не кажется убогой,
Просто лишней для оживших глаз.
Мы бываем в жизни одиноки,
Если в ней не видят больше нас.
Возвратить себя – растраченное – Божье:
С лёгкою поклажей вверх и следом в след...
Жаль, душа нежна и тонкокожа,
Как кора березы на просвет.

ПРИРОДА РУССКАЯ – ПЕЙЗАЖ ДУШИ ЛЮБИМЫЙ!

Природа русская – пейзаж души любимый!
Кто в нём невольню не черпал для жизни новой силы?
Цветенья тонкий аромат, весенней рощи влага
И вдох – черёмуховый сад – признаньем на бумаге!
Небесных сумерек печаль, дождями и ветрами.
Предубеждения печать, что это – только с нами...
То в бесконечный горизонт взор солнца счастьем млеет,
В томлении, теряя сон, и ночь, как день, белеет!
То тенью хмурой дни ползут протяжно и уныло,
То зной и жажда страсть зажгут и вспыхнут с новой силой.
То в изумрудах все леса, то в наготе суровой.
Миг восхищенья красотой вдруг кроткой грустью слова.
Зарёю тихой полог свит, в росинке небо дышит...
Пейзаж родимой стороны – в нём сердце Бога слышит.

ЛЮБЛЮ

Б.П.

Свинцовел ..Громыхал
и исторгался слёзно,
И молнии метал во тьму и слепоту!
К ответу призывая мир безбожный,
Рыдал отчаянно в ночную глухоту...
Пока не сник, как погнутая мачта,
Ветрам не нужная и даже кораблю.
Постыдный счёт проигранного матча
В пасть буре брошен был... Вдруг, тихое:

«Люблю...».

И тьма легла к стопам поверженной рабыней,
Не смея выдохнуть и воздуха набрать.
Так умолкает всё перед святыней,
Торжественно и просто, чтоб внимать...

«Люблю...» –

слова прошелестели

Свободно и светло, как летний дождь в цветах.
Как яркий снег, искрящийся на ели.
Так неожиданно... И запросто вот так...
В безмолвье изумление паслось
Ягнёнком глупым под питающею дланью.
И благодарность, словно пёс, вгрызаясь в кость,
Облизывала слово, как хозяйина...

Людмила САНИЦКАЯ

Кандидат медицинских наук. Автор пяти сборников поэзии и книги мемуарной прозы «Вверх по ручью». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор» и в литературных альманахах. Постоянный автор литературной страницы «Медицинской газеты». Лауреат премий им. А.С.Грибоедова, М.Ю.Лермонтова, С. А. Есенина и М.А.Булгакова. Член СП России и Союза писателей 21 века, Международного сообщества писателей России, Литературного клуба «Московитянка», ЛИТО «На Пречистенке» Центрального Дома учёных, Регионального общественного Фонда содействия разви-

тию современной поэзии «Светоч». Живёт в Москве

ДЕРЕВЬЯ

Деревья, примите меня в свою стаю!
Деревья, во сне я ведь тоже летаю.
Как вы, отрываясь с листвой от земли,
В которую всем существом проросли.

Деревья, у вас терпеливые души.
Внимать вам и шелест, как музыку, слушать...
К шершавой коре прижимаясь щекой,
Вдохнуть вашу мудрость, печаль и покой.

Деревья, сомкните шумящие кроны,
Укройте всех нас, неразумных, зелёных,
Пока ещё к вашим корням не ушли.
Пока есть деревья у нашей земли...

НОЧЬ

Ночью, в настое густой темноты,
Налитой в соты ячеек бетонных,
Тихих, согретых дыханием сонным,
Между шкафов и проёмов оконных
Сказки витают и зреют мечты.

По потаённым щелям и углам
Прячутся тени и смутные страхи,
Кто-то невидимый в белой рубахе
Креслом скрипит, и пугливые птахи
Бьются о стёкла прозрачным крылом.

Ночью, в настое густой темноты,
Между теней голубых и лиловых
Ангел стоит у тебя в изголовье,
И, согреваясь теплом и любовью,
Дети растут и алеют цветы.

ДОЖДЬ

Какое счастье – дождь!
Меж небом и землёй
Блестящей нитью жаркий воздух вышит.
И всё, что утром было дымной мглой,
Светлеет и живую влагой дышит.
Столпотворенье, плеск и суета,
Весёлый зов к побегу и участию!
Скорей туда, без тувель и зонта!
Дождь в знойном августе – какое счастье!..

* * *

Перед рассветом ярче сны,
Плотней медовая истома,
И в сотах дремлющего дома
До края мглы и тишины.

Привычный улей, старый дом,
Известный до последней щели,
Он узнаваем еле-еле,
Почти зловещ, едва знаком.

И лишь рассеивает мрак,
Мерцающая сполохами света,
Окно бессонного поэта –
Парнаса маленький маяк.

РАССВЕТ

У предрассветной тишины
Глаза, как листья, зелены,
Свежо дыханье.

Душе не больше двадцати.
Бегом по Млечному пути –
И в Мирозданье!..

А там пролитая слеза –
Всего лишь светлая роса,
И день повсюду.

У предрассветной тишины
В стихи перетекают сны,
Подобно чуду...

* * *

Мои молодые стихи –
Влюблённости первой побеги,
Разлук леденящие снега,
Почти неземные грехи.

Героя наивной строки
В доспехи они облачали.
И были печальны печали,
И были слова высоки.

За годы мирской шелухи
Всё стало спокойней и глуше...
Но наши бессмертные души
Хранят молодые стихи.

Галина МЯЗДРИКОВА

ВСЁ ВДРУГ!

Раскрылось ветру сердце,
растаял снег, гоня печаль.
Вдруг можно вновь легко одеться,
отбросить плед, забыть про шаль...
Всё – вдруг!

Чарующая шалость.
Весна пришла из долгих снов.
Букет цветов – такая малость –
наполнен ароматом слов.
Всё – вдруг!

Дождём умытый город,
дорога, поворот в судьбе.
Как утолить душевный голод?
Как вдруг не изменить себе?
Всё – вдруг!

Чернильной тучи натиск,
слепящий жаркий Солнца свет,
печальной радости усталость,
внезапно найденный ответ.

ЗАМЕТКИ ТУРИСТА

Светает. Снова новый день,
пробраться в окна собираясь,
свою сплетая карусель,
собою удивить пытаюсь,
не остановится в пути.
Накроет радостной тревогой,
заставит ползать иль идти,
лететь иль падать в пропасть, в горы.
И мы – за ним! Найдя себя,
иль потеряв, что прежде было,
то ненавидя, то любя,
идём, теряя веру, силы;
и находя себя в пути,
сметая старые тревоги,
поймём, как новые найти,
пока несут к вершинам ноги.

Ирина ВЛАСКИНА

Родилась в Казахстане, в г. Усть-Каменогорске. Живёт в Москве. По профессии – инженер-экономист. Всегда считала себя «физиком», но встреча с удивительным человеком, композитором Михаилом Алёхиным, перевернула жизнь и превратила в «лирика». Член литературного объединения «Новое Переделкино» и клуба авторской песни «Западня».

АНГЕЛ МОЙ

Появился ещё один ангел
У меня с той поры, когда смерть,
Соблюдая свой табель о рангах,
Уложив тебя в зимнюю твердь,
Обессилив меня до предела
И оставив мне жизни глоток,
Отступила. Ей не было дела,
Что проклюнулся новый росток.
Этот слабый росток вдохновенья
С каждым днём все уверенней рос,
Прорастая сквозь боль и сомненья,
Осушая поток моих слёз.
И однажды, став деревом мощным,
Он поднялся со мной до небес.
Открываться мне денно и ночью
Стали сотни различных чудес.
И в бескрайней заоблачной выси
Я опять испытала полёт.
Ты теперь знаешь ход моих мыслей,
Ангел мой, ты теперь рифмоплёт.
А с иконы в простом обрамлении,
(Блеска золота ты не любил),
Смотрит ласково, но с наставлением
На меня тёзка твой – Михаил.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

*Заблудился на ресницах
Задремавший ветерок.
Пусть тебе спокойно спится,
Сладких снов тебе, сынок*

Солнышко с землёй простилось
И, сложив последний луч,
Засышая, закатилось,
В колыбель из пышных туч.
Ты не бойся, месяц светлый
Занял звёздный небосклон,
Будет месяц до рассвета
Охранять твой крепкий сон.
Спят давно в лесу олени,
Только мой малыш не спит.
За окошком бродят тени,
Кто-то шепчет и шуршит.
Не пугайся, тень – от ели,
Ей придется стоя спать,
А тебя, малыш мой смелый,
Ждёт уютная кровать.

Сон придёт к тебе украдкой,
На другие не похож.
Будешь спать ты сладко-сладко
И во сне ты подрастёшь.
Скоро тишина накроет
Наш большой и шумный дом.
Спи, во сне тебя укроет
Ангел ласковым крылом!

08.2012

МАЙ

Я радуюсь тебе, цветущий май,
Стремительный, волнующий и юный!
Ты каждый раз, как будто невзначай
Души моей перебираешь струны.
Люблю я наблюдать, как, переняв
У месяца апреля эстафету,
С сознанием силы, бережно обняв
Невесту-землю, ты стремишься к лету.

Меня не перестанут удивлять
Роскошные твои метаморфозы,
И холода не могут напугать,
И радуют раскатистые грозы.
Люблю после работы отдыхать
В тени благоухающей сирени.
Что буду вспоминать, о чём мечтать,
Предавшись томной и уютной лени?

А на закате майские жуки
Прославят тёзку радостным полётом.
Тяжёлые жуки вдруг так легки,
Слежу за ними, отложив заботы.
Поёт, роняя трели, соловей
В саду соседском на цветущей сливе.
От майских дней, чарующих ночей
Я снова стану лёгкой и счастливой!

Мария НИКОЛЬСКАЯ

Сумерки к асфальту прикоснулись,
тени задрожали и проснулись,
и дома над улицей склонились,
словно засмотрелись и забылись.

Волшебства вечернего прохлада –
сказка Александровского сада.
Не скользишь – плывёшь над мостовою,
Не шурша осеннею листвою.

С города стирает ветер краски,
надевает колдовские маски...
Всё тревожно, холодно и строго,
Как в картине маленькой Ван Гога.

Вянут бумажные розы
В жёлтых витринах киосков
В воздухе кружатся блёстки
Плачут карнизные слёзы

Бродит паломник печальный
Неисполнимых обетов
Полную горсть самоцветов
Дарит кому-то прощально

Высветлен, тих и устроен
Тянется миг расставанья
Но в суете ожиданья
Великолепно спокойно

Я ничего не могу без тебя
Ты помоги мне на трудном пути
В грехах и страстях
Беспредельно скорбя
Мне без тебя не найти, не дойти

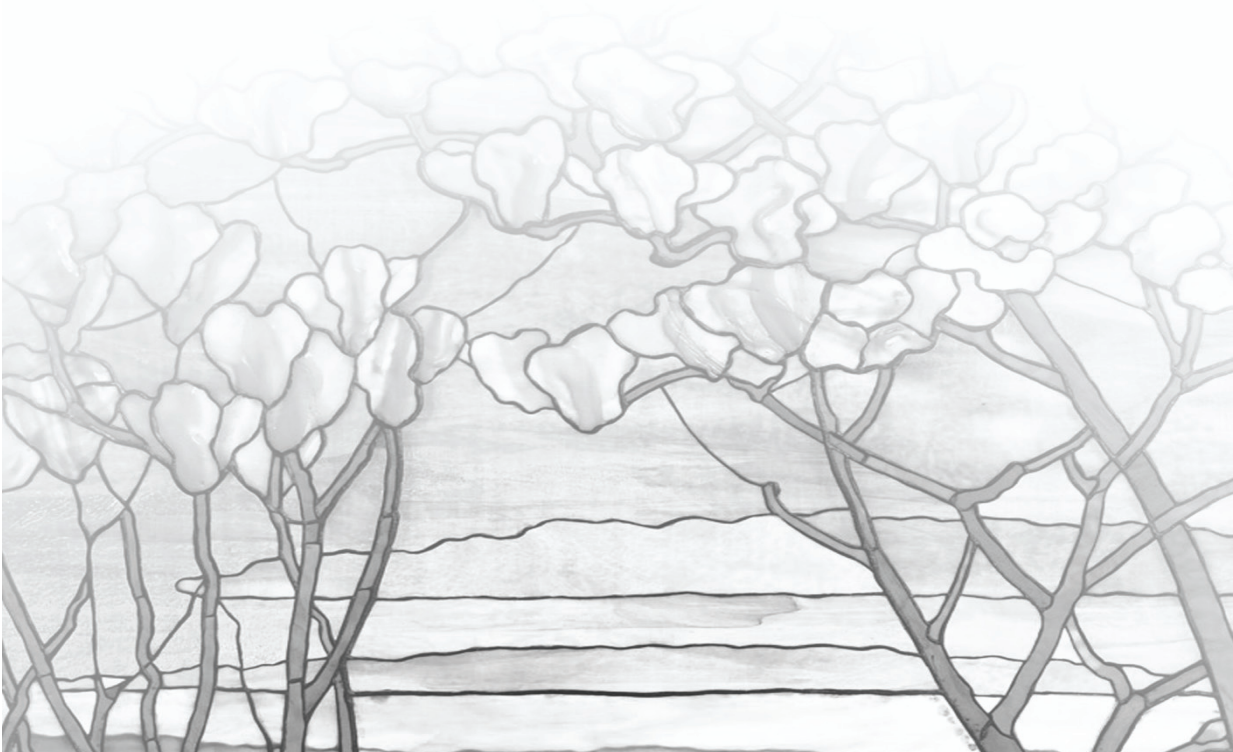

Сознания коснувшееся слово,
Как ласточки стремительный полёт
Осветит всё, так ярко, остро, ново
Душа откликнется, очнётся, оживёт

Неясные пока что смысла, звуки
Осуществленья властно захотят
Но встречи нет – не будет и разлуки
А будет трудных дней унылый ряд

Да, это всё теперь не для меня
И суета сует, заботы дня
Перечеркнут несбывшуюся встречу.
Потеряно. Последний звук утих
И я не знаю перед кем отвечу
За каждый зачатый и не рождённый стих.

Как-то обернёшься ненароком
И увидишь: призрачно легка
Обернулась тягостным упрёком
Неосуществлённая строка

Марина ЗАВЬЯЛОВА

Состоит в СП России. Публиковалась в литературных альманахах, журнале «Юность», автор пяти поэтических сборников: «Сокровище», «Сорок», «Предчувствие», «Навстречу солнцу», «Дыхание Москвы». Награждена медалями им. Чехова и Лермонтова, дипломами Московской городской организации Союза писателей России «За творческую инициативу» и за победу в конкурсах. Живёт в Москве.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Снуют шмели и бабочки вокруг.
В сон клонит после сытного обеда.
Так здорово, слетев с велосипеда,
Вдруг разорвать привычной жизни круг.

Потом идти вдоль поля, став живей,
Не чувствуя разбитые коленки.
Медовым духом пропитались стенки
Дубовых срубов и простых плетней.

У входа встретит лаем злоющий пёс,
Откроет сторож дачные ворота.
Вдали сверкает церкви позолота...
Весенний день ударил и вознёс.

ПОЧТИ ВЕСНА

Тихий лунный вечер, первое тепло.
Узенькие плечи синью замело.
И явленье чуда – словно Божий дар.
Расписное блюдо, и на дне пожар.

Разгорится в мае, выплеснется свет.
Жизнь всегда играет, не найти ответ –
То ли ждать разлуки, то ли счастья ждать.
Замирают звуки, и дрожишь опять.

Людмила ОСОКИНА

Родилась в г. Барнауле Алтайского края. Училась в Московском историко-архивном институте. Стихи и проза публиковались в журналах «Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», газетах «НГ Exlibris», «Московский комсомолец», альманахах «День поэзии-2010», «Истоки» и других изданиях. Автор книг стихов «Природы затаённое дыхание» (ИД Русанова, 1996), «Кофейная девушка» (И-во Время, 2010) и романа «Новая божественная комедия» (И-во Время, 2014), который вошёл в лонг-лист премии им. Дельвига. Живёт в Москве. Член СП Москвы и Московского Союза литераторов.

ЗЕРКАЛО

Я тайно влюблена в зеркальное стекло...
У зеркала стою в одном пустынном зале...
Давно меня сюда безудержно влекло,
Как будто бы меня здесь очень-очень ждали.

Я вглядываюсь в даль, в зеркалье зазеркал,
В сверкание теней, в трепещущие блики,
Да, кто-то там меня настойчиво искал,
Повсюду расплескав свои сквозные лики.

Ласкающий покой, обманчивая гладь,
В туманной полутьме прозрачное оконце...
И я приду к тебе, приду к тебе опять,
О зеркало моё, моё ночное солнце!

Чёрная кошка – не хочет дружить.
Чёрная кошка – себе на уме.
Нравится ей в потаённости жить,
В мягкой, не тронутой лампами, тьме.
Вон она! – там, в переулке пустом!..
Только два глаза заблещут вдали...
Вон она! – прыгнет в заброшенный дом
И растворится в прохладной пыли.

Вскоре по крыше пойдёт не спеша,
Словно в туманном, изнеженном сне...
Вот она! – бархатной ночи душа! –
Чёрная кошка при жёлтой луне!

Я видела, как она ступала по ночному небу
Своими мягкими чёрными лапами...
Как она окуналась в бархатную чёрную негу
И любовалась звёздными лампами...

Как катала туда-сюда по небосклону
Серебряный лунный мячик...
Как её приманивал к своему звёздному трону
Призрачный млечный мальчик.

Как таинственная Богиня Ночи
Склонялась перед нею ниц...
И, словно считая её собственной дочерью,
Исполняла каждый её каприз.

...Чёрная-чёрная кошка
С золотыми ночными глазами –
Ушла ты по лунной дорожке
Вслед за волшебными снами...

Я – кофейная девушка! Я – девушка-кофе!
Я бегу мимо вас в городской суматохе.

Мои волосы – мокко, изысканный мокко,
Но мне так одиноко, мне так одиноко.

Я – кофейная девушка с ароматом ванили,
Вы, наверно, меня ещё не позабыли.

Я – кофейная фея в карамельной помаде.
Отыщите меня в городском звездопаде.

Я – конфетка ночная. Я медленно таю.
Вместе с кофе ночным в небеса улетаю.
А потом возвращаюсь с излюбленным мокко,
Чтобы не было так без меня одиноко.

Кошка, бродящая в ночи,
Окнами прошедшая случайно...
Ты при свете меркнувшей свечи –
Тайна.

Уми-ро-тво-ря-ю-щая тьму
Как ты бестелесна и хрустальна...
Ты, принадлежащая – кому?
Тайна...

Пе-ре-хо-дя-щая во сны,
Ты, словно музыка – астральна...
Ты, к нам пришедшая с луны
Тайна...

Вот и не найти тебя нигде,
Ты, как все виденья, нереальна...
Ты, уходящая к звезде, –
Тайна...

Ольга ЕДУТОВА

Родилась в Самаре, окончила Куйбышевский Политехнический институт. Почётный работник молодежной политики Московской области. Руководит творческим объединением «Мастерская настроения» города Долгопрудного. Публиковалась в альманахах «Долгие пруды», «Наследие», «Русский колокол».

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Солнечный ветер, Землю не тревожь,
Мы знаем силу твоего огня,
Легенды прошлого приводят в дрожь.
В тебе исток сегодняшнего дня.

Ты можешь все спалить, взорвать, разрушить.
В неистовстве, ты кровожадный змей.
Но в благостном порыве греешь души.
И свет Луны – игра твоих теней.

О, ветер солнечный, тебя молю.
Нам холодно, планета замерзает,
Прошелести и подари Зарю,
Спеленатую Землю, согревая.

Нам бури не нужны, своих не счесть.
В водоворотах страсти утопаем.
Цунами поглощает жизнь и честь.
Повороти потоп к воротам рая.

Солнечный ветер, ты исток пути.
Прослушай Землю. Без тебя Беда.
Дорогу во Вселенной освети.
Земля – паломник к райским берегам.

Святой огонь, священная вода.

НАЗНАЧЬ ПОДРУГОЮ ПРОЗРЕНЬЕ

Как легкомысленно и глупо,
Поверив в искренность Сансары,
Отвергла мир сиюминутный,
Назначив легковесность Даром.

И та безлика подруга,
Надев таинственную маску,
швыряет льдинки точно в душу
И инеем штрихует краски.
И холод сковывает нежность,
И нежность мается от боли.
И укоряет неизбежность:
«Остановись. Скажи, доколе
Поверив в искренность Сансары,
В лесных лугах, в пшеничном поле,
Ты будешь пить нектар угарный
И не узнаешь лучшей доли.

Остановись хоть на мгновенье.
Назначь подругою Прозренье».

СВЕТ ВЕЧЕРНЕЙ МОСКВЫ В СЕРДЦЕ

Свет вечерних огней в душу.
Блеск ноябрьской Москвы душит.
Ожерелье Тверской. Замять.
Утопаю в тебе, память.
С Маяковской дружу – сорок.
Написала стихов ворох.
Осязаема быстротечность.
И шагает со мной вечность.
Дробный звук мостовых в уши.
Гул вечерней Москвы душит.
Полетели вослед звуки,
Распростерла к крестам руки.
И влетел Благовест в душу –
Шум вечерний Москвы глушит.
Мост меж мной и Москвой прочен.
Ход часов, как всегда точен.
В миг меняется состоянье –
Принимаю Москвы сиянье.

Приезжаю к Тверской греться.

Элла МЕРКУЛОВА

К. В. КОВАЛЬДЖИ

Высокий лоб, глубокие глаза.
На современность взгляд чуть архаичный.
Поэта подвиг разве прозаичный,
Когда сентиментальности слеза

От счастья полноты в ладонь стекает?
А жизнь, как принято, зачем-то утекает...
Но щедрое общение с Парижем,
Где воздух свеж, живителен, недвижим,

Как сладкий сон, когда пройдёт гроза,
Напоминает о Хемингуэе.
И связь времён становится теснее.
И мысленно немислимый Париж –
(Общенья шум, уединенья тишь)
Души порывы делает теплее.

И мудрость обретения любви
Подарит откровения свои
Про фанатизм и обречённость чувства,
Признав любви молчанье за искусство.

А ощущение времени – полёт
Туда, где есть простой отсчёт
Не только по секундам и минутам,
Отсутствием границ сомкнутым,

Но есть и относительность течения,
В которой время, ложность воплощения
Событий между Небом и Землёй
Представлена для всех людей иной,

Чем на часах привычного движения
Секундных стрелок. Вот откуда жженье
Души встревоженной и чуткой, и волнение,
И понимание: жизнь – маятника бой.

Что в ней приемлемо, а что в ней невозможно.
Что истинно, а что, возможно, ложно.
Что в ней фундамент, что в ней потолок,
Определит «Высокий диалог».

Наталья ПУНИНА-ОРЛОВА

Родилась и живёт в Москве. Училась в Московском Институте Приборостроения. Работает в страховой компании. Член литературного объединения «Вдохновение» и ещё нескольких московских литературных клубов. Автор четырёх поэтических сборников.

Сдаётся дом у моря
Под старую айвой.
Там жили раньше двое.
Шумел морской прибой,

Летали чайки низко,
Синела неба ширь,
Им грезилось, что близко
И Рай, и Израиль...

Так жили они верно,
Но смерть и к ним пришла
Почти одновременно
Обоих увела...

Наследникам, кто спорит,
Не надо их айвы
Сдаётся дом у моря —
Там жить могли бы вы!

2016 г

На ресницах незабудки
Лета тёплого побудки
Проблеском небесной выси
Расцветают – присмотрись-ка!

Леса пряное дыханье,
Света тёплого касанье —
Краски лентой новостною
Обретает лес весною.
Птичий гомон слился в песню,
Нет звончее, нет чудесней.
Солнца яркое мерцанье
И весны очарованье.

Всё сверкает, всё искрится.
Ночью светлую не спится.
Ожидать живого света
Нам недолго: скоро лето!

2015 г

Что такое зависть, я не знаю.
Пяťй разменяв десяток лет,
Это чувство я не вызываю:
У меня ведь ничего и нет...

По хребтам идти я не хотела,
Не жила богато и красиво,
Связей я полезных не имела,
Чтобы стать начальницей спесивой...

И довольна своим миром личным,
Своему пути безмерно рада,
У кого что есть – мне безразлично.
Ничего мне этого не надо!

2016 г

Владислав ДОБРОСЛАВСКИЙ

Окончил Индустриальный техникум, затем МИСИ им. Куйбышева. Стихи пишет с тринадцати лет. Первая публикация – в студенческие годы в газете «За строительные кадры». Окончил литературные курсы при СП России (семинары Дмитрия Силкана). Автор сборников стихов «Мечты, надежды и реальность», «Три поэмы», публикаций в периодической печати, в поэтических сборниках и альманахах. Родился и живёт в Москве.

22 ИЮНЯ

Сегодня самый длинный день в году,
а ночь зато короткая какая!
Сегодня я во сне к тебе приду,
как этот пух, что кружит и летает.
Но я не разбужу тебя, как тот
июньский день, что затаил угрозу,
приблизил смерть, что по-немецки «Tod»,
что приготовил бомбы, а не розы!
Как страшен был тот год и как тяжёл,
тот сорок первый – сорок...невозможный.
Он, как косою кровавою прошёл,
оставив след широкий и тревожный.
А сколько сгинуло парней, мужей,
детишек, умерщвлённых так жестоко...
В России столько чудных ворожей –
и дев, и жён состарилось до срока!
Сегодня – самый длинный день в году,
а ночь зато короткая какая!
Сегодня я во сне к тебе приду,
как этот пух, что кружит и летает.

ОТЦЫ – ВЕТЕРАНЫ

Отцы уходят раньше матерей
не оттого, что зачастую старше,
а оттого, что путь у них был страшен, –
отцы уходят раньше матерей!
Война гналась за ними по пятам,
Она из них вытряхивала души.
И в воздухе, и в море, и на суше
война гналась за ними по пятам...
Война их не согнула, а теперь
жизнь выбивает жалкие остатки.
Хлеб пенсионный горестный, несладкий,
пропитанный слезами их потерь.
А что же мы – им не хотим помочь?
Или не можем, или слабоумны?
И, покидая этот мир подлунный,
отцы уходят в фронтовую ночь!

ПАРАД ПОБЕДЫ

Настал тот день, и был парад Победы,
и те знамёна, что рвались к Москве,
бросали войны к кремлёвским стенам,
и те ложились в прахе и тоске!
А победители фашистов твёрдо
в шеренгах чёткий отбивали шаг,
и проходили, и легко, и гордо,
свой путь освобожденья завершив.
И белый конь под маршалом резвился,
как будто понимал, что символ он.
Народ Победы, наконец, добился,
а враг был уничтожен, посрамлён!
Но чтоб Победа состоялась эта, –
работала сверх силы вся страна.
И русский крик «Ура!» летел по свету,
и, наконец, закончилась война.
И мой отец был тоже у рейхстага,
и роспись он оставил на стене.
Под сенью государственного флага
теперь легко стоять тебе и мне!

ГЛАЗА СТАРИКА

Глаза притушены, глядят не так проворно,
как, может быть, смотрели в сорок лет,
но взгляд спокойный и, как прежде, гордый,
ведь помнит он немало бурь и бед,
что пронеслись над ним и над Россией
и много жизней унесли с собой.
Секли по спинам бед дожди косые,
холодных волн о берег бил прибой.
Глаза поблекли, не ясны как прежде,
и если это – зеркало души,
то сохранились Вера и Надежда,
не потерялись где-нибудь в тиши.
И пусть глаза глядят не очень живо,
и свой конец предчувствуют они...
Но иногда прекрасные порывы
преображают старческие дни!

ЧУДАКИ

Я сам – чудака, мне с чудаками проще,
со мною рядом тоже чудаки!
Зови, как хочешь, – не клади лишь в Ощи
и в печь не ставь! В неё нам не с руки!
Непросто жить бок о бок с чудаками,
Но на Руси мы – испокон веков!
Мы шли всегда за русскими полками
(и среди штатских много чудаков!)
На чудаках везде возили воду,
всегда чудака был в чём-то виноват.
Мы – дети благородные природы,
хоть каждый, может, чуть придурковат!
Без чудаков на свете скучно будет.
И как заметить правильных без нас?
Их оттеняем мы, чтоб знали люди:
вот этот – дока, хоть и свинопас.
Собой гордиться можем мы отчасти
за пользу, что приносим иногда.
И в этом – наше чудаково счастье
из века в век, до Божьего суда!

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ЛЕНИНКИ»

Мы часто приходили в этот зал,
он с нами вместе и парил, и грезил.
Вот муж в очках труд древний заказал,
покрытый позолотой и железом.
Там аспирант штудировал тома,
научные журналы грыз, не мешкал,
и в подтверждение острого ума
блуждала на губах его насмешка.
Студенты щебетали, не таясь,
о чём-то незначительном в курилке,
у картотек девица напряглась,
услышав за спиною шёпот пылкий.
Пыхтел поэт, стихами увлечён
какого-то забытого коллеги:
тот в жизни оказался не причём,
хотя читал и Фрейда, и Карнеги.
И я сидел, мечтатель молодой,
не сознавая, как тут оказался,
и классик, окаймлённый бородой,
мне с барельефа едко ухмылялся?
Прошли года, и нет того огня,
и нет тех слов, восторженных и пылких!
Мечта прокисла в сердце у меня,
как старое вино на дне бутылки.

В ЛЕСУ

Пахнет белыми грибами
и берёзовым листом.
Земляника на поляне,
а маслята под кустом.
Вышли рано, солнце низко,
но по лесу ходим мы
не спеша, вдвоём с Алиской
и пустые две сумы.
Но грибов должны набрать мы, –
Нам без этого – труба!
Грибники в лесу все братья,
но до первого гриба.

ЯЩИК ПАНДОРЫ

В древней Греции жила Пандора
и была красива несказанно,
любопытством славилась безмерным,
но об этом видно Зевс не думал.
К людям Он послал её с заданьем,
а подробности ей не поведал.
Зевсу с поднебесного Олимпа
незнакомы трудности людские.
Он послал народу в наказанье,
переставшему богам молиться,
мрачный ящик, что скрывал до срока.
И Пандоре, показав тот ящик,
приказал не открывать до знака.
Но Его ослушалась Пандора,
ведь была чрезмерно любопытна!
(Любознательность – не любопытство,
и прошу не путать два понятия!)
Как однажды соблазнила Ева
По навету бедного Адама,
так открыла скверная Пандора
ящик Зевса! Вырвались наружу
скрытые в нём мерзкие болезни
и другие бедствия людские.
В страхе дева затворила крышку,
и осталась в ящике том страшном
лишь одна обманная надежда,
что теперь сама приходит к людям
и внушает мнимое спасенье,
что без воли Бога невозможно...

Елена БЛИСКУНОВА

Родилась в Омске. Закончила экономический факультет Московского инженерно-строительного института. Работала в Департаменте градостроительной политики. Пишет стихи и прозу. Печатается в альманахе «Сияние лиры». Автор книги «Сила любви» (2014) и поэтического сборника «Путеводная звезда» (2015). Член Российского Союза писателей.

Ещё не поздно чувства укротить,
Не выдать скрытого волненья,
К сближенью Ваш порыв остановить
Решительно и без сомненья.

Ещё не поздно отвести мне взгляд,
Примерив маску равнодушья,
Пока сомненьем на мгновенье смят,
В себя прийти бы от удушья.

Ещё не поздно... можно ведь уйти...
И звук шагов вслед, с нарастающим,
Прикосновенье нежное руки
Оставить вовсе без вниманья.

Ещё не поздно всё пресечь без слов,
Пресечь без слов намеренно, искусно...
Но, обернувшись, вспомнила из снов
Ваш взгляд пронзительный и грустный.

Ещё не поздно чувства укротить,
Не выдать скрытого волненья...
...Но узнаванием протянулась нить
Из прошлой жизни, без сомненья!

Как мог подумать, что легки мне расставанья?
...По телефону не услышать – сердце вскачь:
Оно на голос твой, сорвавшись на свиданье,
Кометой Персеид горит, и боль – хоть плачь...

Как мог подумать, что отстранена в молчанье?
...Молчит так скрипка в ожиданье скрипача.
Безмолвна я бываю только от отчаянья,
Что рядом нет Тебя и твоего плеча.

Как мог подумать, что легки мне расставанья?
Когда вдруг рвутся нервы с плачем, как струна...
Морзянкой сердце надрывается в посланьях,
Ночей бессонных выбивая письма.

Как мог подумать, что отстранена в молчанье? –
На голос твой сорвалось снова сердце вскачь...
Созвучье душ - ошеломлённое слиянье!
...Но без Тебя не петь мне, милый мой скрипач.

КАРИАТИДЫ ВЕКА

Карийских девушек планиды
Слепые Мойры¹ пряли нить –
И вот они – кариатиды²,
Взвалили рабства гнёт – гранит.

Как назиданье всем потомкам
Безумия любой войны,
О женской доле очень громко
Безмолвно говорят они.

Пронзает боль во взгляде мрачном,
Безвыходность кричит окрест,
Что эти женщины безбрачно
Несут ярма тяжёлый крест.

¹ Мойры – богини судьбы в греческой мифологии

² Кариатиды – женские статуи, поставленные для украшения и поддержания балконов, выступов вместо колонн

И мы – Кариатиды века
Под тяжким бременем забот,
Все ждём Атланта – Человека!
Но держит он небесный свод...

Настал бы час у Мойр прозренья,
Вплелось бы счастье в нить судьбы!
Другие были б измерения,
И были б женщины слабы!

Весь мир в инетоплауине,
прискорбно это и печально:
в сетях увязнув, словно в тине,
живём и любим – виртуально.

И не кляните белый свет,
доверившись той истине,
что старость – это мудрость лет...
Всем – по плодам... Воистину!

Любовь ПОЧИВАЛИНА

Родилась в Тамбовской области в селе Большие Кулики. Проживает в Москве. Образование техническое, среднее специальное. Работать токарем на заводе «Вымпел». Печаталась в сборнике «Северное сияние». Член литературного объединения «Переделкино» и клуба авторской песни «Западня».

Зима в Москве на зиму не похожа.
Москва вся до бордюринки ухожена.
В ней слаб кураж... Ей не до эпатажа...
Морозу сыро средь многоэтажек.

Денёк-другой, асфальт зачищен срочно
в объёмах требуемой непорочности.
На нём лишь лужи мутно так и снизу
пробелы откровенные залижут.

Зима в Москве с уклоном и откосиной.
И загостилась у прошедшей осени,
где так пронзительны и краски, и унынье,
и перед будущим нависшее бессилье.

Где неуютно снегу в раз свой первый
с землей столкнуться, как с холодной стервой;
стерильно чистому небесному источнику
пасть в реагент беспочвенно замоченным.

Зима в Москве, похоже, чаще плачет...
То пульс мерцает, то давление скачет...
И побежалостью итоговой – цвет серый
дает оттенки улицам и нервам.

А где-то там, глобальна и коварна,
она расправит фирменный свой саван...
Она царица. Символ и угроза.
Краса и смерть... Поэзия и проза...

Зима в Москве – сезонное явление,
здесь познаёт дорогу к усмиренью.

Запуржило, завьюжило...
Отовсюду ветра.
Сквозняками застужена
и порошей загружена
непогода с утра.

Со столбов фонареющих
мутно пялясь во мглу,
над позёмкою бреющей
потешаются зрелищем
чакры ламповых лун.

Снег грязнеет, забаненный,
на покрытиях дорог,
реагентами раненный,
вплоть до дыр протараненный
от езды и шагов.

Город, слишком изнеженный
для метелистых зим,
отвергает заснеженность
и к сугробам приверженность
криком фар и витрин.

Он в пургу задыхается,
если надо быстрее.
В пробках трасс надрывается
и сиренами лается
на цепях «стопарей».

Пренахально, непрошено,
заимев право «быть!»,
забывая порошею
вьюга призрачной лошадыю
демонстрирует прыть.

И ледышкой холодною
на нелёгком шагу,
солидарная с городом
крою бранью погоду я
в гриву, в хвост и в дугу.

Только ей фиолетово
в минусовке тепла.
В драный саван одетая
и ветрами отпетая
Мчит, презрев удила.

О, Боже, где найти приют
от деспотизма ложных истин?
По мне, как по холсту, снуют
их добродетельные кисти.

Рисуют истины судьбу
и пограничную окружность.
Творят покорную рабу
понятий „ можно» и „ не нужно».

И роль на плоскости проста...
Но есть объем... его узнай-ка. ...
Прочь кисти! Я сойду с холста,
чтоб стать самой себе хозяйкой.

Дмитрий ТЕРЁШИН

Поэт. Родился и проживает в Москве. По образованию юрист. После нескольких лет работы по специальности, полностью посвятил себя литературной деятельности. Автор сборника стихов «Ранняя осень», готовится к печати вторая книга.

На гонения обречены
Те, кто двигают эту планету –
Не крутые, как буря, чины,
А носители Высшего света!

Одиночество – только оно
Единение с Космосом водит.
А толпа ожирела давно,
По истоптаным тропам всё бродит.

Не постичь ей законов Творца,
Лишь пустые формальные действия.
Каждый видит в себе мудреца,
Хоть застрял в своём розовом детстве.

Мир обиженных, жадных детей
До всего, что поднять может статус.
А по сути, здесь каждый халдей,
Кто привязан к мирскому догмату.

А раз так, то ступай смело вдаль,
Порицаемый солнечный гений!
Пусть не вынуть из сердца печаль,
Но зато и не встать на колени!..

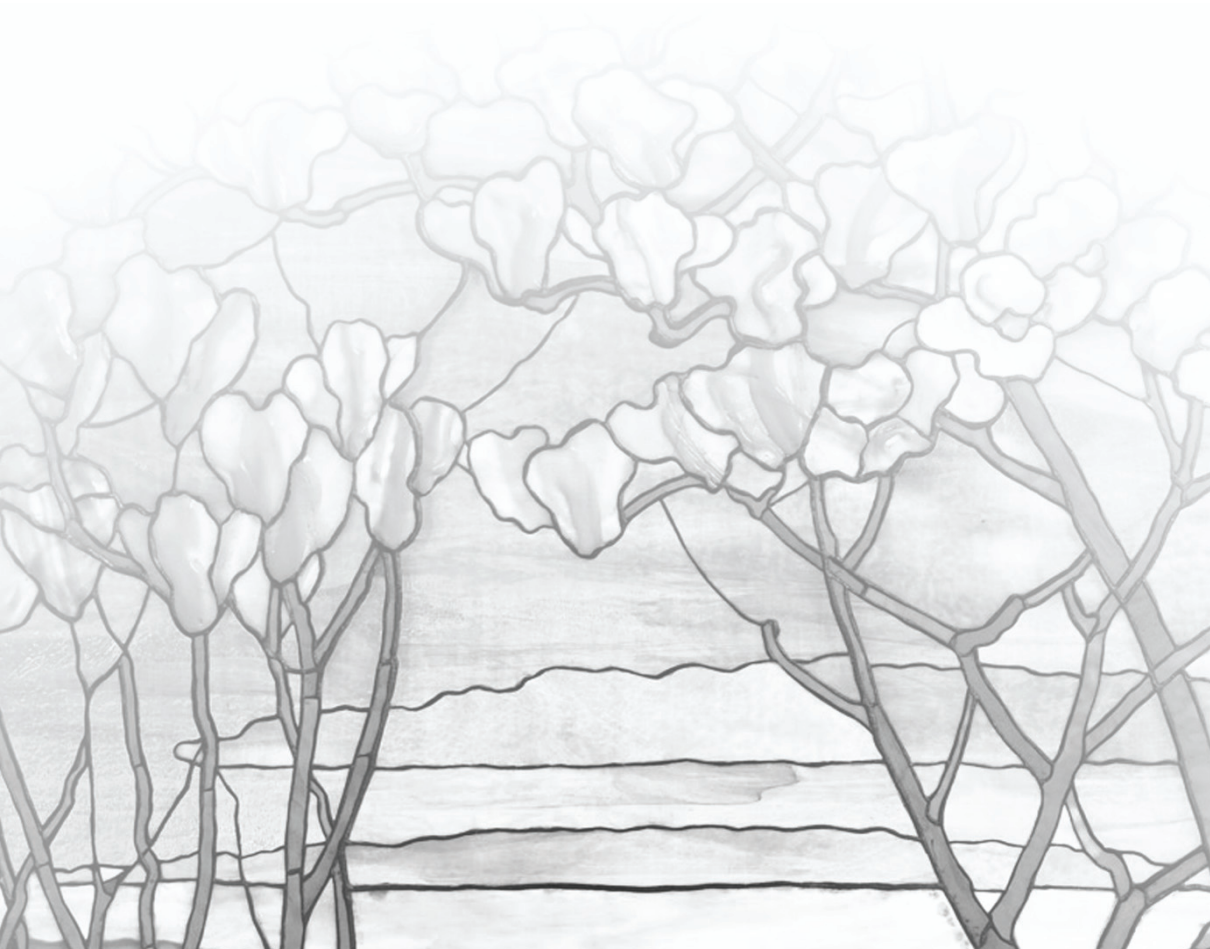
Наталье Ендовицкой и Светлане Жильцовой

Возвращаясь от вас серым днём,
Знал, что вы – только лёгонький ветер,
Поигравший немного с огнём,
Что душой во все стороны светит.

Вы в заботах, житейских делах.
Вас страшит злая участь поэта,
Что распяла его на гербах
Постижения истин заветных.

Вас же здесь, как и всех, тяготят
Быт, квартирный вопрос и работа.
Так пускай у вас будет, хотя б
В этом смысле, желанное что-то.

Ну, а я соберу узелок
И пойду с ним, за плечи закинув.
Где-то есть, может быть, огонёк,
Где меня без стеснения примут...

Анастасия САЙКО

ДОЧЬ ЗАГАДОЧНЫХ СНОВ ХУАНХЭ

Вся в одеждах из чёрного шёлка
Ты, подруга мятежного волка.
Вижу снова одну вдалеке
На крутом берегу Хуанхэ.
Твои волосы цвета полночного неба,
Твоя кожа белее январского снега.
Твоя песня – узор на песке,
Дочь загадочных снов Хуанхэ.
О тебе я мечтал и мечтаю сейчас,
Цель скитаний – увидеть сияние глаз
И забыть навсегда о тоске
Под мелодии струн Хуанхэ.
Отыщу чёрный лотос в далёких мирах,
Удержать его мощь постараюсь в руках,
И отправлюсь к тебе по реке,
По могучей, как жизнь, Хуанхэ.
Поднимусь я на берег высокий, крутой
И тебе подарю свой цветок неземной,
И в летящей воздушной строке
Восхваляю красоту Хуанхэ.
Но печально вздохнёшь, скажешь: «Нет, ты не мой,
Не бежать нам волками под дикой луной»...
Развернусь, крикну в страшном броске
И исчезну навек в Хуанхэ.

ОКОНЧАНИЕ ЗИМЫ

Зима, как сон, закончится однажды,
Настанет солнечность весенних лёгких дней.
И снег сторит корабликом бумажным
В огнях беспечных, зажигательных ночей.

Проходит всё, поверь мне, это – правда,
Пройдут и боль, и одиночество души.
И тёплым золотым лучом обнимет завтра,
Надежд раскинув неземные витражи.

НАДО БЫТЬ

Надо быть загадочной и нежной,
Надо быть стремительной и лёгкой,
Быть задорной, милой, безмятежной –
С мягкой, волнующей походкой.

Пусть на сердце горечь и тревоги,
Никому не нужно это знать.
Лишь нести тепло улыбки многим,
Ну а боль свою внутри скрывать.

Пусть невзгоды мучают, печали,
Ты держись и свет другим дари.
И добро волшебными лучами
Жизнь твою внезапно озарит.

Елена ТЕМЧЕНКО

Родилась в Казахстане, в г. Кустанае в семье врачей. Стихи пишет со школьных лет. Окончила Волгоградский Государственный Педагогический Университет (филологическое отделение). Печаталась во многих волгоградских изданиях, в московской газете «Российский писатель». Лауреат поэтических конкурсов. В 2009 г. выпустила поэтический сборник «Святое». Живёт в подмосковном городе Балашиха.

САД

...Такая тишина...
И даже город смолк...
Но мудрая луна
Молчит, что в мире ты
Не одинок...

Пусть дышится навзрыд,
И мается вина.
И пусть душа болит,
Она в объятьях тишины
Обнажена...

Невидимый исток,
И времени вода...
И даже город смолк...
Но в небесах зажглась в ночи
Твоя звезда...

И выльется в строку
Дрожавшее во мне...
Так на своём веку
Мы возвратимся в сад наш –
Бытие...

Откровение – снисхождение...
Небо плавит и льёт лучи...
Ощущение озарения,
Тёплый свет от живой свечи...

Тише молится, глубже дышится,
В сердце словно звенит струна...
И живётся легко, и пишется...
Мысли светлые – не до сна...

Ночь качается, трели слышимы...
То ли сон, то ли явь – одно...
Поднимаемся выше, выше мы...
Неба звёздного полотно...

Давай оторвёмся от этой земли –
Здесь столько разлук и страданий...
Давай полетаем до новой зари,
Давай полетаем...

Прольётся дождём еженощная боль,
Людская пленённая мука...
Ты самый любимый и самый родной...
Я вырву из круга.

И страхи, сомненья, и беды твои
Растают, как ночь у порога...
Давай полетаем до новой зари
В объятиях Бога...

ДЕНЬ РАЗЛИВАЕТСЯ...

День разливается надо мною –
Поступь его легка...
Небо сияюще-голубое,
Белые облака...

Так безмятежны и преходящи,
Тают в заветный час...
Дверь открывается в настоящем,
Время его – Сейчас.

Станет снежинка опять рекою,
Прошелестит волной...
Небо звенящее надо мною
С пламенной тишиной...

БОЛЬ

Ты можешь выстрадать то, что томилось века,
Распластать эту боль, упиваясь её немотой.
Убежать от неё, но подглядывать издалека,
Как она, улыбаясь, машет тебе рукой...

Тебе даже будет больнее её потерять,
Исчезнет она – словно тебя не стало.
И вот она расстилает тебе кровать
И укрывает бережно одеялом.

И день потянется, немощный и пустой,
Спасать земными, неутолёнными снами.
И будет ночь с бессонною наготой
Вещать безмолвно пристальными глазами.

Ты сможешь выстрадать то, что душило и жгло,
И однажды понять, вы – не одно, вас – двое...
И принять эту боль. Ты почувствуешь – стало светло...
И рассвет растворился в твоей тишине и покое...

Ты рисуешь меня светом...
Ты в ладонях несёшь мне весну...
Я любовью твоей согрета,
Я в ладонях твоих усну.

Ты мне даришь своё дыхание
В полуяви ли, полусне
Ты меня доверяешь тайне,
Своё сердце вверяешь мне.

Даже если приснится ветер
И замается мир большой,
И останешься ты на свете
С растревоженной душой...

Я услышу тебя... И где-то
Миг сольётся в любовь одну.
Ты рисуешь меня светом...
Ты в ладонях несёшь мне весну...

А.ВОЛЛИС

Под этим творческим псевдонимом печатает стихи Людмила Олеговна Чернейко, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 2014 году вышел ее сборник «Исцеление строкой», на который дала рецензию Литературная газета (№ 23 2015). Подборка стихов («Зимний триптих» и другие) опубликована в альманахе «Витражи» (№ 1/2 2016).

Диптих «ДЕТСТВО»

1. Несбыточное

Я хочу перепрыгнуть
через бездну момента
в то далёкое время
(его прошлым зовут),

где трава – пахнет летом
и где синее небо,
а ночами по звёздам
тихо лодки плывут.

Я хочу, чтоб, как в детстве,
оказался мир новым,
и чтоб миг был наполнен
тишиною зари.

Ну а если вдруг ливень –
то с пожарами молний,
и чтоб ветром взрывало
на воде пузыри.

Запах пыли прибитой
всё ещё будоражит.
Только я понимаю,
что другой он теперь.

То, что детство дарило
в луговых вернисажах,
ощущаю сегодня
как одну из потерь.

2. Свет

И лампа в целых 40 ватт
светила жалко.
Никто ни в чём не виноват.
Нет споров жарких.

И в разговорах ни о чём
не видно сути.
К ней путь дорожным кирпичом
закрыт. И мутит

тоскою выплаканных слёз
мой взгляд на вещи.
Он столько видов перенёс,
как сон, зловещих.

И только в памяти моей
есть мера света –
всплывает детство. Нет сильней
опоры этой.

УЛИЦА КОРОЛЕНКО

Мелодии забытые аккорды
в Сокольниках оркестра духового
остались на аллеях парка города,
прочерченных по насыпи бывшего.

Мелодия плыла поверх акаций,
взвихря белизну благоуханья,
и не ждала от публики оваций,
неистовства её рукоплесканья.

По Короленко юность проходила,
ступая нараспашку, без оглядки.
И жизнь меня тогда не тяготила –
не знала я ещё её повадки.

В такт ветру лёгкому качались ветки
(так в сумерки вползает тихо лето),
а в памяти остались все отметки
тех дней далёких – в подсознание где-то.

И на сыром асфальте плыли тени
огромных листьев августовских клёнов.
Фонарный свет и не скрывал их лени –
такой прозрачно-яростно зелёной.

Сырой асфальт для листьев был экраном,
а листья для него – сплошным узором,
ковром тёмно-лиловым и нетканым,
доступным фантазирующим взорам.

Предчувствие как жизни предвкушенье
влекло вперёд неведомою силой.
Я не искала выгодных решений
и ничего у жизни не просила.

Мечте своей не ставила предела.
Она над жизнью высоко кружила.
Со временем, однако, поседела,
как будто истощилась. Отслужила.

Я не люблю ходить по Короленко –
боюсь с собою, прежнюю, столкнуться.
Боюсь, что временная жизни стенка
на зов её не даст мне оглянуться.

ОПОЗДАНИЕ

Я в капсуле одиночества –
только для снов и для творчества.
Творю я себя отчаянно...
Но ёлочный шар, нечаянно

из рук выскользая, падает.
Меня это даже радует –
в мир новых шаров стремительно
ворвусь я незамедлительно

и выберу яркое, новое:
может, зеркально-лиловое,
а может, как сахар, пыльное –
зефир-воздушно-ванильное.

Окутаю их канителями –
серебряными метелями –
и звёздочками небесными
осыплю, такими чудесными.

И опоздала, как водится.
Пенять на себя приходится...
Высокое слово «творчество»
подходит для одиночества.

«БОЖОЛЕ»

Бутылку «Божоле» не пожалей,
возьми бокал и щедро мне налей.
Под молодое вспомним о былом,
и прошлое коснётся нас крылом.

Поговорим, оставив суету,
на нашу тему, правильную, ту,
что связывает узами родства
сильней, чем кровь живые существа.

И ловим мир мы на одной волне.
Бывает, что она швыряет нас,
но вместе понимаем мир вполне

и жизнь воспринимаем без прикрас,
хоть иногда и ищем смысл в вине, –
вот в этом «Божоле» и в этот раз.

Андрей КАЛЕЦКИЙ

Коренной москвич, закончил Московский автодорожный институт, работал инженерно-техническим работником.

Пишет в разных жанрах: любовная и пейзажная лирика, ироническая поэзия, короткий рассказ, очерк. Вышли в свет поэтические сборники: «Душа стихами мне шептала...», «Родная речь», «Из сказки в быль». Статьи опубликованы в газетах «Московский Литератор» и «Независимая газета». Победитель поэтических конкурсов. Состоит в СП России.

ЛЮБИМАЯ ЦАРИЦА

Я говорю себе: «Ну вот,
И надо ж было в ту влюбиться,
Что белым лебедем плывёт
И гордо смотрит, как царица.

В ту, что танцует и поёт,
Рисует и слагает сказки.
И не меня, другого ждёт,
Кто дарит ей любовь и ласку».

А я не смог ей подарить
Земного счастья немного.
И буду я себя корить
Теперь за это очень строго.

Но хоть другого ждёт она,
Ещё мне долго будет сниться
В голубоватой дымке сна
Моя любимая царица.

Нет света от сгоревших свеч
И от любви, почившей в прошлом.
Мы не смогли её сберечь,
А без любви жить просто тошно.

Не говори мне нежных слов,
Уж сыт по горло словоблудьем.
Не верю я в твою любовь,
А посему давай забудем

Пустые наши обещанья:
Не расставаться никогда.
Чуть помолчим перед прощаньем
И разойдёмся, кто куда.

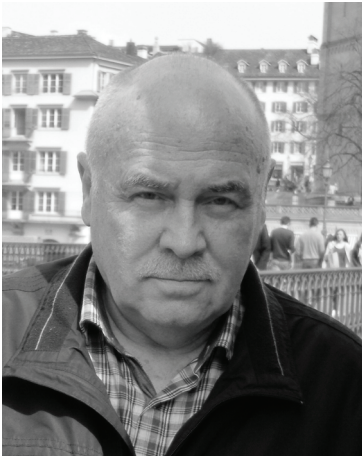
То ли в мае, то ли летом
Затерялось счастье где-то.
И теперь довольно сложно
Мне найти его, но можно

В голубой прозрачной выси
Или в стайке жёлтых листьев,
Что сегодня ветер кружит,
Или в мелких стылых лужах.

Своё счастье непременно,
Как иголку в стоге сена,
Мне найти скорее надо,
До зимы, до снегопада.

Валерий ШУВАЛОВ

Филолог-германист, профессор Московского педагогического государственного университета. Член Союза Российских писателей, автор четырёх поэтических сборников: «Слова», «На крыльях языка», «Послание в бутылке» и «Остаться человеком».

ХМУРАЯ ВЕСНА

Где-то буйствует весна
и цветут магнолии,
да и людям не до сна –
молодым тем более,
ошарашенным слегка
в унисон с натурой;
а у нас ещё пока
холодно и хмуро.
Перспектива не ясна,
но я верю всё же,
что и к нам придёт весна –
пусть немного позже!..

ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ

И здесь, и там у нас одна
лимонно-жёлтая Луна. –
Вот бы дотронуться до диска,
который, кажется, так близко
и прост, как стёршийся пятак!
На самом деле всё не так,
и, от красот почти немея,
ты понимаешь: жизнь сложнее –
ведь нам пейзажи не видны
обратной стороны Луны...

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Не мечтал, даю вам слово,
в жизни побывать я там,
где беспечный Казанова
соблазнял прекрасных дам,

иль отведать кофе там, где
в окруженьи древних стен
мелким почерком в тетради
делал записи Эйнштейн,

побывать и там, где в прошлом
много месяцев подряд
проживал довольно пошлый,
беспринципный эмигрант...

И из мест, что незнакомы,
суету гоня взащей,
оказаться снова дома,
чтобы вспомнить о душе.

СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ

Я верю в то, что память – сила,
другой подобной не найти:
мы помним то, что с нами было
и что могло произойти.

Не обязательно быть пошлым,
но даже и в разгар весны
воспоминания о прошлом
по-своему всегда грустны.

Та грусть нездешняя порою
сжигает душу нам дотла,
лишает напрочь нас покоя –
и всё-таки она светла!..

БУМАГА ЖАЖДЕТ НОВЫХ СТРОК

Мне кажется, я слишком строг.
Бумага жаждет новых строк,
зовёт меня к карандашу,
но я молчу и не спешу –
поскольку, не шагая в ногу,
привык писать не очень много,
хоть мною с самого начала
написано уже немало.
Порой мне даже Муза-птица
советует остановиться –
и я очередной свой том
откладываю на потом...

ЖИЗНЬ

Каждый день и каждый час
жизнь испытывает нас,
ставя, так или иначе,
разной сложности задачи –
ведь она, мы это знаем,
есть один сплошной экзамен!..

СРАВНЕНИЕ

Я бы стих сравнил с картиной –
современной иль старинной,
небольшой и в скромной раме,
но написанной... словами:
вдохновенно, не спеша,
в лицах, числах, падежах
и в условном наклонении,
с элементами сомнений –
и к тому ж ещё в итоге
в (со)страдательном залоге.

ГОСТИ ИЗ ДАЛЕКА

Инна БОГАЧИНСКАЯ

Известный в эмиграции поэт и журналист. Родилась в Москве. Окончила Одесский университет. Печаталась в газете «Вечерняя Одесса». Статьи, очерки, стихи публиковались в республиканской и всесоюзной прессе. Автор пяти книг поэзии и прозы: «СТИХИЯ», «Подтексты», «В четвёртом измерении», «Перевод с космического», «Репортаж из параллельного мира». С 1979 г. проживает в Нью-Йорке. «Книгой года» (1991) Энциклопедии Британника названа одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского Зарубежья. Лауреат Международного фестиваля русского искусства в Чикаго (1991), «Поэт года-1991»

в Нью-Йорке. Награждена медалью «За достижения в области культуры и искусства» от Кирилло-Мефодиевской Академии. Творчество поэтессы высоко оценивал Андрей Вознесенский. Произведения включены в программу преподавания современной литературы в Одесском Национальном и Северо-Осетинском государственном университетах. По книгам написаны дипломные, курсовые работы, статьи и доклады, прочитанные на научных конференциях.

ПРАВДА В НОГАХ ЕСТЬ...

*В ногах правды нет.
Поговорка*

Правда в ногах есть.
Мир обойди весь.
Прямо и вкривь да вкось.
Путь до себя далеко.

Трёшься о дней наждак.
Всё в твоей жизни не так.
Куда ни свернёшь – тупик.
Засилие глаз тупых.
Правит крутой беспредел.
Нет избавленья нигде.
Среди человекольдин

С ночью один на один.
В пекле бессонных секунд
Кадры бывшего секут.

Эта канва не нова.
Тело разводит по швам.
В нервах буянит дрожь.
Главная правда – ложь.
Сполох любовный остыл.
В сердце – прокол да пустырь.
Чёрная дразнит дыра.
Хочется в небыль удрать.
Убожество хлещет ключом.
Нет просветленья ни в чём.
Точит без устали жизнь.
Увы! От себя не сбежишь.

Но в самый убийственный миг
Над всей этой мглой поднимись!
Раскрась безнадежности фон.
Гони затемнения вон!
Раздвинь полюса и иди.
Во мгле этой ты не один.
Свет скроет потери и спад.
Ходи – и найдётся тропа!
Забудь пораженья и сплин.
Источник сверкает вдали.
И праздную бесценную весть,
Что правда в ногах твоих есть!

**СТИХИ-НАПОМИНАНИЕ О ТОМ,
ЧТОБ «НЕ ГОВОРИТЬ С ТОСКОЙ: – ИХ НЕТ.
А С БЛАГОДАРНОСТИЮ: – БЫЛИ»**

У каждого – свой болевой синдром.
Своя неразрешимость. Обделённость.
Свой Ренессанс. Свой крах. Свой космодром.
И разговор, как домна, раскалённый.

У каждого – свой каверзный клубок.
Свой щит и меч. Олимп. Петля и пристань.
Свой полудемон или полубог.
И колебанье полюсов капризных.

И кладбище разъединённых уз,
Когда-то обещавших нерушимость,
И заблуждений взрывоносный груз,
И бунт всего, что так и не свершилось.

И с этим надлежит нам пересечь
Земные перевалы и провалы.
И подключиться в неземную сеть,
И отпустить всех, с кем не удавалось

Перекликаться ритмами сердец.
Друг друга оккупировать зрачками.
И от костра дыханий обалдеть.
И тормозить момент маниакально.

Жжёт каждого раскаяний очаг,
Несовпадений, обгоревших крыльев.
И так порой заноеет по ночам,
Как будто шрамы от ранений вскрылись.

Не стоит сокрушаться и бледнеть,
Притронувшись к тому, что стало пылью.
Пусть то ушло. Пусть прежних сказок нет.
Но были. Ведь они когда-то были!..

РОЗОВАЯ ФАНТАЗИЯ

От дрожи роз несбывшемся запахло,
И этот запах раздирал мозги.
Остаточные памяти припадки –
Как если бы с неё снимали гипс.

А может быть, накладывали шины
На то, что не сошлось, не проросло.
В чём не дозрела и недогрешила,
И не сложила самых важных слов.

Но вдруг трянуло, как в ожившем кадре.
Назад? Напротив? Мимо? – Кто поймёт?
И стали проноситься на стаккато
Видения из свергнутых времён.

Вот день, как раненый, дождём истёкший,
И под окном не твой автомобиль,
И неба катаральная отёчность,
И голос, от которого знобит.

И восхождение к полюсам опасным.
Что не осилит даже альпинист.
И даже время, время – лучший пастор –
От жал минувшего не отстранит.

Потянет хоть в полмысли возвратиться
Туда, где даже улицы болят.
С трагедией рифмуется античность,
Хоть рифма не видна на первый взгляд.

Награда это или наказание?
Ответ или хронический вопрос?
А если – просто запах, просто запах.
И затяжное воспаление роз...

ПОКА Я НА ЗЕМЛЕ...

Пока я на Земле,
для меня гастролируют птицы.
Заражают вокзалы.

Твои руки врачуют теплом.
Пока я на Земле,
мне ещё надлежит возвратиться
К возрожденным вулканам,
от которых меня унесло.

Пока я на Земле,
я хочу разминировать мысли
И металлом метафор
украсить пролёты страниц,
Замирать в медитации,
как прозревающий мистик,
И разлиться по миру,
как высокогорный родник.

Пока я на Земле,
не смогу по-лягушечьи хлюпать,
Если кто-то в петле,
пусть совсем на другом берегу.

Я на помощь рванусь
даже в самой изодранной шляпке,
Даже если спасти
в этот раз я уже не смогу.

Пока я на Земле,
прокажённым пожертвую кожу.
Обречённых утешу.
Отвергнутых в душу приму.
Я не знаю, насколько я здесь задержусь
и когда меня скосит,
Но пока –
просто так не позволю пропасть никому.

Пока я на Земле,
для меня продолжаются съёмки,
Где мне выдана свыше
не слишком заметная роль –
Выгребать из беды
неприкаянных и неуёмных,
Чтоб никто не сломался
и других не сумел распороть,

Чтоб коснуться сердец,
где свирепствуют страхи и стужи,
И бездомных укрыть,
и отчаявшихся пожалеть.
Заменить батареи
во взглядах и душах потухших,
Пока я мимолётно
ступаю по этой Земле...

ПАРИЖСКИЙ ЭКСПРЕСС

Нас швырнуло друг к другу,
как пленных в запретную зону.
Распоролась греховно
понятия и языки.
Мы зашлись в пароксизме
потерянно и обнажённо.
И сомкнулись, как веки,
блокаде ночной вопреки.

Эта музыка жестов
и легких, как пена, касаний,
Когда речь каменеет,
не в силах пройти сквозь уста.
Эта мистика мимик,
в которой запутались сами,
И вслепую вскочили
На мчащийся в тайну состав.

Что нам было терять –
неприкаянность, неутолённость?
Нас обоих буравила жизнь,
то и дело пытаюсь себя отобрать.
Я не знаю, как Вас,
но меня приучили с пелёнок,
Чтобы тоннами лиха
платила за кроху добра.

А пока –
я меняю билет на экспресс Лурд-Париж,
соблазняющий наспех.
Нам досталось «сегодня»,
чтоб в нём раствориться до дна.
И на полуфранцузском я Вас убеждаю,
что путь мне – в монашки,
И на полуанглийском
Внушаете мне, чтоб в монашки не шла.

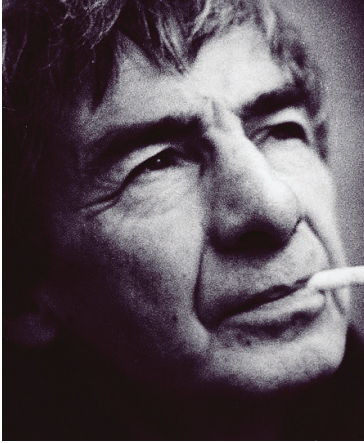
Мой экспресс к отправленью готов.
Ну, а Вы? Вы готовы к концу этой сказки?
Прошептали воздушное что-то,
как “па” танцовщицы Дега.
...И в запале зимы,
среди нью-йоркской
безудержной скачки,
Что останется с лета? –
Всего лишь – французский загар.

ВИТРАЖИ ПАМЯТИ

Юрий ВЛОДОВ

(1932-2009)

Поэт, автор всенародно известных строк: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это». Родился в г. Новосибирске в театральной семье. Творческую карьеру начал в пятидесятых годах, первые публикации появились в это время. Общался с Борисом Пастернаком, Ильёй Сельвинским, Корнеем Чуковским, Александром Твардовским и другими классиками. Они его признавали и прочили ему большое поэтическое будущее. К сожалению, судьба поэта сложилась не так гладко. При жизни его мало печатали. Первая небольшая книга «Крест» вышла в 1996 г. в издательстве журнала «Юность».

В 2008 г. появилась книга «На семи холмах». Уже после смерти в издательстве «Время» вышли книги поэта: «Люди и боги» (2012) и «Летопись» (2015).

ПУШКИН

Из книги «Портреты»

О балы мои далёкие!
Колокольца снежный звон!
Неопознанные локоны
В бликах ёлочных окон...

Зажигали свечи чистые...
Заполняли синевой...
Полонезами лучистыми
Плыли зимы над Невой.

И на санные излучины –
В запах милый, меховой –
Опускался кто-то мученный
С эфиопской головой...

И взлетали галки снежные
Из-под санного ножа!
И была метель мятежная
Оглушительно свежа!

Когда на клейкий подоконник
Зарю обронит глупый птах,
Когда пастух – сопливый конник
Промчится с гиком на устах,

Я буду спать – башкой в тужурку,
В мышинном сене и пыли...
Но в оловянную мазурку
Вхожу я с тёплой Натали...

И свечи светятся морозно!
И рыжий гений смотрит грозно!...
Ах, притча века – Натали!

Звенят браслеты грациозно,
И пахнут вольно и берёзно
Запястья сельские твои...

Светлело, а гусиное перо
Резвилось, как младенец неразумный,
И глаз косил безбожно и хитро
На этот мир – застенчивый, но шумный.

Пищала птаха, тихо зрел ранет,
Сварливый клён под окнами возился...
«Ужо тебе!» – воскликнул вдруг поэт
И кулаком чернильным погрозился.

«Ужо тебе!» – и весело со лба
Смахнул волос воинственную смуту...
Не знала Русь, что вся её судьба
Решалась в эту самую минуту.

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берёт.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берёз.

Суров арап великого Петра!
А внуку – только детские забавы...
Он засмеётся белыми зубами
Под лёгкий скрип гусяного пера.

«Ребятюшки! Один у вас отец!..»
И на крыльце – Пугач в татарской бурке...
А на балах, в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...

На сотни вёрст глухой и гулкой лес...
Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А, может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?!..

Она все ближе – тёплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопущи,
Где в синий снег падёт руками Пушкин,
И из-под рук вдруг вырвется земля...

И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвётся мех соболий,
И медальон на шее задрожит.

Пробьётся луч весенний, золотой.
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским, в церквушке,
Звонарь встревожит колокол литой...

Ну а пока – туманная пора.
Всё в липкой паутине бабье лето.
И небо – в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Чёрным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,
Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что – стихи?!..

Пушкин с Гоголем сидели,
Много пили, мало ели.
И, смакуя дым глотками,
Всё чадили чубуками.
Поболтать бы, да о чём? –
Лучше – ноги калачом.
Вдруг ощерился поэт:
«Тридцать лет, а проку нет!
Недоступна мне пока
Глубь родного языка! –
По листу перо бежит,
Но – споткнётся, задрожит,
Что кораблик на волне...
Тайну чует в глубине!..»
У Великого Хохла
Бровь к пробору поползла.
Усмехнулся? – вроде – нет.
Два кивка – и весь ответ.
Поболтать бы, да о чём?
Гоголь, вроде, не при чём.

Публикация Людмилы Осокиной (Влодовой)

ПЕРЕКЛИЧКА ПОКОЛЕНИЙ

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Родители Кирилла Владимировича: отец – Владимир Ковальджи с женой Маргаритой (1930). С внуком Александром (1977).

К ПОРТРЕТУ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА, МОЕГО ОТЦА

Очерк

В 1986 году писатель и шахматист Михаил Хазин опубликовал в кишинёвском журнале «Кодры» рассказ «Болезнь Каспарова» с подзаголовком «Посвящается В.И. Ковальджи». В частности, он писал:

«В зелёном кишинёвском дворике на улице Кузнечной сухощавый, по-южному смуглый пожилой человек, – зовут его Владимир Иванович, – сидит за столиком под навесом из виноградной лозы, склонившись над шахматной доской. На доске – заключительная позиция двадцать второй партии матча на первенство мира... Он неторопливо переламывает сигарету пополам, вставляет половинку в чёрный мундштук, не спешит прикурить.

Владимир Иванович обычно зимой и летом носил чёрную, с жёлтым орнаментом тубетейку и с неутомимостью муравья сновал по городу. То в магазин, как исправный семейный снабженец, – постоять в очереди за молоком. То сдавать бутылки на приёмный пункт стеклопункта. В авоське Владимира Ивановича, которую он нёс на стеклопункт, среди бутылок из-под молока, минеральной воды «Варница», глядишь, попадались и бутылки с красивой красной наклейкой. Глотком каберне старик разгонял стынущую кровь. За стаканом вина любил посидеть с достойным человеком, порассуждать о жизни, попыхивая обломком сигареты в мундштуке. (Целых сигарет он давно не выкуривал).

Владимира Ивановича знали и ценили в редакциях кишинёвских газет. Как корреспондента-общественника его интересовало многое: и работа жилищной конторы с трудными подростками, и родственники художника Айвазовского, жившие в Бессарабии, и среди прочего – шахматы, любые соревнования... В свои восемьдесят с хвостиком лет Владимир Иванович играл ещё азартно, изобретательно. Но, конечно, понимал он шахматы лучше, чем играл в них.

По многолетним его наблюдениям, игра эта больше, чем обычные человеческие дела, не то, что выявляла, – до самого дна высвечивала характер играющего, вплоть до самых извилистых и глубинных закоулков. Сколько доводилось видеть Владимиру Ивановичу бравых молодцов (послушать такого – так он сорви-голова, да и только, редкостный смельчак, мыслитель), а за доской оказывается – тусклая посредственность, закусившая удила.

Из белых квадратов дней, погружаясь в тёмные клетки ночей, бойко переступал Владимир Иванович из года в год, оценивал свою жизнь – порой самому смешно – в шахматных терминах. Молодость виделась задорным дебютом, разыгранным на свой страх и риск, без должной подготовки. Откуда ему было взяться, этому раннему знанию? А какие глупые, нелепые ходы случалось делать! Просто немыслимо... Сколько раз приходилось по краю пропасти пробираться, когда ступня так и норовит соскользнуть по осыпающимся камням...

Предметом тайной гордости Владимира Ивановича было то, что и в игре, и в жизни он гораздо больше любил жертвовать, чем принимать жертвы. Когда же вынужден был принять данайский дар, старался вернуть его сторицей. Скромный бессарабский бухгалтер, корпевший годами над дебетом-кредитом, он за шахматной доской превращался в рыцаря без страха и упрека, неутомимого искателя красоты и приключений. Из будничного практицизма, скучного и тусклого, он вырывался, словно сделав рокировку в ослепительно яркий мир, сверкающий алмазными гранями».

Поэт Рудольф Ольшевский в «Независимой Молдове» от 14 марта 2000 года опубликовал к моему юбилею очерк «Слово о мастере слова», где, между прочим, было сказано:

«...Родители Кирилла. Отец – Владимир Ковальджи (болгарин по национальности и большой чудака) с женой Маргаритой, обрусевшей армянкой. Сейчас они покоятся рядом на кладбище с поэтическим названием «Дойна», под уже выросшим орешником, вдали от всех остальных родственников, которые «прописаны» на Армянском кладбище. Там целый угол горбится плитами под крестами, на которых по-русски и по-румынски написана фамилия Ковальджи. Это предки Кирилла. Один из них – дед Иван Константинович Ковальджи был мещанским старостой Кишинёва ещё в позапрошлом веке. Другой, брат моего деда

Юрий Константинович (отец Иоанн), построил на свои деньги приют для бедных и церквушку.

Но вернёмся в довоенные годы. В тогда уже румынский город Аккерман, где прошло детство будущего писателя. Потом о нём и о том времени будет написана целая книга, которая, как и Аккерман, ставший затем Белгород-Днестровским, будет переименована из «Лиманских историй» в «Свечу на сквозняке».

Жил молодой юрист Владимир Иванович Ковальджи небогато. Не так-то просто в маленьком городишке найти себе работу по специальности. Но вот заболел видный аккерманский адвокат, нотариус Каламанди. К отцу обратился с просьбой один из самых богатых людей города, чтобы он временно вёл его дела. Богач просидел в убогой конторке адвоката недолго, а спустя часа два после ухода, прислал служанку:

– Хозяин случайно не оставлял у вас на столике сто леев?

Тогда это были большие деньги.

Владимир Иванович моментально рассудил, что отказываться будет ошибкой. «Да, вот они!» Залез он в карман, хотя никаких денег клиент не оставлял. Вот такая маленькая хитрость чудака. И она сработала.

Через час богатый клиент нашёл в каком-то кармане эти злополучные сто леев. Конечно, об этом забавном случае узнал весь город, и к Владимиру Ивановичу повалили клиенты. Сверхчестность оказалась рентабельной.

Смешные люди эти чудаки!».

Да, была в нём особинка, это отмечали все, не только мои друзья.

Не то, чтобы «большой оригинал», но что-то отличало, выделяло его. Что-то помимо стандарта. Сверх, а, может быть, и вкось, вбок, не в рамках. Задатки у него были всевозможные, целый веер способностей, но не было ведущей. Или главное не проявилось. Не успело.

Родился не в своё время.

Он любил не правила, а исключения. С детства был уверен в чувстве необъяснимом, зовущем куда-то. Того и гляди вопреки всему случится чудо. Или что-то необыкновенное.

До самой старости в отце жила романтическая искорка, вера в свою удачу. Он был оптимистический фаталист. В молодости, а потом уже на пенсии, писал стихи и прозу. В промежутке – жизнь-то как раз «в промежутке»! – был служащим, охотником, рыболовом, картёжником, солдатом, заключённым, переводчиком, председателем товарищеского суда...

В огороде, которым он увлёкся на склоне лет, он вырастил невиданный трёхкилограммовый помидор, который даже показывали на выставке. А в одной шахматной задаче, опубликованной журналом «64», он обнаружил другое, непредусмотренное редакцией и более простое решение, за что был отмечен поздравительным письмом. Любил азарт, покупал лотерейные билеты, составлял длинные списки выигрышных номеров и никак не хотел верить мне, что все системы игры абсолютно

бесполезны (следующий тираж никак не мог зависеть от предыдущего!). Играл он безуспешно в общую лотерею, но однажды купил наугад три билета ДОСААФ и... выиграл автомобиль «Запорожец». Звонил мне ночью в Москву. Весь Кишинёв его поздравлял. Однако не стал брать машину (для последующей продажи, как ему советовали), а взял выигрыш деньгами. И... продолжал играть (я-то его отговаривал!), уверял «я обязательно ещё раз выиграю!». За несколько лет вернул государству все денежки ...

До последних лет отец увлекался бильярдом – ходил по выходным на озеро, где в крытом павильоне сражались мастера и любители, а болельщики следили за игрой, переживали. Отец вызывал у них недоуменные восклицания. Казалось – он просто не умеет играть: не прицеливается, держит кий чуть ли не вертикально, пристально смотрит на шары, потом вдруг быстро тыкает острием, как палкой, и... шар – шальной, что ли? – по зелёному сукну катится прямо в лузу!

А дело было в том, что отец после контузии на войне не мог долго целиться – рука начинала дрожать. Ему приходилось выбирать точку удара «вприглядку» и бить, не мешкая... Когда-то сильный игрок (учился у брата Кости, который считался лучшим бильярдистом юга России!), отец из-за травмы был вынужден изобрести свой необычный «стиль». Играть-то хотелось!

Но это были остатки азарта. До войны он пристрастился к игре в покер. Не раз проигрывал, потому что его частенько удавалось подпаивать. Помню, мы с мамой в Кагуле искали глубокой ночью, где он играет, заглядывали в окна (мама меня подсаживала). Вот в густом табачном дыму желтолицые покеристы, среди них отец, худой, невозмутимый, но с прищуренными глазами дуэлянта.

Как-то раз он заявился утром, в упор никого не видя, спросил с порога «Где мой портфель?», а портфель висел у него перед носом на стене. Он проиграл сто тысяч лей, к тому же казённых. Побежал на почту, послал «молнию» старшей сестре Зине в Бендеры (её муж был директором банка) и вовремя был спасён...

Однажды он побывал покойником. Случилось это за несколько лет до женитьбы. Он, работая помощником нотариуса, отправился в какое-то болгарское село на юге Бессарабии оформить некую сделку. Вышло так, что весь день он провёл в беготне и не успел даже перекусить. К вечеру его пригласили на свадьбу. Там отцу преподнесли стакан самодельной сивухи, он храбро выпил натошак и минуты через две понял, что дело плохо. Тихо улизнул и с великим усилием воли добрался до дома, в котором квартировал: командовал себе по дороге: «вот канава, подними, Володя, правую ногу, так, теперь переступи...»

Рухнул на постель в чём был и провалился в сон. Утром хозяйка постучала в дверь, чтобы пригласить его на завтрак. Никакого отклика. Ладно, решила, дала ему поспать до обеда, опять постучала. Поклацала дверной ручкой, побарабанила – никакого толку. Тогда решила войти,

глядь, а постоялец лежит пластом, не дышит. Закричала, позвала на помощь. Набежали соседи, ахали, охали – наконец, позвали фельдшера. Тот прибежал – пульса нет, приставил зеркальце к губам – не запотеваает. Надрезал ладони – кровь не идёт. Разул «покойника», приставил к ступням раскалённый кирпич – никакой реакции. Всё. Человека нет. Немедленно телеграфировали в Аккерман его начальству. И разошлись по домам в полном расстройстве.

А на следующее утро отец проснулся. Голова раскалывалась от дикой боли. Смотрит – ладони крест-накрест надрезаны. Попробовал встать на ноги и аж подпрыгнул – обожжённые ступни в пузырях. Что случилось? Ничего не помнил, не понимал. Подошёл к двери – заперто. Подёргал её посильней, выскочила хозяйка и как заорёт: «Вскочил мертвяк!». Побежала, спотыкаясь и падая, по селу, а в это время прибыл из города запылённый автомобиль с самим нотариусом. Родственники, убитые горем, были ещё в пути...

Скандал и радость! Когда, наконец, страсти успокоились, решили, ясное дело, отпраздновать «воскресение» из мёртвых. Отец слабо улыбался, пил только брагу и обильно закусывал.

В том, что всё так и было, я ни капельки не сомневаюсь. Такое странное состояние, похожее на летаргический сон, после сильной выпивки случалось с отцом и после – уже на моей памяти. Он во сне полностью замирал, даже остывал, и перепуганная мама по несколько раз в ночь вскакивала, проверяла зеркальцем – дышит ли...

Отец охотно рассказывал про себя всякие смешные истории, любил анекдоты. В компании легко становился всеобщим любимцем. Дамочки были без ума от его проделок и комплиментов, но он был не только талантливым затейником. Отец, когда ему перевалило за шестьдесят, вернулся к литературным занятиям и стал публиковаться. Много переводил из молдавской прозы – не без моей помощи. Он делал черновой перевод, я дорабатывал. Но утвердиться творчески – уже было поздно. Написал он немало в разных жанрах, но, пожалуй, самое ценное – это воспоминания. Они остались в рукописи...

Что помешало ему в своё время на чём-то сосредоточиться? Характера не хватило, веры в своё призвание? Может быть. Но очевидно другое: его время работало против него – он угодил в жернова двух мировых войн, двух стран, двух режимов. В шестнадцать лет в Кишинёве его застала революция, старший брат, Костя, сражаясь на стороне белых, погиб где-то в Крыму. А Володя, мой будущий отец, оказался в Румынии, поскольку Россия в 1918 году удалилась куда-то, а Бессарабия вместе с Кишинёвом была присоединена к румынскому королевству, благодаря чему этот край избежал гражданской войны, которая ещё три года бушевала за Днестром.

Что было делать Володе с его русским образованием? Без знания румынского языка все пути были закрыты. Пришлось срочно учить его, жить-то надо. Кстати, отец легко усваивал языки – французский,

болгарский, идиш, даже цыганский. Самые разные знания схватывал на лету. И так он за короткое время вполне овладел румынским языком и поступил на службу – он с его независимым характером спешил отделиться от семьи, быть самостоятельным.

По привычке он продолжал писать стихи и прозу по-русски, но между делом, для себя.

Незаметно шли годы, служба, женитьба (совсем недурные стихи написал он моей будущей маме!), но в самом зрелом, плодотворном возрасте – опять крутые переломы: ультиматум, Бессарабия включается в Советский Союз... Не успел как следует вникнуть в эту новую Россию – опять война, вторая мировая..

Мобилизация, стройотряд, Одесса, Крым, контузия, три года в Армении (а семья по ту сторону фронта). Повезло, вернулся домой, семья воссоединилась, но тут же не повезло – года через два в порту, где он работал главбухом, его подставили и в результате осудили на семь лет. Удалось освободиться раньше срока, но уже пошёл шестой десяток...

Вслед за мной отец с матерью перебрались в Кишинёв, последние годы до пенсии отец работал в скромной должности завхоза редакции газеты «Молодёжь Молдавии», но, выделяясь своим умом, оригинальностью, своими сочинениями и многочисленными переводами (и, не скрою, судьбой своего сына), он стал примечательной фигурой тогдашнего Кишинёва, героем рассказа писателя Михаила Хазина, очерка поэта Рудольфа Ольшевского.

Долго помнили его быструю, совсем не стариковскую походку, его янтарный мундштук и тубетейку (отец до войны был по-европейски франтоват, при усиках, шляпе и тросточке, однако после всего пережитого в нём с годами проступило что-то балканское, туземное)...

Судьба Бессарабии круто менялась в большой исторической игре, но я не помню политических разговоров с отцом. Охранял он меня от неё? Думаю, и себя тоже. Потому что искренне чурался политики, любил повторять «политика – грязное дело». Я полагал, что это – упрощение, но не спорил. Лишь однажды (я был ещё школьником) он обронил крамольную фразу: «Как расшифровывается СССР? Смерть Сталина Спасёт Россию»...

Отец любил подчёркивать свою личную независимость от церкви, государства, идеологии, общественных условностей (например, родственников только потому, что они родственники – не жаловал, потому, женившись, сразу увёз маму от её многочисленной родни сначала в Ташлык, потом в Кагул). Он никогда своими взглядами не бравировал, не дразнил гусей, но в любых обстоятельствах умудрялся быть самим собой. Мне нравилось его вольнодумство, слегка простодушное и романтическое. С каким удовольствием он напевал Вертинского:

...И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя.

Недаром он в своё время с юношеским вызовом сочинил стихотворение, которое начиналось так:

Любви мне не надо, любви не хочу я,
Хочу, чтобы ты, не любя,
Томилась рабой моего поцелуя, –
Мне надо тебя!

Кстати, отец рассказывал, что он познакомился с Вертинским, когда тот на несколько дней приезжал в Аккерман (тогда – Четатя Албэ). Дело было на пляже, Александр Николаевич, оставив большой палец левой руки, сыпал в ямочку у его основания белый порошок и нюхал – кокаин...

Мы с отцом были очень близки, могли совершенно открыто говорить о самых интимных вещах, он с годами стал моим лучшим другом, при этом наши отношения были лишены всякой сентиментальности. В детстве со мною он был строг, да и потом придерживался спартанских убеждений. Когда я надумал поступать в московский Литинститут, он твёрдо пообещал не оказывать мне никакой материальной поддержки: дескать, раз ты так решил, то изволь сам за себя отвечать. Я был вполне с ним солидарен и никогда ничего не просил. Порой приходилось туго, к третьему курсу я заработал нечто вроде цинги – дёсны стали кровоточить. Правда, мама ухитрилась, кроме посылок с фруктами, изредка подкидывать мне и деньги (втайне копила)...

Долгое время отец был для меня непререкаемым авторитетом, я частенько в разговорах и спорах с приятелями на него ссылался – дескать, папа говорит... Мой старший друг Даня Хрусталёв как-то осадил меня: «что ты всё – «папа говорит, папа»... Своего ума нету?». Я очень удивился. Должен сказать, ни тогда, ни после у меня с отцом не было никакого соперничества (разве что в шахматах, да и то без обид), хотя со временем роли поменялись, и «пальма первенства» незаметно перешла ко мне...

Отец был первым моим учителем поэтической грамоты. Заметив, что я увлёкся стихами, он объяснил мне, что такое ямб, хорей и прочие премудрости. Показал мне и свои стихи. Помню, однажды казус вышел. Отец похвастался, что в одиннадцать лет он написал отличное стихотворение. Восемь строк о природе. Стихи действительно были красивые, музыкальные – удивительные для детского возраста. Спустя год или два я, читая Майкова, наткнулся на эти стихи. Ахнул и смущённо показал их отцу. Он ещё больше смутился и надолго задумался. Искренне хотел понять, как это могло с ним случиться. Наконец, мы пришли к простому выводу, что он в детстве выучил эти стихи наизусть, не зная автора, и потом через сорок лет вспомнил их как свои.

В жизненном поведении я подражал отцу, считавшему особым достоинством умение владеть собой, невозмутимость перед опасностью, мужественную сдержанность в проявлениях эмоций. Подражал, но не

во всём. Например, я не заразился от него ни охотничьей страстью, ни рыболовством, ни азартными играми, ни даже гурманством. Отец всегда любил с вечера обсуждать с мамой завтрашнее меню, старался добывать и приготовить что-нибудь вкусенькое. Ел немного, но смакуя, с наслаждением обсуждая и оценивая приготовленные блюда. Он, в юности кичившийся своей свободой, был семьянином по призванию и, в сущности, однолюбом.

В жизни всякое бывало, отец умел сохранять хладнокровие и здравый рассудок, что мне особенно импонировало. Так-то оно так, но мне однажды здорово влетело за это. Я уже был на втором курсе Литинститута, когда к нам приехала из Польши Алиция Жуковская, красавица, чертовка, наделавшая немалого переполоху (она героиня любовного цикла стихотворений Сельвинского «Алиса», рассказа Солоухина «Встреча», я с неё писал Зосю в повести «Пять точек на карте» и о ней же – в «Моей мозаике»). Я тоже был влюблён и удостоился её благосклонного внимания. Однако я медлил и однажды похвастался отцовской теорией сдержанности чувств. Она напала на меня в прекрасной ярости:

«Кто тебя так испортил? Это немцы учили своих мальчиков: презирайте чувства, стыдитесь их. Если идёшь на фронт, и мать к тебе бросается, плача, будь мужчиной, отстрани её, и пусть ни один мускул на твоём лице не дрогнет. Будь выше чувств, так? Хочешь, я прочту тебе по-польски «Импровизацию» Мицкевича? Это огонь, пламя. Может, хоть что-то поймёшь ...»

Во время каникул, вернувшись домой, я впервые налетел на отца, верней, на его жизненную позицию. Вдохновлённый Алицией, я так распелся, словно сам уже был вольной птицей, орлом по крайней мере. Мы проговорили чуть ли не до утра. Я разбередил ему душу. Назавтра он, не выспавшийся, грустный, прочитал мне своё, только что написанное стихотворение:

Я очень чёрств, и самому
Мне на себя досадно иногда :

Отец не вмешивался в мою личную жизнь и осаживал маму, когда она пыталась это делать (сначала после моей женитьбы мы жили вместе). Отец, как и я, считал, что новая семья должна непременно отделиться, что я и осуществил при первой возможности. Его отношения с моей Ниной были очень тёплыми, доверительными, и судьба распорядилась так, что ей довелось быть рядом с ним в его последние часы.

Отцу было уже за восемьдесят, когда он тяжело заболел («у меня туберкулёз» – решил он, а был рак лёгких, как потом выяснилось. Курил и выпивал перед обедом стопочку водки до последних дней). Летним утром я, поддерживая его под локоть, провожал до машины, которая должна была отвезти его в больницу (отец отказался от носилок). Во дворе сосед спросил, в какую едем, отец вдруг поднял руку,

указывая в небо: «Мне туда пора!». Этот жест врезался мне в память: не в землю, а именно в небо! Невольный жест человека, который всю жизнь бравировал своим неверием.

Мой друг, молдавский писатель Василе Васиlake, похожий на цыгана, зачем-то сказал мне: «У нас говорят – лёгочники умирают, когда цветёт тыква».

Отец умер 8 июня 1984 года. После похорон, уже в поезде, я вдруг вспомнил и спросил соседа-молдаванина: «Когда цветёт тыква»? «В эти дни», – ответил тот...

Сначала я приехал из Москвы, устроил отца в республиканскую больницу, потом меня сменила Нина. Отец вёл себя тихо и мужественно, только перед самым концом вдруг сказал, как ему нас всех жалко (то ли жалко расставаться, то ли всем грозит мировая катастрофа), потом стал собираться в Москву. Нина его успокоила, уложила спать и отлучилась на несколько минут... Когда вернулась, к ней метнулась медсестра: «А он у вас умер»...

Нина погладила его, поцеловала в лоб, и тут ударил гром, разразилась над Кишинёвом внезапная летняя гроза. Небо трещало, ливень дико хлестал, ветер рвал занавески, сёстры с трудом закрывали окна.

Отец ничего не слышал, он был уже далеко...

Но лучше предоставлю слово Нине – её записи:

«Я была с ним две недели, но умер он без меня в те несколько мгновений, пока я бегала на первый этаж проверить, увёз ли Рудик Маргариту Николаевну домой. Я попросила санитаров не забирать деда, дать мне побыть с ним до утра. Я сидела на кровати, гладила его. В этот день была утром мощная буря с градом. Окно в палате огромное, от стены до стены. Казалось, мы висим с дедом где-то высоко перед лицом Вселенной. Стущались сумерки. Всё в воздухе было напряжено до предела. Мне казалось, что за стеклом скопилось несметное количество душ, херувимов, ангелов. Они сплошь прилипли к стеклу и смотрели на нас. Я чувствовала их давление на стекло, их сменное движение. Мне казалось, они пришли принять душу деда, встретить его. Я это чувствовала совершенно реально, впервые.

Санитары ужасны. Оставшись одна, я прилегла на ту же кровать. Заходила сестра, предлагала укол. Я отказалась».

Из стихотворений моего отца –

ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА КОВАЛЬДЖИ
(1901-1984)

Снова в дорогу, вперёд и вперёд!
Насиженных мест не люблю.
Цыган я бездомный, я вечный игрок,
Я воли хочу!
Что мне приготовит грядущая тьма,
Радость ли, горе, нужду?
Я смело в дорогу пускаюсь всегда –
Я знать не хочу!
Всегда одинокой, всегда беспокойный,
Без ласки, любви и друзей,
Мятущейся жизнью и волей запойной
Я выше людей!
Пусть в рваных одеждах, пусть вечно голодный,
Бродягой всю жизнь проведу,
Я всё же доволен своею свободой –
Я воли хочу!

1920

Любви мне не надо, любви не хочу я,
Хочу, чтобы ты, не любя,
Томилась рабой моего поцелуя –
Мне надо тебя.
Тебя, твою грудь, твои бледные плечи,
Твой странный русалочий рот...
Пусть медлят и жгут наши лживые речи –
Желанье не лжёт.
Пусть лаской невольной, пусть дрожью бесстрастной
Ответит холодность твоя,
Будь только доступной, будь только прекрасной,
Любить – буду я!
Моею невластно, моею несмело
Останешься ты холодна,
Но ты мне отдашь своё юное тело
До боли, до дна.

1924

Мягкий свет электрической люстры,
Где-то слышен рояль за стеной..
– Мальчик мой, мальчик мой шустрый,
Будьте весь вечер со мной.

Сядьте у ног и не смейтесь так звонко,
Я хочу в тишине обо всём позабыть
С неиспорченным милым ребёнком,
Я вас буду сегодня любить.

Мягкий свет разбросал так причудливо тени
Что вся комната стала чужой.
– Я склоню свою голову к вам на колени,
А вы гладьте мне волосы тихо рукой.

Тишина, мы молчим, наши грустные ласки,
На душе пробудилась печаль.
За стеной о какой-то неведомой сказке
Говорит, замирая, рояль.

1927

СТРАННЫЙ СОН

Бокал разбит, и, словно капли крови,
На скатерти пролитое вино;
А вы стоите, грозно хмуря брови,
И смотрите в разбитое окно.
Бокал разбит. И окна все разбиты,
Жалка моя лачуга и тесна.
И в жизни мы случайно кем-то позабыты –
Я у стола, а вы – вы у окна.
Бокал разбит. Их было два когда-то.
Вы первый бросили, разбивши им окно
В тот день, когда пришли, и было чувство смято
Насилием и грубо, и смешно.
А время шло. И вот пришли вы снова.
Бокал разбит. Я сам его разбил.
Вы мне пришли сказать, что любите другого,
Что я вам опостылел и не мил.

Поверьте мне – бокал разбит случайно,
Могу вино из губ бутылки пить.
Но знаю я, и для меня не тайна:
Меня вы будете по-прежнему любить!

1929

Я очень чёрств, и самому
Мне на себя досадно иногда:
Все чувства подчиняются уму,
А сердцу – никогда.

Я молод был, любил как будто мать,
Она мне много в жизни помогла,
А умерла – я не умел рыдать,
Не плакал – никогда.

Я девушку любил. Я жил с ней целый год,
Связал судьбу я с нею, но когда
Обидела меня, то я простить не мог
Обиды – никогда!

Я прожил жизнь. Могила ждёт меня.
Я сильных чувств не ведал никогда –
Ни радости, ни горя, но себя
Мне жалко – иногда.

1960

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

ОТЦУ

Не задетый тревогой предчувствий,
Не задумался я над стихом,
Что писал ты когда-то о чувствах,
О сомненьях, что в жизни найдём.

И теперь, никому здесь не нужный,
Я сквозь жизнь прохожу, семена.
Этот город чужой, равнодушный
Катит грохот свой мимо меня.

Я один среди ночи безвременной –
Чем, отец, помогу я тебе?
Чем помочь тебе в жути тюремной,
Чем помочь и себе?..
И теперь
Как понятна мне ночью осенней
Твоих слов настоящая грусть:
Много в жизни тяжёлых сомнений,
Много в жизни непонятых чувств...

Ночь 21 сент. 1947, Одесса

ОТЦУ

Милый мой!
Затерялся в тумане путь,
Стушевался в нахлынувшей тьме...
Ты подумал ли,
думал когда-нибудь
Новый год этот встретить в тюрьме?

31 декабря 1947

ХМЕЛЬ

Как заядлый пьяница
За бутылкой тянется,
Пьёт до петухов, –
Пью без равновесия
В кабаке поэзии
Алкоголь стихов.

Будет жизнь удачная,
Будет ли невзрачная,
Сяду ли на мель, –
Что со мною не станется,
Буду дуть, как пьяница,
Мой любимый хмель!

5 ноября 1947

И ещё один Владимир...

Владимир Кириллович КОВАЛЬДЖИ

Родился в Москве в 1965 году. С конца 80-х пел, а затем регентовал в храмах Иоанна Предтечи на Пресне и Троицы на Грязех. Автор многих сочинений и обработок церковных песнопений. С 1995 г. вёл передачи на радиостанции «София»; с 2001 г. – её директор. В настоящее время – научный куратор «Умного лагеря».

ПОЭТ И БОГ

Бредёт поэт вдоль улиц шумных,
с которых не сметают сор,
и в лица умных и безумных
вперяет свой орлиный взор.

Он ищет между ними Бога
или хотя бы божество,
он ищет долго, бродит много,
но не находит ничего.

Взлетает он тогда повыше,
чтоб человечество объять,
но и с небес покатою крыши
в нём Бога что-то не видеть.

Тогда он внутрь обращает
свой взор уставшего орла,
но только время зря теряет –
там пусто, мусор и зола.

Да где ж Ты, Господи? Не мог же
проделать я весь этот путь
напрасно? Отзовись мне, Боже!
Ответа нет, какая жуть...

А Бог на пухе тополином
под крылышком под воробьиным
прилѣг немного отдохнуть.

КЕНТАВР

Рыдающий кентавр
Сорвал венки и бросил,
Копытом топчет лавр
И всех богов поносит,

Несѣтся сквозь чащобу,
Кусты ломая с хрустом,
Торопится он, чтобы
Увидеться с Прокрустом

И лечь к нему на ложе
Среди кровавых тел.
Прокруст ему поможет –
Он мастер этих дел!

Пусть буду страшен видом, –
Я не раскаюсь в том:
Быть лучше инвалидом,
Но не полу-скотом.

А та, что украшала
Венком полу-коня
И звонко хохотала,
Узнает ли меня?

ПАРОДИЯ НА ВЕРТИНСКОГО

В моём серванте за стеклянной дверкой
Меж чайной парюю и табакеркой
Фарфоровый щенок на трёх ногах.

Я уронил его и горько плакал
Над мною искалеченной собакой.
Поньне моя совесть нечиста,

Поньше она ранит своим жалом:
Поаккуратней быть что мне мешало?
Фарфор так хрупок – разве я не знал?

И вот с тех пор, хотя я обижал,
И предавал, и делал больно многим,
Я плачу только о щенке трёхногом,
Которого в руках не удержал.

МАШЕ

Мы уже не считаем года,
Потому что текущие числа
Не имеют глубокого смысла,
Если есть, то что будет всегда.

А всегда пребывает одно, –
И оно не зависит от цифр;
У любви свой таинственный шифр,
Что хранить нам с тобою дано.

Мы состаримся, да, и умрем
В один день или, может быть, разный,
И за путь свой и грешный, и праздный
Мы предстанем Суду, но – вдвоем!

Взявшись за руки мы подойдем
Ко престолу Предвечного Света:
Ни за что не имея ответа,
Просто славу Ему воспоем.

Я не знаю, что будет тогда –
При конце миротворного круга...
Но я знаю – мы любим друг друга
И уже не считаем года.

Кириена Ивановна КУЗНЕЦОВА

(12.08.1927 - 01.05.2004)

Окончила Физфак МГУ (кафедра геофизики) написала целый ряд концептуальных работ, касающихся научных методов предсказания землетрясений. Другой стороной жизни Кириены Ивановны была любовь к литературе и в особенности к поэзии. Стихи о вызовах жизни, о любви – к людям, детям, любимым, о глубоких кризисах и приходящем за ними светлом, ясном и мужественном взгляде на мир она писала с молодых лет и до конца жизни.

ДОЧЕРИ

Кустик мой жестколистный,
Сноп взъерошенных листьев,
Тайный соков прохладных ток.
Рот и пальцы – в чернилах,
И в глазах темнокрылых
Затаённый прыжок.
Ненаглядный дружок

Мой двойник непохожий,
Мой товарищ дорожный,
Тень и совесть моя,
В стократ лучшая – я.

Тонких пальцев старанье,
Первой рифмы мерцанье,
Снегопад за окном.

От любимых игрушек,
От синичьих кормушек
В мир – как в дом.
В дом – с охапкой тетрадок,
С рыжих прядок
Кутерьмой надо лбом...
Свет высоких созвездий –
Да пребудет на нём!

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Глаза – в глаза,
Средь сотен тысяч глаз.
С грозой – гроза,
Который в жизни раз?

Сторонняя гроза, да и гроза едва ль.
Так... вечер шелестит, да светится
хрусталь,
Да за стенами где-то плещет даль.

Глаза – в глаза, и холод по спине.
Бежит гроза тенями на стене,
Не слышная, не бывшая, не ставшая
грозой.
Глаза – в глаза. И сердца стук
глухой.

За громом – ливень. Мокрый бег
листвы.
Где тень, где свет, где дождь, где я,
где ты?
...Набухшего песка под шагом скрип
тугой.
Глаза – в глаза. И радуга – дугой.

В ДОРОГЕ

Закат над путями. Ломаются спички
В гремящем вагоне пустой электрички.
В садах потерялись забитые дачи.
Твои неудачи, мои неудачи...
Заборы да рельсы. Да осень – в придачу.

Мелькают берёзы. Листом облетелым,
Огнём, промелькнувшим в стекле запотелом,
Проносится то, что забыть не успела.
А, впрочем, забыть – безнадежное дело.

Колеса считают платформы пустые,
Качаются лампы.... С тобой, молодые,
Мы снова в вагоне. Вечерние дачи,

Окно золотое сквозь листья маячит.
Кто нашу дорогу крестом обозначил?
Гадать бесполезно. А плакать – тем паче.

Струятся, коробясь, сырые откосы.
Поют свою вечную песню колёса.
Листою опавшей уходят вопросы.
Под током и ветром гудят передачи,
Мостами за лесом взлетают задачи,
Мелькают удачи, и вновь неудачи.
В дороге не плачут. Да я и не плачу.

Стучите, колёса! А как же иначе?

Екатерина КАЗИМИРОВА

Дочь Кузнецовой Кириены Ивановны

По образованию биофизик, окончила Биологический факультет МГУ им. Ломоносова. С детства, окружённая живущими наукой и искусством людьми, под влиянием мамы, писавшей стихи, начала сочинять стихи (например, в 5 лет: «Самое главное в мире – небо и сны; а кошки думают – рыба»). И писала всю жизнь. В студенческие годы посещала литературную студию «Луч» при МГУ (руководитель Игорь Волгин). Печаталась в журнале «Октябрь» (2002), в альманахе «Муза».

ВЕРБНОЕ

Стереозвуки, как стрекозы,
стекает время, стынет день.
На стыках ветреных и прозы
молчит судьба, собака, тень.

На ветках вербиных сиротство
под пальцем тёплых почек ритм,
простой платочек и несходство –
родство со всем и ни с одним.

Отметку прочитай неверно,
а неотвеченность превратно...
на рельсах через лес от сада
солярка, синь ... и света пятна.

И краски запахов весенних,
и мать-и-мачехи извечность
плеснули в сердце бесконечность
и всё, и большего не надо.

ПОВЕРЬ

Поверь в бессмертие души,
Как в перекаты ветра в поле,
Как в тишь в таинственной глуши (где бархат зелени в тиши
обступит светлый ключ),
Как в море.
Как в тихий саван ледяной, который смывается весной,
Как в промельк ласточки живой, над будками и проводами.
Как в профиль женщины родной, с тобой развёрстанной годами.
Как в профиль женщины – с тобой,
тобой отгаданной с годами.
Как в тёплый сон и молоко с щепоткой соды (в детство, к маме).
Как в ту весну, где всё легко, и тени с солнцем под ногами.
Как в ту молитву, что в тиши, в тебе неведомой глуши,
но за тебя произносила. Как в платье, что поизносилось,
но знает дух, и знает пядь, где плащ – нарнийский – можно взять.
Ты призван духом и огнём. И, несомненно, с каждым днем,
всё станет лучше;
всё – о Нём.

Петр КАЗИМИРОВ

Сын Екатерины Казимировой

Студент первого курса Биологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Сын поэта и биофизика Екатерины Казимировой, художника и биолога Алексея Лебедева. Рассказы начал писать в старших классах школы. Эта публикация – его литературный дебют. Любимые писатели – Терри Пратчетт, М.Булгаков, Д. Оруэлл, Роджер Желязны.

ЗВЕРЁК

Рассказ

На город надвигался понедельник, а вместе с ним и первые осенние дожди. Спешащие непонятно куда пешеходы, обгоняли спешащие к реке ручьи. Все стремились поскорей убраться с мокрых промозглых улиц. В самом центре этого пробуждающегося ото сна монстра, на каменном ограждении, отделяющем тротуар от проспекта, сидел небольшой зверёк. Его серебристая пушистая шёрстка излучала слегка видимое свечение, из-за чего он резко выделялся на фоне окружающего холода и сырости. Большие серовато-голубые глаза выражали смутение и непонимание туманных мотивов высших сил, зачем-то поместивших его на эти жёсткие, неудобные камни. Зверёк с интересом, но немного испуганно разглядывал серые лица странных существ, проходивших мимо него. Напрасно. Пустые взгляды даже на миг не останавливались на маленьком шерстяном комочке. Может, они его и вправду не видели, а может, просто не хотели замечать. Это свойственно людям – не замечать того, чего быть не должно. Они поистине достигли великого мастерства в этом искусстве. Такого, что уже сами не понимают, что ежедневно проделывают этот трюк. Так или иначе, никто не обращал на зверька внимания, но он упорно продолжал сидеть на одном месте, зная, что что-то должно произойти. Не может же он сидеть тут просто так.

И вот, из толпы вынырнуло ещё одно существо. Оно было меньше размерами, его лицо было таким же серым. Но глаза. Глаза были другими. Он видел. Зверёк это сразу понял. Существо подошло поближе. Посмотрело на зверька и открыло рот.

– Привет.

Молчание.

– Ты меня не понимаешь?

Зверёк понимал. Но не знал, что делать с этим пониманием.

– Хочешь пойти со мной? Тут мокро и холодно.

Зверёк немного подумал. Несомненно, в словах существа был резон.

Он нерешительно кивнул.

– Вот и хорошо. Пошли, покажу тебя маме. Ты ей понравишься.

Существо подняло зверька и засунуло под тёплую штуку, которая была на существе одета. Там было тепло и сухо. Зверьку понравилось.

Он сразу заснул.

Проснулся он от шума. Встрепенулся, высунул голову из-под тёплой штуки. Они были в помещении. Тут было тепло и не было дождя. Существо достало его, сняло тёплую штуку и снова взяло на руки.

– Не бойся. Тут ты будешь жить.

Зверёк не боялся. Он уже понял, что маленькое существо его друг. Он не может обидеть. Они прошли в другую комнату. Там сидели двое существ и о чём-то разговаривали. Друг зверька окликнул их. Они повернулись. Зверёк съёжился, вновь узрев пустые, невидящие глаза. Друг поднял его на вытянутых руках.

– Мама, можно мы его оставим?

Одно из больших существ с нежностью посмотрело на маленькое.

– Конечно можно, но ты будешь за ним ухаживать сам, хорошо?

Маленькое существо с радостными криками побежало в другое помещение, и только зверёк услышал, как большое существо повернулось ко второму и уже без всякой нежности сказало.

– Он опять придумывает себе невидимых друзей. Может, отведём его к психологу?

Зверёк не до конца понимал, о чём говорило большое существо, но ему всё равно стало грустно. Грустно не за себя, а за своего единственного друга, которого хотят лишить способности видеть. Сделать таким же серым. Слепым.

Тамара Ивановна ДЕНИСОВА (1936-2011)

После окончания Института пищевой промышленности работала начальником планового отдела. Ценила доброту в людях как главное человеческое качество и сама сохранила доброту и любовь к окружающему миру до конца жизни. Стихи Тамары Ивановны, мамы Ларисы Прилиповой, написаны в 1998 году.

ДЕРЕВНЯ ЖИТНИКОВО

В деревне, почти в глуши –
Здесь жили люди – богачи.
Богатые ни золотом, ни жемчугами,
А добрыми гончарными делами.
Кругом сирень росла и мальва
Дикая цвела, и липа вековая
Покой деревни стерегла.
Но изменились времена:
Гармошка больше не слышна.
Сирень ни в чём не виновата –
Почти совсем истреблена.
Лишь только липа вековая
Покой деревни стережёт,
Последний век свой доживая.

Тихо с работы домой я иду.
Ветку мимозы себе подарю.
Пусть видят соседи,
Знают друзья:
Счастливая я!
А если, кто скажет: «Одна».
Неправда – счастливая я.

Лариса ПРИЛИПОВА
Дочь Тамары Ивановны Денисовой

САД

Стихи в прозе

Воздух прохладен и свеж, удивительно прозрачен.
Пахнет весной. Первые лучи солнца осветили сад,
Скользнули по зелёным листочкам, по душистым
Веткам черемухи. Сад наполнился сказочным пением птиц.
По молоденькой травке важно ходят грачи.

Тёплая ночь! Изумительно пахнет душистый табак и фиалки.
На террасе горит свет. Пьют чай, слышны разговоры.
Пушистая кошка свернулась клубком и спит.

– Пора спать ложиться, на улице темно, – говорю внуку.
– Я хочу посмотреть на звёзды.
Выходим в сад. Прохладно, конец августа.
Боже, как прекрасно! Небо разрисовано созвездиями,
Впереди Млечный Путь. Сияет множество ярких звёзд,
И мы, два маленьких человечка, смотрим
На великолепие мира. Сад наполнен изумительным
Сиянием ночи. Спят цветы. Вокруг нас загадочные тени.
Слышно, как падают яблоки, где-то в траве зашуршал ёжик.

Евгения МЯЗДРИКОВА

МАШИНА ИЗ БУДУЩЕГО

История с продолжением

Леночке, сидящей за первой партой, было хорошо видно, как Анна Петровна достала из довольно большой коробки серо-зелёный ящик с щёлочками и кругленькими штучками, похожими на ручку настройки телевизора. И цифрочки – маленькие, но чёткие – тоже разглядела.

У доски уже стояла свободная парта, от розетки тянулся удлинитель. Анна Петровна подключила машину. Ящик загудел.

– Познакомьтесь, дети, с машиной. Сегодня к нам на урок пришло само будущее! Эта машина может лучше человека проверить, как вы знаете математику.

Третьеклассники притихли. Машина гудела.

Анна Петровна продолжила:

– Вы получите карточки с заданиями. Их всего пять. И вариантов ответов на каждое задание тоже пять. Вы должны решить все примеры и выбрать номер правильного ответа. Потом свою карточку надо будет вставить в эту прорезь и повернуть эти рукоятки таким образом, чтобы чёрточка оказалась напротив номера ответа. Всё ясно? Машина проверит и выставит вам оценку. Приступайте!

Примеры были не очень сложными, на прошлом уроке решали похожие, и Леночка уверенно внесла в табличку номера ответов.

– А вот и первый испытуемый! Подходи, Леночка, к машине, она проверит твои знания.

Карточка вошла в прорезь, щёлкнуло, загорелась лампочка, и Леночка повернула первый кружок.

Чёрточка встала на своё место. Щёлкнуло. Вторая чёрточка, третья, четвёртая...

Пятая должна была показать на последнюю, пятую же цифру. Леночка повернула кружочек. Чёрточка дошла до цифры «четыре», и... механизм заклинило. Девочка пыталась сдвинуть чёрточку, перехватила рукоятку другой рукой – вот-вот чёрточка встанет напротив правильного ответа... Раздался щелчок, мигнула лампа, на экранчике высветилось: «4».

– Ну вот, Леночка, машина поставила тебе четверку. Ты ошиблась в одном примере.

– Нет, Анна Петровна, я правильно решила...

– Не пытайся оправдываться! – оборвала Леночку учитель. – Машина не ошибается!

И твёрдой рукой поставила в журнале «четвёрку».

– Но посмотрите на моё решение, – Леночка чуть не плакала.

– Зачем? Машина уже всё проверила. Так кто следующий на проверку?

– Что, ошиблась, отличница? – подошёл к машине Вовка. Вставил карточку, приготовился вращать ручки. Гудение прекратилось. Лампочка погасла.

– Анна Петровна, а оно, того – не работает!

Анна Петровна засуетилась, подбежала к серому ящику, машина не включалась.

– Перегрелась, наверное, - объявила Анна Петровна.

– Что ж, приступим к решению следующей задачи.

Леночка взглянула на машину – последний тумблер так и застыл на цифре «4».

Галина МЯЗДРИКОВА

СТРАННЫЙ СОН АННЫ ПЕТРОВНЫ

Продолжение истории

После работы Анна Петровна решила забежать в магазин. Купила продукты к ужину, фрукты – к завтраку, калькулятор для работы.

Дома всё было в порядке: и дети хорошо поели, и муж помог посуду помыть, и свекровь весь вечер рассказывала весёлые истории. Только как-то невзначай поинтересовалась:

– Аннушка, тебе не нравятся мои рассказы? Или что-нибудь не так?

– Всё так, мама. Спасибо. Просто устала немного. Работа, дети...

– Да, понимаю, в школе учительствовать – это вам не шпалы укладывать!

И засмеялась.

Анна Петровна села проверять тетради. Когда все уже спали, легла и она. Долго не могла уснуть, не совсем понимая, почему.

– Ах, да... Леночка, Вовка... С машиной проверяющей неполадки. Надо починить.

Учительница рассмотрела новенький калькулятор, положила его на стол, вздохнула, и сон подкрался к ней.

Ночная реальность – иная. Она заставляет жить в другом мире, находя точки пересечения с происходящим в действительности.

Приснилось Анне Петровне, что оказалась она в тёмной узкой комнате. На столе – машина, та самая, которая детей проверяла да оценки выставляла за решённые примеры. Только во сне машина стала огромной и шумела громче десяти холодильников и пяти стиральных машин. А рядом калькулятор – маленький, синенький, беспомощный такой.

Так вот, калькулятор считает, показывает, что дважды два – четыре, а машина гудит, на табло высвечивается:

– Допущена ошибка.

Калькулятор считает:

– Трижды три – девять.

На табло:

– Допущена ошибка. Ваша оценка «2».

Тут калькулятор завертелся, обернулся Вовкой, и так ехидненько говорит:

– Машина таблицу умножения не выучила! Она теперь всем «двойки» ставить будет!

И Вовка стал прыгать на одной ноге, строить рожицы, потом подпрыгнул к машине и замахнулся на неё.

Тут Анна Петровна проснулась. Встала, налила воды в стакан, выпила. Светало. Пора на работу собираться.

Третьеклассники радостно встречали свою учительницу.

– Анна Петровна, а сегодня машина будет нас проверять?

– Ребята, машина будет вас проверять. Но не сегодня. Вчера она перегрелась, и её заклинило на цифре «4». С машинами такое бывает. Сегодня Леночка покажет, как она решила последний пример.

Леночка вышла к доске, решила пример, записала ответ.

Анна Петровна сказала:

– Пример решён верно. Вчера машина ошиблась. Я исправляю поставленную вчера оценку на «5».

Тут дети захлопали в ладоши, а Вовка громче всех закричал:

– Урррра!

ПРОГУЛКИ ПО ЕВРОПЕ

Светлана АРРО

Окончила Педагогический институт им. Герцена и преподавала литературу в школе. Аспирантура – по кафедре советской литературы. Член Ленинградского отделения Союза писателей. Критические статьи печатались в «толстых» журналах под псевдонимом «Светлана Покровская». Работала литконсультантом отдела поэзии журнала «Аврора», редактором издательства АН при Пушкинском Доме. Автор четырёх книг стихов и двух прозы. Книга «Печаль моя светла» о русско-немецких отношениях презентована на Франкфуртской книжной ярмарке (2015). Живёт во Франкфурте на Майне.

ПЕЩЕРНЫЙ ПУТЬ

За поручни железные держась,
Так, верно, шли к земле обетованной
За Моисеем эти толпы толп.
Шли, оступаясь и скользя по камню,
Ощупывая влажные ступени.
Шли старики, мужья детей держали,
Внимательно ступали жёны вслед.
Природа открывала свой чертог.
Внизу, в ущелье, изливались реки,
Темнели гроты, пробегали тени
По изваяньям несусветных Будд.
Мой юный проводник куда-то сгинул,
Гонимый любопытством ног и глаз.
Лишь всполохи неведомого света
Выхватывали сталактиты стен,
Соборов и невиданных мечетей,
Возникших до начала всех времён.
У поворотов вдруг в песочной форме
Дежурный возникал, что тот паромщик,
Не нарушая, впрочем, тишины.
И я брела со всеми в том строю,

Хотя свернуть желание томило
С тропы всеобщей. Что там впереди?
Что как котёл с кипящею смолой?
Но бдительность бы мне не помогла.
Путь предначертан.
Через час автобус.

Майорка

В ОКНЕ ВАГОНА

На широкоформатном экране –
Окне вагона ICE
Прносятся мимо
Вживлённые в раннеосеннюю зелень
Красные крыши крутые
Белых весёлых домов
В которые ты никогда не войдёшь
Маленькие коровы
Рыжие как огонь
Еле шевелятся на изумрудном лугу
Яблоки нависают
На остановке минутной
В Эрфурте над моим окном
Просятся в руки
Но их не сорвёшь
Умиротворённый пейзаж
Тешит глаз
Исцеляет беспокойную совесть
И снова с бешеной скоростью мчишься
Куда
Не хочу покидать этот мир
Только он покидает меня
И уносится вдаль
Как свеча колокольни на горизонте
Всё что не успел
Не постиг
Не изведал
Неутолённую жаждой томит
Но уже не узнаешь
Что там
За горизонтом

Дорога в Лейпциг

Под шатром двух базилик – двух пиний,
В лёгком кружеве балок и линий
Так изысканна архитектура,
Если зодчий – природа, натура,
Парадиз, закоулок Эдема,
О котором сам Данте поэму
Не закончив, забросил в песок:
С «Адом» проще, а тут голосок
Нужен трепетный, может быть, женский.
Не пророческий, не джентльменский,
Не внушать и не разоблачать –
Лишь душой говорить и звучать.
Часть Вторая, название «Рай».
Но кого ты тут ни выбирай,
Рай Лазоревый неопишум,
Он уклончив и ненарисум.
Нежен Юг. Красота беспредельна.
Ветки пиний, стоящих отдельно,
Составляют могучий шатёр,
Под которым укрыть, спасенье
Всем, кого сторожит наважденье.
Здесь берут сухостой на костёр.
Ветки держатся дружно и крепко,
Их семейная склейка и лепка
Детской радости чистый узор.

Лазурный берег, Франция

ДИКИЕ ГУСИ

Громадные диковинные птицы –
Нет, не летают, даже не вспорхнут –
Заставят замереть и поразиться
Созданиям, что обитают тут.

Заполонив гравийную дорожку,
Как после бурных заседаний холл,
Они доругиваются понемножку
И остывают не под протокол.

Размахивая рукавами крыльев,
Призывный клёкот вознесёт вожак,
Чтоб рядовые от него не скрыли,
Что затаился за кустом чужак.

Всё разъяснит волшебная старуха,
Что выйдет из авто, за руль держась.
Ту весть из детства я приму в два уха:
Привет от Нильса передал мне Ганс.

Ганс – то есть гусь. Не ждёт он катастрофы,
И без таможен и без всяких виз
По знаку вещей Сельмы Лагерлёфы
Летит в Лапландию, не глядя вниз.

А там, внизу, глобальные проблемы,
Обманы, свары, передел границ,
Но мальчишки, не упростив дилеммы,
Держась за шеи, гладят перья птиц.

Бад-Кёниг. Германия

Гигантские ивы из-под Черноморья
Распялили пять величавых стволов.
А сколько жилплощади, сколько подспорья
Для живности разной и сколько столов,

Никто не считал. Но арендную плату
Берут насекомые, гнусно жужжа.
И жалят, врываются с лапой мохнатой
И в ведро, и в струи косога дождя.

Откуда в неметчине крымские ивы?
Когда убежали? С каких рубежей?
Но так же раскинулись вольно-красивы
Отелем звериным на пять этажей.

Не ивы, а ильмы, поправит ботаник.
Они же бродяги, и всюду им дом.
Бегут от кнута и не нужен им пряник,
Но почва и влага, мир, но не содом.

Зверёе выживает. С чего им спиваться?
Берёзовый сок, мухомор, белена.
И белки мелькают, проносятся зайцы
И крутится шарик. И снова весна.

Висбаден

Снова дивная картина:
Гладь зеркального пруда.
Белый лебедь чешет спину
Грациозно, как всегда.

Отчего же так печалит,
Так тревожит птичий глаз?
Вот он к берегу причалит,
Клюнет он меня сейчас!

Почему так агрессивен
Чудной птицы жуткий шип?
Род людской ему противен
Или он крыло ушиб?

Он скучает без подруги
Или вечно одинок?
В лебедином белом круге
Чёрный коршун ждёт свой срок.

Лебединые долины,
Лебединые пруды –
Безмятежные картины
Притаившейся беды.

Это знал несчастный Людвиг,
Понял бедный Пётр Ильич.
После них не могут люди
Слышать лебединый клич

Без смятенья и тревоги,
Без предчувствия забот.
Уносите, люди, ноги!
Лебедь к берегу плывёт.

Бад Кёниг

Вдоль темневшей аллеи
Чёрных буков отряд.
Лишь дорога белеет,
Фонари не горят.

Чёрно-белую Польшей
Завершается путь.
Ехать некуда больше.
Про дорогу забудь.

Про скитанья исхода,
Про неясный расклад.
Девяностые годы
Возвратились назад.

Саквояжи, баулы
Пани прячут от глаз.
Да не бизнес-акулы,
Просто жизнь без прикрас.

Автобусом в Польшу

Шпиль колокольни или башни часовой
Парит над лесом петушиной головой
И облака висят над вечною Европой.
Отзванивает башня каждый час,
Как будто кто-то вспоминает нас,
Дитя икает без воды укропной.

Шумит ручей, как и века назад,
О том напоминая невпопад,
Что вечен он, а нам подходят сроки.
Но отчего, природе вопреки,
Мы так беснуемся, не учим у реки
И у ручья бессмертия уроки?

А впрочем, кто же хочет вечно жить.
Не осуждён ли миром Вечный Жид,
Скитавшийся без родины и счастья?
Но подарил бы кто-то пару лет,
Чтоб оплатить просроченный билет
В чистилище словесного участия.

Бад-Кёниг

ПО АВТОБАНУ А-5

Мы мчим автобаном на 160.
Леса в камуфляже осеннем летят,
Бросаются под ноги сворой собак –
Лихачит мой внук, и у нас полон бак.
Хоть нас обгоняют мужи и юнцы,
Тут возраст не важен, не все сорванцы.
Я сзади приткнулась, притихнув, гляжу,
Как мимо несутся стрелой по ножу
Кинжально опасному тигро-авто.
Отвыкла я, видимо.
Что-то не то.
Ноябрьское небо и серый туман
Легли одеялом на наш автобан.
Немецкий закон к нарушеньям суров.
Да будет к нам милостив русский Покров.
Мы едем в Вестфалию, к ближней родне,
А ели с обочины рвутся ко мне.
Боюсь за любимых, ночной автобан.
Теперь мчится дочка в опасный туман.

Германия

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла ВАЛЬКО

Член Российского Союза писателей. Автор книги мемуаров «Тридцать девять лет в почтовых ящиках» и путевых очерков «Америка моими глазами». Победитель конкурсов альманаха «Российский колокол», альманаха «Литературная республика», имеет Золотой диплом за творческую индивидуальность, медаль Московской литературной премии, орден им. С.А. Есенина.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ В ВЕНГРИИ

Впечатления

В моём билете на поезд в Венгрию из Чопа было указано время посадки: три часа ночи. Испытывая необъяснимое беспокойство по поводу отправления поезда, я обратилась к кассиру, которая сообщила, что у вагонов, выезжающих из Украины в Европу, в Чопе меняют колёса, поэтому поезд отправится лишь в пять часов сорок минут утра, а мне следует явиться для прохождения таможенного досмотра и паспортного контроля в пять часов.

Моему удивлению не было предела, я не понимала, почему нельзя было указать на билете реальное время посадки на поезд. Теперь мне надо было где-то провести ночь, и я устроилась в комнате отдыха в гостинице при вокзале. В 5.40 поезд не ушёл, и пассажиры ещё долго томились перед закрытыми воротами у входа на перрон. Моё плацкартное место оказалось в купейном вагоне, и до приезда в Будапешт мне удалось поспать часа три.

В Будапеште меня никто не встречал, хотя в Москве турагент заявила, что около вагона меня будет ждать человек с лого и плакатом турфирмы. Я растерянно огляделась и, продефилировав несколько раз по перрону туда и обратно и уже решив добираться до гостиницы самостоятельно, увидела пожилую женщину, которая с сильным акцентом спросила меня: «Валко?». Я ответила утвердительно. Ольга, так звали встречавшую нас женщину, сказала, что не может встречать каждого приехавшего у его вагона. «Естественно, нет, – подумала я, – но в Москве

каждому из нас могли бы сказать, что сбор приехавших, скажем, назначен у третьего вагона. Тогда мне не пришлось бы метаться по перрону. Не первый же раз встречают группу”.

На следующий день по прибытии в Будапешт у нас состоялись две экскурсии: автобусная по городу и “Вечерний Будапешт” по Дунаю на катере “Белоснежка”. Обе экскурсии проводила гид Эрика. За один день она сумела влюбить меня в этот замечательный город. Раньше я не интересовалась Венгрией. Знала только, что венгерский язык очень сложный и относится к угро-финской группе языков. Мне было также известно, что во Второй мировой войне Венгрия воевала на стороне гитлеровской коалиции, что венгров почему-то называют мадьярами, что Будапешт был сильно разрушен и сейчас восстановлен.

Оказавшись в столице Венгрии, я попала под обаяние этого красивого, современного города. За те несколько дней, которые мне довелось провести здесь, я видела только один или два старых, обшарпанных дома и не более двух высоток. Все остальные здания радовали своей архитектурой. Здесь не было многоэтажных монстров, закрывающих небо, окна которых смотрят друг другу в глаза. В городе легко дышится, в нём много зелени. В Будапеште мне было “неклаустрофобно”, поскольку высота домов не превышала шести этажей, а в посольском квартале и того меньше. Здесь расположены очаровательные особняки светлых тонов, с лепниной, окружённые пышными газонами. Я ходила по кварталам, примыкающим к гостинице “Бензур”, где мы жили, и меня не покидало чувство восхищения и умиления.

Будапешт расположен на берегах Дуная и ныне объединяет два ранее самостоятельных города: Буду и Пешт. Во время экскурсии по Пешту мы посетили площадь Героев, где установлена высокая стела и скульптуры великих людей Венгрии, в том числе первого короля Венгерского королевства Иштвана и руководителя национально-освободительной войны венгерского народа против Габсбургов Ференца Ракоци II.

На площади Героев в здании, построенном в неоклассическом стиле, находится Художественный музей, располагающий большой коллекцией картин величайших художников Европы. Рядом с площадью Героев огромное пространство занято парком Варошлигет, на территории которого расположены живописный пруд, купальни “Сечени” и замок Вайдахуняд. На высоком берегу Дуная, в Буде, на Крепостной горе находится Будайская крепость. Со смотровой площадки Рыбацкого бастиона открывается великолепный вид на Дунай и Пешт. Все достопримечательности Будапешта трудно перечислить, настолько он насыщен дворцами, соборами, монументами и другими памятниками.

Замечательна улица Андраши, широкая, прямая, обсаженная деревьями, с пешеходными дорожками, по которым катаются также велосипедисты. Вдоль улицы расположено много красивых зданий и скульптур. Мой живой интерес вызвал необычный транспорт: beerbike – пивной велосипед. Десять человек крутили педали, сидя лицом друг к другу и

перпендикулярно направлению движения. В передней части велосипеда была установлена пивная бочка с краном для разлива пива. Велосипедисты, разделенные стойкой бара, наливали пиво в кружки, на ходу пили его и испытывали при этом двойное удовольствие. На этой же улице находится и знаменитый оперный театр, строительством которого занимался комитет, созданный по инициативе Ференца Листа и Ференца Эркеля сразу после слияния Буды и Пешта в 1872 году.

Наш гид Эрика очень любит Венгрию и эту любовь сумела передать нам. У неё хороший русский язык, поэтому отсутствовал языковой барьер при восприятии того, о чём она нам рассказывала. Во время экскурсии Эрика обратила наше внимание на стоящие на набережной Дуная бронзовые ботинки – памятник евреям, убитым нацистами и сброшенным в воды Дуная. Всего в Венгрии было замучено шестьсот тысяч евреев. Меня поразило искренне позитивное отношение Эрики к евреям. Она, католичка, с большой теплотой говорила о том, что Иисус и мать Мария были евреями. Далеко не у всех православных есть такое понимание истоков христианства. Эрика проявила по отношению к нам такую душевную щедрость, что мне всё время хотелось обнять её, и чтобы сохранить о ней память, я с ней сфотографировалась.

Эрика рассказала, что венгры любят и почитают императрицу Елизавету, баварскую принцессу, жену монарха Франца Иосифа I из рода Габсбургов, которую они любовно называют Сисси. У неё был высокий рост – 172 сантиметра, и при этом она весила всего 50 килограммов. Эрика настолько живо описала красоту и изящество этой любимицы венгерского народа, что позже, находясь уже в Вене, я купила сувенир – чашку с её изображением. Теперь я ежедневно люблю её в пол-оборота направленной ко мне головкой с тяжёлой косой, мягкой улыбкой и тонкой талией.

Вечерняя прогулка на катере по Дунаю позволила нам увидеть красоту сверкающего ночными огнями Будапешта. Многочисленные мосты, соборы, здание Парламента – одного из символов Будапешта, – здания, исключительного по своей красоте и своеобразию, построенного в стиле эклектика, в котором прослеживаются элементы неоготики, барокко и ренессанса, – всё это произвело на меня неизгладимое впечатление и надолго останется в памяти.

На следующий день мы поехали в излучину Дуная через три города: Эстергом – центр католической религии в Венгрии, Вишеград – летнюю резиденцию Венгерских королей и Сентэндре – город художников с православным храмом, музеем венгерских вин и музеем марципана. В излучине Дунай резко, практически под углом 90 градусов меняет направление своего течения с южного на восточное. Вид с гор на Дунай поистине чудесный. В этой экскурсии нас сопровождала гид Ольга. Сначала мне было трудно следить за ходом её рассказа из-за сильного акцента и неправильного произношения многих русских слов, но её искреннее желание заинтересовать нас своим рассказом о событиях

венгерской истории и тёплое отношение к нам заставили меня забыть о недостатках её языка, и я прониклась к ней большой симпатией. Сидя в микроавтобусе рядом с водителем, она не смотрела на дорогу, как это обычно делают гиды, а постоянно поворачивалась лицом к туристам и с удовольствием отвечала на вопросы. И что немаловажно, она постоянно следила за тем, чтобы ни один турист не отстал от экскурсии.

Одной из целей нашей поездки в Сентэндре было посещение дегустационного зала, где в длинных подвалах старинного замка хранилось множество бутылок с винами различных марок. Дегустация началась с сухого белого виноградного вина под названием «Овечий хвост», которое оказалось очень вкусным. Процесс дегустации сопровождался рассказом менеджера: «Это вино непременно предлагается выпить молодожёнам. Если в день свадьбы они выпьют одну бутылку этого вина, то у них через девять месяцев родится мальчик. Если они выпьют две бутылки, то через девять месяцев у них родится двойня. Если же они выпьют три бутылки...» ...Я приготовилась услышать про тройню, но менеджер неожиданно завершил свой рассказ иначе: «то они просто заснут». Мы рассмеялись. Здесь же мы отведали знаменитое вино «Бычья кровь».

Посетили мы и музей марципана. Чего только не умеют делать венгры из марципана – фигурки людей и животных, изысканные фрукты, бытовые сцены, изящную мебель, портреты людей и ещё многое-многое другое. Обед в ресторане, расположенном над погребями, показался нам роскошным: вкусный суп из оленины и шампиньонов, отбивная курятина с картофелем, рисом, шампиньонами и кусочками помидора, блины с вареньем, газированная вода.

На обратном пути в Будапешт у нас была остановка, и я воспользовалась ею, чтобы подойти к Дунаю, благо здесь его берега не были закованы в гранит. Меня охватил восторг, и в душе зазвучала мелодия моего детства: «Вышла мадьярка на берег Дуная...». А мадьяры, как оказалось, – одно из венгерских племён.

Возле полуразрушенной старинной башни мы увидели используемый в качестве горшка отпиленный ствол дерева высотой примерно в полметра. Его сердцевина была заполнена землёй, в которой росла и прекрасно себя чувствовала цветущая герань с яркими красными соцветиями. Такого я ещё никогда не видела.

Эрика рассказала нам анекдот. Приезжает венгерский крестьянин в столицу и спрашивает, как найти площадь Гитлера. Венцы отвечают ему, что такой площади теперь нет, а есть площадь 7 ноября. Тогда крестьянин спрашивает, а где находится улица Марии Терезии. Ему отвечают: «И такой улицы теперь нет, а есть улица Сталина». В третий раз крестьянин спрашивает: «Как пройти на улицу Ракоци?». И вновь ему отвечают, что такой улицы нет, а есть улица Коминтерна. Пригорюнился крестьянин, услышав совсем новые названия некогда знакомых улиц и площадей. Вышел к Дунаю и сел на берегу. Подходит к нему

полицейский и спрашивает: «Ты что тут делаешь?». Крестьянин без запинки отвечает: «Да вот на Волгу смотрю».

В последний день моего пребывания в Будапеште мне пришлось поехать на метро. Перед входом в подземку на улице Андраши я опустила форинты в автомат, но билета он мне не выдал. К тому же оказалось, что при поездке в центр нужно входить в один подземный вестибюль, а при поездке в противоположном направлении – в другой, причём оба вестибюля между собой не связаны. Контролёры у автоматов при входе по-английски не понимали. Я едва сумела растолковать им, что хотела бы получить обратно свои деньги, поскольку мне нужно войти в другой вестибюль. Однако контролёры только руками развели: мол, съел автомат деньги, так и смиришься с этим и плати снова. Метро в Будапеште неглубокое. Все названия станций написаны и их объявляют по-венгерски. Я смогла доехать до нужной пересадочной станции только потому, что считала остановки. Дежурный по станции никак не мог понять, о чём я его спрашиваю. Мне пришлось даже продемонстрировать какой-то красный предмет, чтобы показать, что мне нужно попасть на красную линию.

В этот день я хотела попасть в самую большую в Венгрии и Европе синагогу, построенную в византийско-мавританском стиле, но оказалось, что там нет свободного посещения, а экскурсии проводятся на английском, испанском и французском языках, что меня совершенно не устраивало. Пришлось ограничиться фотографированием внешнего вида знаменитой синагоги.

Обедала я в ресторане «Паприка». Паприку, этот порошкообразный порошок из спелого слабожгучего красного стручкового перца, предлагают в ресторане без ограничений. Именно её гиды советовали нам привезти из Венгрии, и я, воспользовавшись их рекомендацией, по приезде в Москву сделала подарки своим подругам.

Вечером в ожидании автобуса на Восточный вокзал я сидела в фойе отеля. Здесь я познакомилась с Ириной, её мужем и дочерью, которые тоже ждали автобус. Ирина рассказала, что отдыхала самостоятельно, без турпутёвки и ежедневно принимала оздоровительные ванны в термальных купальнях Сечени. Будапешт недаром называют городом целебных ванн или бальнеологической столицей мира.

Когда с двухминутным опозданием приехала легковушка, чтобы отвезти нас на вокзал, то оказалось, что у водителя на руках выписан наряд только на трёх человек. Меня в его списке не было... Вот была бы потеха, если бы семья Ирины не уезжала в тот же день! Ведь от назначенной с водителем встречи автобуса до отправления поезда оставалось всего сорок минут!

Но это обстоятельство не повлияло на моё отношение к Будапешту. До свидания, прекрасный город!

И СМЕХ, И СЛЁЗЫ

Андрей КАЛЕЦКИЙ

Шуточные стихи, эпиграммы

Где Водкин наш Ликёр Пивбаныч? –
Уже седой, как лунь, чудак.
На грудь, наверно, принял на ночь
И не проспится всё никак.
А вдруг ещё не похмелился?
И вот с больною головой
За водкой в «Винный» устремился,
Решив, что нынче выходной.
А может быть, его автобус
В другую сторону увёз,
Тогда, взглянув на пёстрый глобус,
Ответить сложно на вопрос.

ВЫСОКОМЕРНОМУ

Что-то ума не замечаю,
А потому узнать не чаю,
Откуда спесь и самомненье,
Корона в дорогих камнях?
Своё тщеславие потешишь,
Однажды выскочишь из пешек
Чтоб стать ладьёй или ферзём,
Но будешь хоть ты кем потом,
Всё ж так и так ходить по клеткам,
Коль ты рождён марионеткой.
Пока же в самый раз корона
Тебе пошла бы из картона.

ЗАУМНОМУ ПОЭТУ

Чем непонятнее пиит,
Тем больше ныне знаменит.
Зато такой поэт не может,
Стихами души потревожить.

КОСНОЯЗЫЧНОМУ

Орангутанга явный клон,
Двух слов связать не может он.
Коль станешь слушать ты его:
«Ну, это, самое, того».
Тогда поймёшь довольно скоро,
Что потерял нить разговора.

УЧЁНОЙ-НЕУЧЁНОЙ

Учёной дама стала вдруг,
Как будто даже кандидат наук.
Раскроем труд её научный,
Как видим мы, товар нештучный:
Две части этого труда
Густая пена и вода.
Минuem третью, «Оглавление»
Да и закончим обсужденье.

ПОРТРЕТ ПЬЯНИЦЫ

Лицо не мальчика, а мужа
Едва вместилося в объектив.
На фотографии к тому же
Муж, накануне перепив,
С лицом помятым, хоть и гордым,
Весьма неряшливо одет –
Вот то, что смог отметить твёрдо
Я как фотограф и поэт.

СТАРИК-НУМИЗМАТ

Старик, потратив много лет,
Собрал коллекцию монет.
Теперь, закрывшись на засов
От конкурентов и воров,
Сидит, на собранное глядя.
И вот вопрос: Чего же ради
Век доживать свой взаперти?
Ведь так легко с ума сойти.
Ответ мне, впрочем, не найти.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

АЩЕЖУКОВКИ В ПРОЗЕ

Миниатюры, байки, наблюдения.

ПРО БОРЮ ЗАВГОРОДНЕГО ПЕРСОНАЛЬНО

Пролог о Боре Завгороднем

На самом первом «Чумацком шляхе» часа в три ночи я услышал в коридоре громогласный Борин рёв:

– Эй, ты... твою мать... Ты слышишь меня или нет... твою мать...

Рядом раздался ещё чей-то вполне спокойный голос:

– Да слышу, слышу... Чего тебе?

– Да пошёл ты... – отвечивал Борис Завгородний. – Я не с тобой разговариваю – я с Богом разговариваю!

И продолжил:

– Эй, ты... твою мать... Ты слышишь меня или не слышишь?..

Боря Завгородний как зеркало русской революции

Диалогия

Многим выдающимся людям знаком дар предвидения – Боря Завгородний не исключение. Оба случая имели место в посёлке Новомихайловский, Краснодарского края, на фестивале фантастики «Новокон». Пророческие заявления были совершены в состоянии, наступающем на следующий день после сильной пьянки, и именуемом по-научному «похмельным синдромом».

I

Перед обедом Боря смущённо произнёс длинную тираду:

– Мне сегодня утром ребята рассказали о том, что я вчера так напился, что вышел к морю и стал звать акул, чтобы они приплыли и пожрали всех коммунистов. Но я им не верю; неужели я стал таким злым – бедные животные...

Присутствующие тут же его спросили, кого он имеет в виду, говоря о «бедных животных».

– И тех, и других, – ни секунды не раздумывая, ответил Борис и пояснил, – потому что и тех, и других скоро нужно будет заносить в Красную книгу.

Перестройка еще только начиналась...

II

Проснувшись после пьянки Боря пошёл в туалет. По вполне понятной причине он захватил с собой газету. Ему попался «Комсомолец Кубани», в котором в те годы половину третьей полосы отдавали остро-сюжетным повестям про становление Советской власти на Кубани. Вероятнее всего эту газету уже кто-то брал с собой туда же, куда и Боря, потому что она была согнута так, что третья полоса была сверху, а заголовки были оторваны. Уверенный в том, что видит передовицу, Боря прочёл вслух:

– «...вооруженные отряды ворвались в город, заняли здание райкома, начали вешать коммунистов...»

Ошарашенный Борис выскочил с криком:

– Мужики, что вчера было?

Яблоня от яблочка

У Бори Завгороднего есть сын. Завгородний-младший, или просто Младший.

На «Чумацком шляхе-92» дело было так:

Я лежу в своей постели и пытаюсь спать. Вдруг в дверь номера, срываю крючок, заглядывает Младший. Вглядывается в темноту.

– Ну, – говорю ему я.

– Щербак нужен, – говорит он в ответ.

– Ну, – снова говорю я.

– Щербак нужен, – снова говорит он.

– Ну, я – Щербак, чего тебе нужно? – спрашиваю я.

– Нет, мне Щербак нужен, – отвечает он.

– Да, я – Щербак, чего надо-то? – начинаю выходить из себя я.

– Да нет же, мне Щербак нужен, – не унимается он.

– Да, пошёл ты... – срываюсь я. – Не видишь, что ли, нет тут никакого Щербака... Понял?

– Понял, – ответил Младший и удалился.

Эпилог о Боре Завгороднем

Так говорил Завгородний:

– В буддизме есть три основных понятия: астрал, ментал и... забыл...

ТРИ БАЙКИ ПРО ГЕННАДИЯ ПРАШКЕВИЧА

Геннадий Мартович Прашкевич известен своими байками. То есть историями из жизни, которые он мастер рассказывать. То есть историями реальными, на самом деле с кем-то и где-то происходившими...

Слушать его – одно удовольствие. Точнее – не одно. И не два, и даже не три. Каждый раз, когда слушаешь в его исполнении даже одну и ту же байку, получаешь отдельное удовольствие. Потому что одна и та же байка в его исполнении каждый раз звучит по-новому. И уже не знаешь, что там было на самом деле, с кем и когда. Да и сомневаешься уже, что всё это было на самом деле.

Вот и свидетелем первой истории о Геннадии Прашкевиче, из тех, что я хотел передать, сам я не был. Поэтому рассказываю так, как сам услышал от кого-то... От кого – уже не помню. Не исключено, что от самого Геннадия Мартовича. И передаю я её так, как мог бы рассказать её он сам. То есть что-то досочинив, а что-то приукрасив.

Дело было под Питером, в Разливе – где когда-то скрывался от царской охраны Владимир Ильич Ленин. А теперь там проходят конференции писателей, издателей и любителей фантастики под названием «Интерпресскон». Я думаю, что не сделаю большого открытия, если скажу, что и первые, и вторые, и третьи выпили не мало...

Случилось это утром, когда организму особенно плохо. Сам я этого не видел, знаю с чужих слов. В общем, за что купил, за то и продаю.

Новосибирский писатель Геннадий Прашкевич вышел из номера, чтобы спуститься вниз и позавтракать. Видит – по коридору попластунски ползёт известный любитель фантастики Боря Завгородний.

Геннадий Мартович деликатно спрашивает:

– Боря, что с тобой?

– Надо ползти... – подняв голову, говорит Боря.

– Тебе плохо?

– Нет, надо ползти...

– Может тебе похмелиться?

– Нет, надо ползти...

– Ну, раз надо, то надо, – говорит солидный писатель и опускается на пол рядом.

Ползут вдвоём.

Подползают к номеру, в котором жили харьковчане Дмитрий Громов и Олег Ладыженский, пишущие вместе под псевдонимом «Г.Л.Олди».

Боря, не вставая с пола, стучит кулаком в дверь. Открывает Олег – молча сверху вниз смотрит на Борю. Тот снизу-вверх смотрит на Олега, так же молча. Олег исчезает в номере и тут же возвращается с бутылкой водки. Затем он всё так же молча ставит её перед Борей и закрывает дверь. Ни единого слова не произносится...

Боря берёт бутылку, показывает её Геннадию Мартовичу и добавляет:

– Я же говорил, что надо ползти...

А вот эта история случилась не только на моих глазах, но даже при моём участии. И не просто случилась, она на моих глазах развивалась.

Дело было в Киеве. Как назывался конвент, я не помню. Помню только, что это был мой последний приезд в столицу Украины. Кстати, это был первый и последний приезд на Украину Роберта Шекли. Там он заболел и через полгода умер. Стало быть, это было в 2005 году.

Все мероприятия конвента, включая трёхразовый приём пищи, проходили в центре Киева в огромном торгово-развлекательном центре. Там мощно гроыхала какая-то масштабная компьютерная выставка, бедным родственником которой был этот самый конвент. А поселили гостей-фантастов в пригородном пансионате. Некоторым удавалось добираться самостоятельно, большинство же было вынуждено, едва разлепив глаза, спешить на автобус, который вёз на завтрак, на который были выданы талоны.

И вот в один из дней то ли на завтраке, то ли на обеде я оказался за одним столом с Геннадием Прашкевичем и с видным фэном из Санкт-Петербурга Владимиром Ларионовым. Мы сидели, ели, беседовали на отвлеченные темы. А мимо нас с подносом проходил замечательный поэт Аркадий Штыпель. Он в равной степени мастерски пишет стихи на русском и на украинском и кроме всего прочего известен своими переводами Пушкина: «Мороз та й сонце – дивна днина!» А на груди Аркадия Штыпеля, как и у всех у нас, участников конвента, висел бейджик. И написано на нём, естественно, было: «Аркадий Штыпель».

Геннадий Мартович, который в отличие от меня, Аркадия раньше не знал, обратил внимание на выразительную фамилию:

– Это ж надо, какая фамилия... – заметил он.

– Это ещё что, – сказал ему в ответ я. – Вот в дневниках Чехова есть запись: «Любой предмет годится еврею на фамилию».

Прашкевич невероятно оживился:

– Что правда? Андрюша, ты сам это читал? У Антона Павловича?

Тут я несколько смутился, но ответил честно:

– Нет. Не сам и не у Чехова. Это мне рассказал поэт Евгений Лесин. А он прочитал в записных книжках Венедикта Ерофеева, мол, в дневниках Чехова есть такая запись...

И Геннадий Мартович этой фразой вдохновился...

А на следующий день мы снова оказались в той же компании. Мы-таки опоздали на общий автобус, но нам на счастье подвернулся микроавтобус, который как раз ехал, куда нам надо. Едем, трясёмся, опять-таки беседуем на отвлечённые темы.

Геннадий Мартович и заводит речь:

– Представляешь, Андрюша, я прямо перед тем, как приехать в Киев, перечитывал дневники Антона Павловича Чехова... И представляешь себе, какую парадоксальную фразу я там обнаружил...

Я смеюсь:

– Неужели о том, что любой предмет годится еврею на фамилию?..

Володя Ларионов тоже смеётся. А Геннадий Мартович недоумевает:

– Откуда ты это знаешь? Я что, вчера тебе это уже рассказывал?..

Мы с Ларионовым смеёмся еще сильнее. Володя говорит сквозь смех: – Мартыч, эту твою байку вчера рассказывали все, кого только встречал... Все смеялись. Только Василий Головачев был абсолютно серьезен и не поверил. Говорит: «Не мог Чехов такого сказать!» А Прашкевич ему: «Как же не мог? Мне Щербак-Жуков это за обедом рассказывал!». «Вот! – говорит Головачев. – Щербак-Жуков – мог! А Чехов не мог!».

Теперь уже смеялись все вместе.

А Василий Головачев, кстати, оказался прав: нет такой фразы у Чехова – ни в дневниках, ни в письмах. Проверяли надёжные люди. Наверное, это Венедикт Ерофеев придумал и приписал Чехову. Или Евгений Лесин приписал Ерофееву... А Чехов – не мог!

И в завершение этого краткого рассказа – еще одна история, в которой Геннадий Прашкевич не был главным героем, но несомненно был самым ярким и блистательным.

Из Москвы в Санкт-Петербург на фестиваль «Интерпресскон» ехал «пьяный вагон». Для тех, кто не знает, поясню, что это такое. Все желающие заранее сдавали деньги Андрею Синицыну, и он через какого-то своего знакомого приобретал билеты всем в один вагон. В лучшие годы одного вагона не хватало, захватывали купе в соседнем...

Через Москву ехали и многие фантасты из других городов. Например, Борис Штерн из Киева, Александр Николаенко из Тирасполя... Теперь их нет с нами. Так вспомним их, как живых.

Пить они начали ещё во время поездки из Киева в Москву, продолжили в Москве. И когда в вагон загрузились трезвые и голодные до общения москвичи, они уже были изрядно изнурены этим самым общением. А пить, как на грех, начали в купе. Саша Николаенко ещё как-то всё это сносил, а Борис Штерн искал место, где бы прилечь. Все предлагали ему свои койки, но он долго шатался по вагону... Потом где-то затих.

И вот в какой-то момент приходит проводница из соседнего вагона и недовольно заявляет:

– Там, у меня в купе, ваш мужчина спит на чистом белье!

Она имела в виду тюки с бельём, которые были свалены в купе проводников. Но фантасты этого недопоняли. В коридор выглянул как всегда импозантный Геннадий Мартович и хорошо поставленным голосом задумчиво произнес:

– Мадам, человек спит на чистом белье... Это же прекрасно!

После чего из другого купе выскочил возбуждённый Дмитрий Байкалов и выпалил с вызовом:

– То есть это как? Вы хотите сказать, что он там спит на чистом белье, а мы здесь все – на грязном?

На подобном контрасте Геннадий Прашкевич выглядел особенно элегантно.

Таков он и есть. Таким его все мы знаем и любим.

ГОСПОДА И ДАМЫ

Есть в Питере ещё один замечательный любитель фантастики, зовут его Шура. Он известен как отчаянный балагур и пьяница.

Вот идёт он как-то по коридору гостиницы на одной из конференций писателей, издателей и любителей фантастики, с ним рядом идёт девушка. Навстречу им выбегает человек, имя которого история, к несчастью, не сохранила. Назовём его для удобства Имярек.

– Вы! – резко, с вызовом говорит Имярек Шура. – Вы вчера оскорбили мою даму!..

Вспору вызывать на дуэль! Да только нравы нынче не те...

Шура прошлый день помнит плохо. И совсем уж не помнит ни Имярека, ни его даму. Кого уж он там оскорбил и чем, не помнит тем более.

– Я? – простодушно переспрашивает Шура. – Твою даму?.. Оскорбил?... Ну, оскорби тогда мою, и будем квиты!

НАША СЛУЖБА И ОПАСНА, И ТРУДНА...

Эту историю рассказал мне прокурор...

Обычно, когда я её рассказываю, люди начинают смеяться уже в этом месте. Как будто прокурор не может рассказывать смешных историй или у сценариста не может быть знакомого прокурора...

Оперотряд выехал на место преступления. В студенческом общежитии групповое изнасилование. В комнату к двум девушкам ворвались два парня... Насиловали в презервативах.

Следователь спрашивает пострадавших:

– А куда они презервативы потом девали?

– В окно выбросили...

Следователь посылает оперативников под окно, чтобы те нашли «орудия преступления» для всяческих экспертиз. Оперативники уходят, а следователь продолжает допрос пострадавших. Выясняется, что ни особых примет, ни особых улик нет – вся надежда на оперативников.

Тут, кстати, и они возвращаются.

– Ну, что, нашли? – спрашивает следователь.

– Нашли, – отвечают оперативники и смеются. – Десятка два, не меньше... Под каждым окном...

А что поделаешь? – Студенческое общежитие!

ЁЖИК И КАКТУС

Довольно разные при жизни, мертвый кактус и мертвый ёжик очень похожи – остаются одни иголки... Значит, есть в мире вечные ценности!

ПОМНИ О МОРЕ

В 1991 году я был на курорте в Болгарии, в городе-побратиме Краснодар Бургасе.

Высотный, весьма фешенебельный, по нашим меркам, отель... Кругом ковры... Асфальтированная аллея от стеклянных дверей до самого моря... Пляж, песочек...

И вдоль моря длинный жестяной барак с надписью полуметровыми красными буквами на стене во всю длину: «Реанимационная».

Очень жизнерадостная такая надпись. Далеко видно.

В общем, *memento mori* – помни о смерти.

Утонешь – реанимируем.

Вот такая забота об отдыхающих. Сейчас этого уже, наверное, и нету...

КОРОТКАЯ СКАЗКА

Однажды телохранитель и душеприказчик поспорили, кто из них важнее.

Собственно, на этом сказку можно и заканчивать.

Потому что спору этому нет конца и быть не может в принципе.

ВЕСЁЛАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОДАРА

Одно из немногих ночных увеселительных заведений Краснодара называется «Орбита». Это помесь кабака и школьной дискотеки. Свет, звук и водка. В центре площадка для плясок, вокруг – столики.

Там постоянно работает кто-то из знакомых, а значит, при благоприятном стечении обстоятельств можно туда попасть на халяву, то есть, не заплатив за вход.

Больше года там работал Костя Бибииков. Стоял на входе, смотрел за порядком. К нему часто заходили многие представители краснодарской богемы. В их числе и я.

Иду как-то по улице Красной – навстречу Костя и журналист Миша Кибальник. Сели в кафе, взяли водки...

Костя говорит:

– Я ушёл из «Орбиты». Теперь работаю в церкви. Сторожем...

– Почему ушёл? – спрашиваю я.

– Да ну, надоело – все деньги, что зарабатываю, там же и пропиваю!

– Ну, теперь, следуя твоей логике, – заметил Миша, – ты должен все деньги тратить на свечки...

Я шёл по главной улице Краснодара в «Джем-клуб» на концерт хорошей местной группы. Вижу – в летнем кафе за столиком сидит Шевкет. Он меня тоже видит, с трудом встаёт со стула и хватается за плечо.

- Ничего не спрашивай, идём туда...
- В «Джем» что ли? - спрашиваю.
- Ага...

Идём вместе. Шевкет держится за моё плечо, но для поддержания нашего общего равновесия время от времени этого становится мало. Пошатнувшись, он хватается меня за талию – так устойчивее.

- Ничего, что я тебя обнимаю? – спрашивает.
- Да ладно, что уж делать... – снисходительно отвечаю ему.
- Главное, чтобы никто не подумал, что мы с тобой гомики, – размышляет вслух Шевкет, – главное – дойти до «Джема», там все наши – они поймут, что просто мы пьяные...

Мимо проезжает серый милицейский газик. Я его вовремя замечаю и подтягиваюсь.

- А вон менты, – обращаю внимание Шевкета. – Они что должны о нас подумать?
- Менты пусть уж лучше думают, что мы гомосексуалисты!

Есть в Краснодаре композитор Ник Лебедев. Он написал несколько песен на мои стихи. И даже записал в профессиональной студии с профессиональными певицами и певцами. И вот мы как-то обсуждали перспективы прорыва наших общих творений на широкие эстрады. Он рассказал мне:

– Звонил мне тут пару месяцев назад один армянин... Говорил с лёгким акцентом... Сказал, что он продюсер и раскручивает певицу. Сказал, что ему нужны песни. Я заинтересовался. Сказал ему, что, да, что я композитор, что у меня есть песни. Предложил ему встретиться лично, всё обсудить... Он обещал перезвонить.

- Ну, и как, – спрашиваю. – Перезвонил?
- Нет, – отвечает Николай, – Не перезвонил...

И лукаво добавил:

- Наверное, раскрутил её и без песен.

ДВА ТОСТА

Краснодар. Сидим с Костей Бибиковым в летнем кафе у филармонии. Пьём водку.

Я несу какую-то романтическую чепуху.

- Жизнь не сложилась...

– А чего бы ты хотел для счастья, – спрашивает Костя.
– Хотел бы любить и быть любимым, – отвечаю я высокопарно.
– Зачем, – уже не спрашивает, а утверждает он. – Это пусть они нас любят!

Костя кивает в сторону проходящих мимо девушек.

– Что, безответно?

– Пусть нас любят безответно!

– Пусть любят безответно, – согласился я.

За это и выпили.

И еще один тост.

Встречаю своего приятеля Андрея Зотова. Он говорит:

– Был сегодня во ВГИКе...

– Кого видел, – спрашиваю я, имея в виду общих знакомых.

– Михалкова видел, – отвечает Зотов.

– Ну и как Михалков? – спрашиваю.

– Михалков – как в телевизоре, – отвечает Зотов.

– Это тост какой-то получается: «Чтоб ты выглядел, как в телевизоре!» – говорю я.

За это и выпили.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

Поэт, прозаик, критик. Родился в Москве. Окончил отделение киносценаристов факультета сценарно-киноведческого факультета ВГИК, аспирантуру при кафедре киносценаристики. Участвовал в создании игровых и документальных фильмов. Работал фотографом, журналистом, литредактором, сценаристом рекламных роликов. В настоящее время – заместитель ответственного редактора отдела «Ex libris» «Независимой газеты». Автор книг: «Сказки о странной любви», «На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002)» (в соавторстве с Евгением Харитоновым), «Древний миф и современная фантастика, или Использование

мифологических структур в драматургии фантастического кино», «Дневник наблюдений за природой: стихотворения», «Нью-Энд-Бестиарий», «Виртуальный Пьеро». Автор и составитель сборника «5-я стена. 29 рассказов о жилище будущего».

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯД

Евгений ЛЕСИН

Родился в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов. После армейской службы работал химиком в котельной и инженером-технологом. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в газете «Книжное обозрение», в настоящее время – ответственный редактор литературного приложения к «Независимой газете» «НГ Ex libris». Член СП Москвы, Союза журналистов Москвы, Русского ПЕН-клуба, МГО СП России. Лауреат литературных премий. Автор многочисленных публикаций в периодике и семи книг.

У птиц опять волнение и свара,
Разборки и семейные дела.
Вы развели тюльпаны вдоль бульвара,
А тут повсюду вишня расцвела.
Усталым и разбитым инвалидом
Иду по зеленеющим лугам,
Где боги заправляют геноцидом,
А люди поклоняются богам.
А за окном лишь церкви да могилы.
И бьют колокола, и враг бежит.
Мигранты развалили Фермопилы.
Как просто быть солдатом, Леонид.
Иду и не играю автоматом.
С балкона лучше видится рассвет.
Когда ты восхищаешься закатом,
Закат не восхищается в ответ.

Живу я жизнью незаметной,
А всё равно иду в разгул.
Вчера вот с улицы Планетной
На Эльдорадовский свернул.
Закрякал голубь и зачмокал.
Видать, подачка первый сорт.
Мне больше нравится мой Сокол,
А не метро «Аэропорт».
Прослыл я тоже скандалистом.
Зато вокруг ещё Москва.
Четыре огаря на Чистом,
А раньше было только два.
Так может вырасти и стая.
Пиши, кроша сухой ломоть,
На окнах каждого трамвая:
«Благословляю вас. Господь».

Первым драпает капитан.
Венеролог несёт букет.
А у них династия Тан,
А у нас и Рюрика нет.
Даже Киевской нет Руси,
До Москвы 400 лет.
Выноси святых, голоси,
И хватайся за пистолет.
Ну, а если глядеть с Луны
На планету, тогда видна
Только нить Великой стены.
А планета у нас одна.
Всё чужое. Таков итог.
Выбираем последний раз.
То ли город Владивосток,
То ли город Владикавказ.
Выбирайте, а я пойду
На рассвет глядеть, на закат.
Всё равно я в нашем аду
Каждый круг люблю и квадрат.

Бестолковый лысый чёрт
Робко прячется в деталях,
Боги пишат на скрижалях:
«Ойкумена – высший сорт».
За окном гудят авто.
В их движенье нет кокетства,
Цель оправдывает средства,
Потому что цель – ничто.
А за МКАД движенья нет.
Футуристы любят ретро.
Всё тщета и ловля ветра,
Суета пустых сует.

Снимите грим, снимите маски,
А то лишитесь головы.
Какая прелесть – ваши сказки
Об устройении Москвы.
Не напрягаясь абсолютно,
Все объявления о том,
Что будет чисто и уютно,
Вы просто сняли. Суп с котом.
Алё, гараж! Какое жлобство?
Какой обман? Ау, вигвам.
Благодарим за неудобства
Здесь предоставленные нам.

Когда в империи живёшь,
Будь острожен и лоялен.
Не веселись, не будь печален.
И подтверди любую ложь.
И прокричи любую чушь,
Но будь внимателен. Возможен
Любой кульбит. Будь осторожен.
Сегодня свист, а завтра – туш.
За курсом Партии следи.
В уюте кухонь или спален
Будь осторожен и лоялен.

А что там будет впереди
Никто не знает. И не надо.
Сегодня жив – и то награда.

С КОРАБЛЯ НА ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ, ИЛИ БАЛ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Не пропаганда, а легенда,
Бред незапамятных времён.
Закрyto всё, везде аренда,
Троллейбус в центре запрещён.
Троллейбус, видимо, бензином
Столичный воздух отравлял.
Деревья – тоже. Блудным сыном
Гляжу на ваш победный бал.
А что же в Тушине? Тут проще.
Тут красно-белый стадион.
Тут губят реки, рубят рощи,
И строят чёрный Вавилон.
Снесли киоски, вид не новый,
Зато заманчивая даль:
Открыли «Дворик продуктовый»,
Где возвели «Кафе Халяль».
Стою, как голый, вместо бани
Попавший в модный магазин.
Галдят о чём-то россияне,
А русский только я один.

КОРМЛЕНИЕ УТОК НА БЕРЕГУ РЕКИ СХОДНИ

В телевизоре добрые вести:
Рублик снова подрос и окреп.
Кто-то выставил сумки в подъезде,
Ну а в них – запакованный хлеб.
Видно, свадьбу отметить решили,
А невеста, убив жениха,
Убежала с любовником в Чили
Продавать дорогие меха.
Не случилось разгула и пьянки,
Вот и вынесли свадебный стол.
Взял я хлеба четыре буханки
И на Сходню к оврагу побрёл.
Где-то плещется тёплое пиво,

Кто-то в спину стреляет врагу.
Утки, крякая нетерпеливо,
Ждут меня на моём берегу.
Крылья плещут, волнуются спины,
Утки так увлечённо галдят,
Что хватают меня за штанины
И обратно к реке не хотят.
Плохо – не было свадьбы и пьянки.
Утки злобно в ответ: «Хорошо!».
Я скормил им четыре буханки
И ещё за добавкой пошёл.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Евгений БУЗНИ

Родился в 1940 г в г. Симферополе. Окончил факультет романо-германской филологии Симферопольского государственного университета. Работал переводчиком в странах Африки, Азии и Европы. Член Союза писателей и Союза журналистов России, Академии Российской литературы. Автор более двадцати книг: романов, сборников стихов и рассказов, литературоведческих произведений и переводов. Лауреат литературных премий. Профессор Московского гуманитарно-экономического института, преподаёт английский язык. Живёт в Москве.

НЕ ТРОГАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК БЕЗ ПЕРЧАТОК, ЕСЛИ РУКИ ВАШИ НЕЧИСТЫ!

Статья

Кто только ни берётся за реформирование русского языка, чего только ни предлагают с ним сделать? И гнут через колено, и мнут, и корёжат, и рвут на части, и вставляют спицы в колёса его истории, чтоб остановить, разломать, испоганить, а он всё живёт, великий и могучий, и будет жить вечно, пока жив на земле хоть один настоящий русский человек.

Я бы не стал, может, как говорится, браться за перо в связи с выступлением Михаила Эпштейна по поводу русского языка в телевизионной программе «Культура» 14 октября 2013 года, если бы не отдельные восторженные отзывы на потуги американо-русского филолога изменить русский язык созданием нового словаря. Вот, например некоторые из высказываний:

«Оказывается, что свободное написание символов в инете или «коверкание» слов, которое так раздражает многие «глаза», не есть плохо: это есть словотворчество. А вот «латинизация» языка это путь к гибели русского языка».

«Очень зацепили меня две лекции Михаила Эпштейна на канале «культура». В итоге подписался на рассылку его «Дар слова».

«Раньше от корня «добр» и «зло» в употреблении было до двухсот слов на каждый корень. А сейчас около сорока. Есть слово «злодей», а «добродей»

умерло. Есть «злодейство», а «добродейство» тоже умерло... буду стараться регулярно читать «Дар слова» и внедрять в обиход новые слова».

О каких же новых словах идёт речь?

Но сначала несколько обычных слов о самом Эпштейне. Титулов у него немало. Российский философ, культуролог, литературовед, лингвист, эссеист, заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта, США), профессор русской литературы и теории культуры и руководитель Центра гуманитарных инноваций Даремского университета (Великобритания), член российского Пен-центра и Академии российской современной словесности. Окончил филологический факультет МГУ, автор многих статей и книг по вопросам литературы, языка, истории и теории советской идеологии и философии, Лауреат Премии Андрея Белого 1991 года, премии журнала «Звезда» (1999), премии русской эмиграции «Liberty» (2000).

По крайней мере, так он представлен в Интернете.

И что же предлагает россиянам в своих лекциях на телеканале и в течение более десятка лет внедряющий сетевой проект «Дар слова» этот профессор русской литературы американского университета?

Основная идея его заключается в том, что необходимо ради выживания русского языка позволить его коренным носителям освободиться от оков русской грамматики, которая будто бы не позволяет свободное словотворчество, ограничивая своими ненужными устаревшими правилами.

Но, во-первых, почему русский язык надо спасать? Я согласен, что это жизненно необходимо, но почему и от кого спасать? Тут мы явно расходимся с Эпштейном.

На мой взгляд, жителя России, пишущего на русском языке, хотя по специальности я являюсь преподавателем английского языка, русский язык сегодня в опасности по той причине, что ему стали уделять гораздо меньше внимания в наших учебных заведениях, грамотность школьников и студентов снизилась, чему способствует в немалой степени и падение речевой культуры дикторов радио и телевидения, которые в прежние годы были эталоном использования русского языка.

Русский язык в опасности от внедрения в нашу лексику большого числа иноязычных слов, преимущественно английских.

Угрожает русскому языку свободная публикация литературных произведений, многие авторы которых, пользуясь тем, что печатают произведения за свой счёт, позволяют употребление не только неграмотных в литературном отношении слов и словосочетаний, но и заведомо недопустимой ненормативной лексики.

Наш язык может сильно пострадать и от не до конца продуманных или придуманных с неблагоприятными целями нововведений в русскую грамматику типа устранения из применения буквы «ё» или изменения правил употребления иноязычных слов типа «кофе».

Наконец, русский язык вместо выживания может прийти к деградации, если его пользователи станут откликаться на увещевания некоторых, с позволения сказать, зарубежных лингвистов, свободно его коверкать, придумывая и внедряя в жизнь свои собственные варианты слов.

К счастью, такого никогда не случится, поскольку русский язык, как, впрочем, и все другие языки мира, формируется не по указаниям сверху. Он действительно живой наш язык, и ежедневно в нём появляются новые слова, но они рождаются по своим собственным законам, а не по чьим-то рекомендациям.

Например, Эпштейн предлагает в числе сотен изобретённых им слов (беру одно наугад) «люболь». Скажите это слово в разговоре кому-нибудь, и никто не поймёт, о чём речь, пока не услышите объяснение самого изобретателя:

«Это такая любовь, которая вбирает в себя боль, становится неотделимой от боли, а порой любит и лелеет саму эту боль. Боль зависимости от любимого, боль непонимания, невзаимности, несоединимости – всё это может переполнять любовь и делать её любовью.

Ты всё ещё любишь его? – Да какая уж тут любовь. Одна любовь осталась».

Это надуманное слово никогда не войдёт в словарный запас русского языка по той простой причине, что само состояние автором надумано. Любовь с болью в сердце бывает и довольно часто, когда понимаешь, что нельзя этого человека любить, а любишь вопреки здравому смыслу. Не случайно в народе говорят: «Любовь зла – полюбишь и козла». Не будешь ведь придумывать по этому поводу новое слово «козлюбовь», которое как раз отразит собой эту мысль?

Нет, русские новые слова образуются совершенно по другому принципу. Они хорошо известны в теории языка. Один из них – окказионализмы, когда, скажем, ребёнок говорит: «Смотри, дождь налужил». Нет такого слова в русском языке «налужил», но кто-то из родителей упомянул его в своей книге. Оно понятно, кто-то, возможно, употребит его в своей речи в порядке шутки, но в общий обиход это слово не войдёт. Оно произошло по аналогии с другим словом «напрудил», которое органично воспринял ребёнок.

Подобные слова часты в разговоре, но их никто специально не придумывает. Они рождаются по ассоциации. Когда человек говорит «На меня напал хохотунчик», это не требует объяснений. Каждому понятно сказанное, хотя такого слова в языке нет. Но когда по аналогии со словом «неуч» Эпштейн предлагает новое слово «нехоть», оно обязательно требует разъяснений, а потому нежизненно и употребляться не будет.

Да, писатели и поэты изобретают новые слова. Они называются в теории литературы индивидуально-стилистическими неологизмами. К примеру, Александр Блок в стихотворении «На островах» вводит новое слово:

*Вновь оснежённые колонны.
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюблённой.
И хруст песка и храп коня.*

Это же слово впоследствии употребила и Анна Ахматова:

*Вот поняла, что не надо слов,
оснежённые ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
на берегу реки.*

Красиво, хорошо, тем не менее, это слово остаётся авторским неологизмом и не вошло в русский лексикон.

Можно привести оригинальный пример со словом «Авоська». Оно появилось в книге детского писателя Николая Носова о Незнайке вместе с другим героем «Небоськой». Но в русском языке и раньше бытовали эти слова в пословицах и поговорках. В одной из них говорится «Держался Авоська за Небоську, да оба в яму упали». Однако широкую популярность с совершенно другим смыслом слово обрело благодаря знаменитому артисту Аркадию Райкину, который употребил слово «авоська» в одной из своих интермедий для названия плетёной хозяйственной сетки. В этом значении слово и пошло в народ и выходит из употребления только потому, что сами хозяйственные сетки заменены полиэтиленовыми пакетами.

Поэты-авангардисты много работали, создавая новые слова, которые так и остались авторскими неологизмами. Среди них были и знаменитые поэты, как Осип Мандельштам, который писал:

*И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотель.*

То есть упражнения с русским языком делались многими. История давно показала, что русский язык сам находит пути своего развития без чьих-то указаний. То, что ему не подходит, он отторгает. Но это совсем не означает, что мы должны равнодушно смотреть на то, как обращаются с нашим языком, как его пытаются изуродовать, даже пользуясь гуманным лозунгом «помочь выживанию языка».

М. Горький писал:

«Мне тоже приходится читать очень много писем рабселькоров, «начинающих» литераторов, учащейся молодёжи, и у меня именно такое впечатление: русская речь искажается, вульгаризируется, её чёткие формы пухнут, насыщаясь местными речениями...».

Мне думается, что сегодня нам надо уделять внимание именно тому, чтобы молодёжь училась красивому русскому языку, обогащая его естественными неологизмами, создаваемыми ради удобства общения, а не ради желания прославиться хотя бы тем, что придумал в словарь Эпштейна один-другой десяток новых слов. И при этом вклеить нецензурность, утверждая тем самым свою полную свободу в языке.

А на тему использования ненормативной лексики в русском языке вскоре после лекций Эпштейна на канале «Культура» другой телевизионный канал «НТВ» провёл 22 октября 2013 года передачу «Россия без мата?», явившуюся очередным вмешательством в развитие нашего национального достояния.

Здесь уже выступал не один человек, а целый конгломерат специалистов. Но передачу начали с извинения от имени НТВэшников за показ видеоролика такого содержания, что особо чувствительным телезрителям предложили закрыть уши, и затем пошла демонстрация того, как маленькие дети, чуть ли не с трёхлетнего возраста пересыпают свою речь ненормативной лексикой. Звуковой сигнал, забивающий чересчур эмоциональные слова, режущие слух, звучал почти непрерывно. Любопытна реакция сидевших в студии, которые слушали текст без купюр и забивания неприличных слов звуком. Казалось, что все слушали с любопытством. Только прославленный диктор программы «Время» советского телевидения Анна Шатилова, слух которой не привык к непристойностям, кажется, была поражена тем, что это можно было открыто показывать, и не знала, как себя держать. После короткой демонстрации сюжета ведущий передачи Антон Хреков обозначил вопросы для обсуждения собравшимся в студии людям: считающим, что мат – это позор нации, и тем, кто считает, что мат – это неотъемлемая норма сегодняшней жизни. А спросили присутствующих вот о чём:

- *Как решить проблему свободного употребления мата?*
- *Сажать на пятнадцать суток или на пару лет?*
- *Легализовать мат?*
- *Или отменить само понятие «мат»?*
- *Словом, обсудить тему «Россия без мата»*

Михаил Полицеймако, заслуженный артист России, обратил внимание на то, что нет законов, запрещающих применение мата в Интернете, а ролик, по его мнению, был снят специально для подростков, входящих в Интернет. Он считает, что от свободы слова осталась только свобода мата, поскольку депутаты Госдумы ничего не делают в этом отношении, и бороться с матом можно только кнутом.

Но когда Анна Шатилова рассказала о том, что в театре шёл спектакль, в котором речь артистов почти полностью состояла из ненормативной лексики, то тот же заслуженный артист Полицеймако ответил, что это театр, где шёл разрешённый спектакль по разрешённой пьесе. Правда, его комментарий остался никем не замеченным, а Шатилова продолжала рассказывать о том, как в советское время в школе широко обсуждалось и осуждалось поведение ученика, если он курил и ругался матом.

Я хорошо помню это время. У нас тоже не допускали матерные выражения. Более того, я помню, как, попав на действительную службу в армию, испытывал дискомфорт оттого, что мои товарищи по службе посмеивались надо мной, говоря, что я не мужчина, раз не ругаюсь и не

курю. И тогда я решил доказать им обратное. Однажды втайне от друзей купил пачку сигарет и потренировался затягиванию дыма. Потом, когда мы небольшой группой шли к месту дежурства, я в процессе разговора, что-то рассказывая, спокойно выругался матом, достал сигарету и закурил. Тут на меня обратили внимание, удивившись тому, что я курю. А я сказал, что не только могу курить, но и выругался, однако никто этого не заметил, добавив, что всё это делать очень даже легко и никакой мужественности при этом не требуется. А вот отказаться от ругани, научиться говорить нормальным языком и не курить – это значительно труднее, в этом-то и проявляется настоящий характер. Сказав это, я достал пачку сигарет, бросил на землю и растоптал, спросив, кто ещё может так сделать? Мой друг Артур ответил тогда: «А вы знаете, пацаны, Женька прав», и тоже бросил курить и ругаться.

Помню ещё, как сразу после школы пошёл работать на киностудию, где коллеги по работе киношники приносили мне свои извинения, если случайно выругаются матом в моём присутствии, так как знали, что я не терплю нецензурных выражений. Один из кинорежиссёров в сердцах выругался матом на съёмочной площадке, после чего приносил извинения на общем собрании, пообещав никогда больше этого не допускать. И надо сказать, что ненормативная лексика в те времена, хоть и была, но не висела в ушах постоянно, как это бывает в наши дни.

Я не стану описывать подробно возмущившую меня передачу по каналу НТВ, когда во всеуслышание в студии звучали матерные слова настолько явственно, что интеллигентная женщина Анна Шатилова собиралась даже покинуть передачу. Член совета директоров издательского дома «Коммерсант» Андрей Васильев в присутствии всех употребил слово, которое звукорежиссёру передачи пришлось забивать сигналом, но не счёл нужным извиниться. И это был не единственный эпизод в передаче. То есть участники обсуждения сочли возможным во время дискуссии использовать те самые выражения, против которых будто бы была направлена передача. Кинорежиссёр Юлий Гусман заявил, что употребление мата, как употребление вина, от которого некоторые не могут отказаться. Поясняя свою позицию, направленную против применения мата, он произнёс нецензурное слово для примера, забитое для телезрителей звуковым сигналом, и тоже не подумал извиниться, так как он говорил о слове, которое встречается иногда в литературе.

Дали даже слово рэперу Роману Жигану, который выступает со сцены с матерной лексикой. Он упомянул, что к нему приезжал с поздравлениями премьер-министр Путин, и затем прочитал стихи с матерными словами, за что был награждён аудиторией аплодисментами.

На весь экран показали строки, написанные Солженицыным, Пушкиным и Лермонтовым, в которых употреблены бранные нецензурные слова. Телевизионная студия взорвалась аплодисментами. Затем представили слово Алексею Плущеру-Сарно, автору большого словаря мата. Ну, уж он-то не мог обойтись не только без матерных слов, но и без

того, чтобы некоторые из них подробно не разбирать по буквам, рассказывая об истории и этимологии.

Олег Кассин, сотрудник министерства культуры, представленный как борец с матом, пытался объяснить, как он борется своими заявлениями в прокуратуру против мата в фильме Никиты Михалкова, а телестудийная аудитория требовала, чтобы он произнёс вслух те слова, против которых он выступал. Он не мог этого сделать в силу своей воспитанности, тогда Юлий Гусман обвинил выступающего во лжи, хотя речь шла всё-таки о том, что прокуратура возбудила уголовное дело по заявлениям Кассина.

И это называлось борьбой за чистоту русского языка. Во время дискуссии на НТВ очень хотелось напомнить спорщикам, говорящим, что всё преходяще, – и то, что нельзя сегодня, будет разрешено завтра, хотелось напомнить таким философам о том, что говорить принародно матом – это то же, что прилюдно на улице справлять нужду. Когда-то это тоже не запрещалось, когда не было туалетов. В некоторых странах туалеты на улицах открыты. Такова у них пока культура. Но у нас принято сегодня личные свои дела делать в закрытых помещениях. Так и в вопросе с матом. Его не принято произносить на публике, а потому даже голосовать, как это сделали на НТВ, употреблять ли мат в литературе, просто безнравственно, как безнравственно выглядела вся передача, посвящённая русскому мату. Она, конечно, была нужна, но в рамках приличия, которого не смогли соблюсти участники и организаторы.

В заключение мне бы хотелось сказать, что язык – это живой организм, который требует к себе отношения такого же, как к живому человеку. Если хотите делать с ним какую-то операцию, наденьте стерильные перчатки, чтобы не загрязнить, не испачкать, не повредить своими собственными бактериями безграмотности и отсутствием понимания, что хорошо, а что плохо для языка. Хирургия – дело всегда опасное.

В ЛАБИРИНТАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ИЗЫСКОВ

Елена АНАНЬЕВА

Литератор, журналист, искусствовед, культуртрегер. Автор десяти книг поэзии, прозы, публицистики. Участник более двадцати антологий, в том числе на немецком языке. Принимает участие в литературной жизни России и Украины. Золотой лауреат литературной премии «Золотое Перо Руси», 2015. Дипломант Международного конкурса «Его Величество, книга!» в Германии за книгу «Квадрат древних – всегда квадрат», 2016. Гран-При Литературной Премии имени О.Бешенковской по итогам 2015-2016. Проживает в Германии.

НАХОДКИ

Ты называл меня своей находкой,
тебя звала я утренним лучом,
издалека пришла, в волненье ветра,
как молодость, не смытая дождём.

Мы строили свой дом в любви законах,
картинами, природой украшая,
звенели трели, помолодев, расправив плечи снова,
убрав с души топленным молоком печали.

И замерли на стенах лики броско,
лучи прошли насквозь, сквозь бусы слёз,
на дальнюю и добрую дорогу,
от памяти – иконостасы грёз.

Отбросив тени, контрамарки страсти,
очистимся для входа в святилище души,
где крест стоит, напоминая славно
о вере, о надежде на пути,

идём друг к другу, руки простирая,
морские створы впереди. Ведёт простор.
На понимание благословляет
вместилище, обитель, чувств задор...

Кружатся в вихре вальса
стихи моей обители:
строители, воители,
горячие в испарине,
на ось земли нанизаны,
как знамя чистоты.
Куда без него двигаться,
что может быть без истины,
где поиск мест под солнцем,
где поиск доброты.
Пройти все испытания
меж створами старания,
заряд поймать небесный –
посланий душ в тиши.
И с ними на прощание
махнуть цветком желанья –
так строки распускаются
весною в ритм земли.
Дыхание замедлить,
хотя нельзя всем медлить,
спасать сегодня души,
спасать себя для всех...
И вместе вальсом кружим,
не нужно нам оружие,
давайте без оглядки
полюбим мир земной,
всё детям сохраним.

Грациозная лань – южной ночи весталка, ундина.
Сверху видны углы, тени снов и привычки в дому,
это – поиск и миг, в изголовье стоит наш воитель,
это – поиск желаний, больших испытаний к тому.
Только ночь каждый день не одна к нам на землю приходит,
в чёткой смене нарядов, из ласк, единенья судеб,
и весталкой на юг отправляется с птицами память,
чтоб потом оживить сна прекрасный обет и уют.
И чудесница ночь будет править тобою в пространстве,
и отдаст жар любви, жар от сердца из чутких стихов,
Роксоланой уйдёт в твоё буйное, дикое ханство,
где ночных миражей отражается вечный поклон.

С Ю-МОРОМ

Как делить поэтов:
на первый-второй в сонетах,
на третий-четвертый...
Есть важный, а есть и совсем
Неважный.
И рифма его, де, страдает,
метафоры не собирает,
а из обломков корыта
дельтаплан не летает.
Поэтов стройные строфы...
Слагаете, как Бетховен,
только без такта и ритма,
не слыша свою сюиту.
И самозванно-забвенно,
порой превышая: может быть, вопрошая?
Кто первый?
А кто-то плетётся, мечтая,
собой Млечный путь окрыляя.

А прабабушка моя, Василиса,
А прабабушка моя, Василиса,
Ей ума не занимать, перформанс в лицах.
Вижу, вижу вдали образ тонкий,
Православием горда, иконописность.

В платье классном стоит у скамейки,
Высекли её из огромных камней,
Нарисованы полоски на платье
Золотом, как дождём на лужайке.
Византийка будто вазы расписала,
Шубы, шляпы из сундука надевала,
Расписные сорочки, платочки,
Эх, какие были тёмные ночки.

Врачевала людей – арт-терапия!
И детей принимала, как стихия,
Ворвалась к нам памятью тоже...
На неё, я, наверное, похожа.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Арон ГААЛ

ЧАШКА ЧАЯ

Чашку чая Вам надо выпить сейчас...
Помечтайте, пока Вас окутывает облако пара,
Вдохните все ароматы Востока
И не думайте, не придумывайте будущее.
Вне времени через апельсиновые аллеи
Бегите, бегите босиком вперёд.
Неважно, куда ведёт Вас дорога,
Надо просто там БЫТЬ.
Авторский перевод с венгерского

Эльмара ФАУСТОВА

* * *

Светлый посох луча –
Проводник по мерцающей ночи.
Путь далёк по беспутью,
И ветер упрямо хлопочет.
Всё пытаюсь прозреть:
Есть ли цель в продолженье хождения?
По загадкам судьбы
Мы свершаем своё восхождение.

Марина АНДРИЕВСКАЯ

ПОЭТ

На небосводе звёзд ночных,
Как в чёрно-белое одетом,
Блестящих столько звёзд, – любых!
Но лишь одна – мечта поэта.
Заворожён её мерцаньем,
На свет он, как слепой, пойдёт.
Своё служенье и страданье
Любовью вечной назовёт.

Лора ВЕСЕЛОВА

ЧТО ЕСТЬ ПАТРИОТИЗМ

Что есть патриотизм? Ответ, любезный друг.
Ведь это чувство Родины, что возникает вдруг,
Когда читаем мы великий наш роман
«Войну и мир» Толстого. В нём – отраженье драм.

В нём сущность бытия и мудрости урок.
В нём Родина моя. Красивый русский слог.
Читаем всей страной – объединяем дух!
Родится смысл большой у сказанного вслух.

Россия – велика! Читая, сознаём,
Россия – на века! В ней наш родимый дом.
Что есть патриотизм? Любовь и героизм?
– Рассказывает нам
Великий наш роман!

Ольга АДРОВА

ЛЮБОВЬ

Моя несчастная любовь
Мне приносила только горе,
Но в неизведанное море
Душа входила вновь и вновь.
Она дрожала, но жила.
Она от волн оборонялась.
И, как русалка, улыбалась,
Когда до смерти доплыла.

Андрей КАЛЕЦКИЙ

Ты, может быть, меня простишь,
Когда в душе наступит тишь,
Когда другому, не любя,
Отдав лишь толику себя,
Ты неожиданно поймёшь,
Моя любовь – не блажь, не ложь.

Екатерина КАЮРОВА

Весенний дождь косою кистью
смыл посеревший холст зимы,
Разбрызгал зелень почек, листьев,
лёг изумрудом на холмы.
Вздохнул свежо, тепло и чисто
под ветра свежего шумы.
Ждём за дождём весны лучистой,
и обновлённой синевы!

Ольга КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

Запрокинутый взор к небесам:
я - река, я - вода голубая..
Кто же ты? Догадаешься сам? –
Небосвод мой от края до края.
То ли я разлилась в вышине,
то ли ты отразился на глади, -
всё равно... мы на тонкой струне
притяженья вселенского ладим.

Ольга РЕЙМОВА

Прошли года, настали дни такие,
Когда не думаешь, что впереди,
Но вспоминаешь годы золотые..
Увы, они остались позади.

Елена КАТРИЧ

ВЗЛЁТНАЯ ТРОПА

Как порой даются перемены?
Мраком ночи выстраданный день,
Из ущелий бед наверх ступени
Выведут – по книге перемен.
И – разбег, и вновь рывок на волю,
К свету звёзд и лунного серпа.
Углями, горячими от боли,
Вымощена взлётная тропа.

Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ

Поэты есть, что жгут глаголом,
а есть поэты - горodyт
громады фраз
словесным ломом
и горы сборников плодят.

Александр СТУДНИЦЫН

РАЗМЫТАЯ КАРТИНА

Недоработанный пейзаж раскрылся
В прикосновениях вечернего дождя:
У новостроек появились крылья,
У стен – прохожие, но кто был рад гостям,
Тот сам всю жизнь был трещиной в асфальте
И, поднимая тень, ведёт к себе не тьму,
А сотню лиц, что и в дождливом вальсе
В своём сочувствии незримы никому.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Владимир НОВИКОВ

Литератор, культуролог, кандидат филологических наук, член СП России, Учёный секретарь секции истории Дома учёных РАН. Участвует в работе Общества изучения русской усадьбы, Пушкинской комиссии, Лермонтовского общества и других. Автор около двух десятков книг, из них главными считает: «Остафьево. Литературные судьбы девятнадцатого века». М., 1991; «Масонство и русская культура». М., 1998; «Под сенью Русского Парнаса». М., 2009; «Алексей Константинович Толстой». (ЖЗЛ). М., 2011; ««Из пламя и света рождённое слово». Пушкин и Отечественная война 1812 года». М., 2012;

«Изгнанник Рая». М., 2015. Опубликовано более двух сотен статей по проблемам русской и зарубежной культуры. Участник Парижской и Франкфуртской книжных выставок (2015 – 2016).

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ИНОСТРАНЦЕВ С РОССИЕЙ

Очерк

Первые контакты Руси и Европы принято относить ко времени Ярослава Мудрого. Это известные матримониальные союзы киевского князя и западных монархов. Однако здесь имеются всего лишь краткие летописные свидетельства. Раскол церковей, наступившая смутная эпоха княжеских междоусобиц, монгольское нашествие обрубили хрупкие связующие нити. Русь в глазах Западной Европы стала громадной terra incognita.

В середине XV века под ударами мусульман пала Византия. Западная Европа обрела на своих южных границах громадную Османскую империю. Одновременно на востоке, как из небытия, возникло другое обширное государство, получившее название Московии и уже тогда территориально превосходившее все вместе взятые европейские королевства и княжества. Европейцы резко отделяли прежнюю Киевскую Русь от нынешней Московии. Для них это было нечто совершенно новое, к чему следует подходить с осторожностью, наладить контакты, познать.

Именно такую задачу поставили Габсбурги перед своим послом ко двору Василия III Сигизмундом Герберштейном. Опытный дипломат, в первую очередь, он должен был привести доказательства, что Московия в самом деле является христианской страной и даже больше – крайним оплотом христианства на границах христианского мира. Вот его вывод: «Среди земель, просвещённых таинством святого крещения, эта страна немало отличается от нас своими обычаями, учреждениями, религией и воинскими уставами»¹. Герберштейн даже утверждает (в согласии с русскими летописями), что крестителями Руси были не столько княжившие Ольга и Владимир, сколько апостол Андрей Первозванный, добравшийся в своих миссионерских странствованиях до Новгорода.

В свою очередь, москвиты, если и признавали европейцев христианами, то только еретиками. Вообще русские люди любили ездить, но в средние века их «хождения» ограничивались исключительно святыми местами средиземноморья; но католическую папскую Италию они намеренно избегали. Оттуда выписывались товары и приглашались мастера, но только для того, чтобы выполнять заказы исключительно в русском духе. Как на учителей на них никто не смотрел. Брестская уния 1596 года окончательно перекрыла пути православных русских в Европу.

Герберштейн показал себя умным, внимательным и благожелательным наблюдателем. Все эти качества в полной мере сказались в его «Записках о Московии». Но необходимо сразу же отметить, что, рисуя яркие бытовые картины, приводя массу чисто этнографических сведений, он всё же, оставаясь европейцем, подлинного характера народа и страны не постиг. Его причудливость казалась непонятной. Например, Герберштейн одним из первых озвучил в качестве неопровержимой истины утверждение: «Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»². Для доказательства ему было достаточно того, что в своих челобитных Великому князю любой русский (всё равно – боярин, городской обыватель, крестьянин) именовал себя его холопом. Более веского он ничего не приводит, но почти дословно мысли Герберштейна с тех пор красной нитью проходят через большинство европейских сочинений о России. Вообще подобная «преемственность» – характерная черта западной россики; она проявляется вплоть до позднейших времён.

Относительно самого названия русского государства Герберштейн пишет: «Москвиты... уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея», а имя это указывает на разбросанность и рассеянность её народа, ведь «Россея» на русском языке и значит «разбросанность»

¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 55

² То же, с. 112.

или «рассеяние»³. Действительно, Киевская Русь утратила весомые части своей территории, отошедшие к Литве, Польше и Швеции. Иван IV, провозгласив себя царём, фактически поставил себя на один уровень с императором Священной Римской империи и как бы потребовал возвращения исконных русских земель. С этим Европа никак согласиться не могла, поэтому европейцы упорно избегали именовать русское государство Россией, по-прежнему называя его Московией и этим прозрачно подчёркивая, что ему надлежит оставаться в прежних границах.

Непонимание иностранцами России не в последнюю очередь было обусловлено тем, что она долгое время оставалась закрытой страной. Поступивший на русскую службу иноземец уже не имел дороги назад. Исключения можно пересчитать по пальцам. Надо сказать, что основания для этого были. Смелый авантюрист «немец-опричник» Генрих Штаден, бежав из Москвы, составил для императора Священной Римской империи Рудольфа II Габсбурга подробный план похода на Россию и расчленения русского государства (впервые в истории). Сил для вторжения было предостаточно, ведь Европа переполнена подобными самому Штадену «искателями фортуны». Он их красноречиво характеризует: «Это должны быть такие воинские люди, которые ничего не оставляли бы в христианском мире: ни кола, ни двора. Таких ведь много найдётся в христианском мире. Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось, что с ними можно было бы взять и не одну страну»⁴. Сам Штаден не скрывает, что, будучи опричником, творил на Руси насилия без разбору и сказочно обогатился, пока ему не удалось под видом купца тайно вернуться за границу.

Подобный Штадену, французский наёмник капитан Жак Маржерет подчёркивал, что ему единственному удалось официально выехать из России, – и то это произошло при Лжедмитрии I. Сразу же следует подчеркнуть невысокий интеллектуальный уровень этого ландскнехта, нисколько не сомневавшегося, что самозванец действительно сын Ивана IV. Неудивительно, что он смотрит на москвитян сверху вниз, находя повсюду только дикость и необразованность. Маржерет даже приписывает Лжедмитрию I некие просветительские планы, а именно повсеместное открытие школ и чуть ли ни университета в Москве.

Образ правления в России иностранцы волей-неволей сравнивали с государственным строем Османской Турции, а русского царя с султаном. Но если они видели здесь только не знающий предела деспотизм, то тогдашние идеологи самодержавия (например, Иван Пересветов), наоборот, на турецком опыте обосновывали необходимость сильной центральной власти, без которой Россия вновь будет обречена на междоусобицы. Но даже самые умные и прозорливые европейские

³ То же, с. 58.

⁴ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 24.

наблюдатели этого не понимали. В книге посла английской королевы Елизаветы I ко двору царя Фёдора Иоанновича Дж. Флетчера «О государстве русском» читаем удивительные слова: «Безнадёжное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большею частью, желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранического правления»⁵. Между тем сочинение Дж. Флетчера – одна из лучших книг о России. Даже в XIX веке многие её страницы оставались злободневными.

Впрочем, сторонним наблюдателям система власти в России из-за рубежа иногда представлялась идеальной. Обширность территории и необходимость спасти страну от распада оправдывала в их глазах даже жестокость Ивана IV. Уже упомянутый Штаден рассуждает: «Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, всё же нынешний великий князь (Иван IV – В.Н.) достиг того, что по всей Русской земле, по всей державе – одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Всё, что ни прикажет он, – всё исполняется и всё, что запретит, – действительно остаётся под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне»⁶. Особенно подчёркивалось европейцами то, что царь не позволяет своим чиновникам подолгу засиживаться на одном месте и, следовательно, пускать корни и становиться своего рода маленькими самодержцами. Кроме того, как правило, они не сосредотачивали в своих руках несколько должностей. Однако, иностранцы, побывавшие в Москве (тот же Дж. Флетчер) скоро распознавали, что добрые намерения плохо исполняются и тем сводятся на нет. Лихоимство и произвол процветали на всех уровнях. Но следует подчеркнуть, что реальную русскую жизнь познать позволялось далеко не всем. Западные посольства жили в Москве в условиях жёсткой изоляции вплоть до того, что своих помещений покидать им не разрешалось.

В свою очередь, и о Европе в России знали крайне мало, да и не питали большого интереса к европейским странам (особенно католическим). Понятно, что это служило препятствием при любых попытках наладить контакты. В.О.Ключевский писал: «Московские думные люди могли бы назваться ловкими дипломатами, если бы... обладали... знанием политических дел Европы. Это знание было у них крайне бедно и черпалось из скудных и мутных источников. Прусская или голландская газета, занесённая в Москву иноземным купцом, которой они верят... как дельфийскому оракулу, пленный солдат, готовый всего наговорить при допросе, лишь бы выпутаться из беды, – вот почти весь круг обыкновенных источников, из которых заимствовались сведения

⁵ Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002. С. 59

⁶ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 72 – 73.

о том, что делалось в Европе»⁷. Надо сказать, что к протестантам в России относились гораздо терпимее, чем к католикам, в которых видели непримиримых врагов. Иван IV искренне считал себя много выше католических монархов и, когда легат папы Григория XIII Антонио Поссевино попытался сравнить его с самыми влиятельными из них, то русский царь только с пренебрежением отмахнулся, ибо «что это за государи».

Самым известным и, пожалуй, самым талантливым описанием путешествия в Московию является книга Адама Олеария, состоявшего в составе посольства герцогства Шлезвиг-Гольштейн ко двору первого царя из династии Романовых Михаила Фёдоровича. Обладающий настоящим даром беллетриста, он представляет чрезвычайно яркую и поражающую разнообразием картину. С одной стороны, богатство и пышность знати, дворцовые пиры и беспредельное хлебосольство не могут не ошеломить. Уже тогда Москва превосходила по своим размерам любую европейскую столицу, причём каждое пятое здание было либо церковью, либо часовней, поскольку состоятельные семьи обязательно строили их при своих хоромах. Всего в Москве церквей было около двух тысяч. Издалека панорама русской столицы напоминала Константинополь – и это повторяют почти теми же словами чужеземцы вплоть до XIX века. С другой стороны, нравы народа – дикие и необузданные; пьянство почти повсеместное. В этом плане Олеарий не говорит ничего нового по сравнению с другими иностранными путешественниками; разве что рисуемые им сцены кажутся гораздо более выразительными. Всюду он наблюдает недоверие к «немцам» и боязнь. В сёлах крестьяне даже не позволяли им дотрагиваться до домашних икон руками, дабы не осквернить. Интересно, что, живописуя темноту и суеверия русского человека, Олеарий словно забывает, что сам он был астрологом и старательно поддерживал свою репутацию мага и чернокнижника; царь предложил ему остаться при дворе в должности придворного чародея. Не ново и утверждение Олеария, что Россия – страна всеобщего рабства. Знаменательно, что и положительные качества народа он этим объясняет; например, то, что на поле брани русские – смелые и выносливые воины. Не находит противоречия Олеарий и в том, что якобы привыкший к рабскому положению народ отвечает властям безудержными мятежами и неоднократно ставит правительство на колени. Но характерно, что на царя как воплощение верховной власти такие мятежи никогда не посягают. Всё это заставляет Олеария задаться старым вопросом: вообще, христиане ли русские? Его ответ: христиане, но только не европейцы.

⁷ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1991. С. 46.

С ДРУГОГО ЯЗЫКА

Арон ГААЛ

Арон GAAL – поэт. Член СП Венгрии «EMIL», СП XXI века, Россия. Родился в 1952 г. в Будапеште, здесь окончил лицей и университет. Живёт в пригороде Будапешта в посёлке Пилишясфалу. Дебютировал в 1969 г. в журнале «NIMROD». Президент Европейского культурно-литературного фонда «EOS-2007», Директор Фестиваля «Море и Слово», Художественный директор издательства AMON. Пережил «период творческого молчания поэта» (1972-1987), когда по политическим мотивам его произведения не публиковались. Автор «Гимна Ясов» – Венгерских Аланов (переведён на семнадцать языков). Стихи, сказки, рассказы, эссе изданы в четырнадцати странах. Автор восемнадцати книг стихов, изданных в России, Сербии, Румынии, Германии, Испании, Израиле, Украине. Переводчик шести книг. Награждён Международными литературными премиями: «Эндре Ади», «Поэзис», «APLER» (Румыния), «Дети Ра» (Россия), «За творчество» (Израиль).

ЕДИНСТВЕННАЯ НАВЕЧНО...

Мои пальцы узнают твоё лицо,
Мои прикосновения узнают твоё тело...
Твоё лицо узнаёт мои пальцы,
Твоё тело узнаёт мои прикосновения:
Ты – моя единственная навечно.
И пусть ты прибежала ко мне из стольких разных объятий,
И пусть тебя столько разных объятий удерживают сейчас,
И пусть ты уйдешь к стольким новым объятиям,
Всё равно ты останешься моей единственной навечно!
Кожа моих пальцев заключила в себя прикосновения к тебе,
Мои прикосновения сохранили твои прикосновения навсегда,
Твои прикосновения сохранили мои прикосновения навсегда,
Кожа твоих пальцев заключила в себя все прикосновения ко мне:
Ты для меня – единственная
Навечно!

Перевод с венгерского Кселена Литвинова

СТРАННИК

Я всегда бродил среди вас,
Но немного решил отдохнуть.
Я хочу ноги вам омыwać
И иначе на мир взглянуть.

Крошки хлеба хочу я есть,
Дайте мне вина хоть глоток.
Я отправляюсь в свой путь в рассвет
До того, как петух пропоёт.

Равнодушно смотрите вы
На судьбу человека всегда,
Ненавижу холод души –
И давно стал чужим для вас.

Я по свету буду бродить
До того, как закончится путь.
И не нужно мне слов пустых,
Ведь не в них заключается суть.

Вечно буду молиться за вас.

Перевод автора

ЛАСТОЧКИ ОВИДИЯ, ИЛИ СОСЛАННЫЙ

В своей внутренней эмиграции считаю
Рассветы, настолько они тихие...
Нет вокруг меня ничего другого, чем просто кусты,
Их ветки и листья: здесь весь мой мир.

Может, Овидий, как и я, вот также шагал
Среди этих белых камней, бабочек, кузнечиков,
Желая построить свою жизнь для себя,
Как его ласточки, что строят свои гнёзда высоко над головой.

Точно, как и Он, я растратил все серебряные звёзды
Из своего кармана, что блестят слезами в глазах Бога там,
Где вокруг сонного земного шара гоняет Луна стада облаков
По небу, что сейчас только просыпается.

Перевод с венгерского Кселена Литвинова

10 СЕНТЯБРЯ В БУДАПЕШТЕ

«Известный покойник», которым я буду,
Когда-нибудь сюда возвратится,
И в уже давно седом саду
Его дух будет снова писать стихи.

Они не будут сильнее, чем были
При жизни, только иначе в них опишет он
Разговоры дятлов в дубовом лесу
И дребезжащих листьев в Листопаде.

*Перевод с венгерского Лайма Дебесюнене
(г. Каунас, Литва)*

ЦАРАПИНА

Утром январским холодным
Заледенело оконце –
Ты нацарапал на нём
Абрис тонконогой арки,
Так на спине у бедняги малюешь плеть.
Лето явилось, и арка осталась в прошлом,
Только стекло силуэтом её завладело:
Рамы распятие осеняет
Оконный проём...
Кровь прильёт к голове,
Когда навь завладеет глазом,
Словно окон кресты –
Преддверие в Льдистую зиму...
Шрам на сердце твоём –
Тот, что кровью и болью оплачен,
Малый след от десницы Творца,
Что рисует ногтем
На теле твоей судьбы...

НАУЧНЫЙ ЭКСКУРС В ЛИТЕРАТУРУ

Эльмара ФАУСТОВА

Кандидат философских наук (по эстетике). Член СП Москвы. Участник творческих поездок в Черногорию, Польшу, Болгарию, Венгрию. Модератор презентаций книг Содружества Современных литераторов на Парижском книжном салоне (2016). Изданы три книги стихов и две – малой прозы. Печатаются в альманахах, периодических изданиях. В журналах и газетах публикуются рецензии на театральные спектакли, а также обзоры по зарубежным поездкам писательских делегаций. Занимается редактированием книг, сборников и альманахов. Имеет литературные награды.

ПРИШВИН В ДОРОГОБУЖСКОМ КРАЕ

Очерк

Когда судьба привела Михаила Михайловича Пришвина в Дорогобужский край, ему было сорок семь лет, он прожил уже довольно насыщенную жизнь. Много раз волей судьбы менял места проживания. География его передвижений весьма разнообразна. Куда только ни бросала его судьба! Уроженец села Хрущёво Соловьёвской волости Елецкого уезда Орловской губернии, он получил начальное образование на своей родине, а затем учился в гимназии в Ельце, родном городе И. Бунина, В. Розанова, С. Булгакова. Исключённый из гимназии из-за «дерзкого поведения» с «волчьим билетом» (конфликтовал с учителем В. Розановым), он был отправлен матерью к её брату в Тюмень, где окончил реальное училище. После этого он поступил в Рижский политехникум. Потом два года жил в Ельце, а затем уехал Германию, где учился в Лейпцигском университете, слушал лекции в Берлине и Йене. По окончании учёбы попал в Париж. После возвращения в Россию работал в земстве в Клину Московской губернии, агрономом в Тульской губернии, затем в Луге и в Петербурге.

Он принял участие в экспедиции академика А.А.Шахматова на Север России, в Олонецкую губернию для сбора фольклорных материалов – поехал «за сказками». Он проникся красотой суровой природы этих мест, изучил нравы поморов, их народное творчество. По этим

впечатлениям написал книгу «В краю непуганых птиц» (1907), получившую всеобщее признание, что в большой степени определило будущее Пришвина как писателя. Время от времени он совершал поездки с различными целями – например, в Карелию и Норвегию, в керженские леса Нижегородской губернии, в степи за Иртышом, в Крым, в Казахстан и т.д. Жизнь водила его по земле. Так что будущий переезд из родного Ельца в Дорогобужский край не был для него каким-то особенным, из ряда выходящим событием.

В данной работе мы будем опираться в основном на дневниковые записи М.Пришвина, в которых отражалась как повседневная жизнь, так и исторические события, волновавшие писателя. Записи носили исповедальный характер, и это была единственная возможность правдиво оценивать всё происходящее, осмысливать с философской точки зрения. «Пришвин начинал свой день работой над дневником. Он – и это не преувеличение! – буквально жил им. Ведение дневника превратилось для Пришвина в органическую потребность, в условие существования». (Николай Головкин. «Быть русским, любить Россию - это духовное состояние» Слово о Пришвине. – Фонд стратегической культуры. 17.02.2008 - <http://www.fondsk.ru/article>).

Дневники многие годы хранились в тайне, их отдельными частями начали издавать только в 1991 году и до сих пор продолжается их публикация. Кроме того, мы опирались на письма М.Пришвина, свидетельства современников, труды исследователей творчества писателя.

Мотивы переезда М. Пришвина на Смоленщину, в Дорогобужский край

В 1918-1919 годах М.М. Пришвин жил в Ельце, куда он прибыл после двухнедельного ареста уже большевистскими властями. Резко осудив глубоко чтимого им поэта Блока за оправдание «святой злобы», за веру в идеи переворота, высказанные в статье «Интеллигенция и революция», он отходит от политики. (Двусмысленность: кто высказался в статье – Блок или Пришвин?) И теперь с увлечением начинает заниматься организацией краеведческого дела, а также преподаёт словесность в той самой гимназии, из которой был когда-то исключён.

Пришвина мучили мысли о грозных переменах, обрушившихся на страну – прежде всего не принимал агрессивность революции. Утверждавшиеся насильственно новые порядки несли разрушение традиционного уклада жизни. Иллюзии у Пришвина растаяли очень быстро, а критический настрой нарастал с каждым днём. Своё отношение к историческому перевороту Пришвин выразил очень резко: «В голодно-холодной кровавой завесе мира вырисовывается для большинства людей лик врага (он) – кто это он? – Большевик». (М.М. Пришвин. Дневники. 1920–1922. М., 1995, – 1920 г., 15 июля, с.79). Несколько позднее, и именно в годы пребывания в Алексине на Дорогобужье, Пришвин

пытается понять сущность стремительных трагических перемен.

На самом деле смятение духа постигло в те годы многих интеллигентов: подобного рода переживания мучили М.Горького, что отразилось в его «Несвоевременных мыслях» (1917-1918), И.Бунина – в его «Окаленных днях», В.Короленко – в серии писем 1919-1921 годов к А.В.Луначарскому и Х.Г.Раковскому, в которых он протестует против красного террора, против расправ ЧК.

И конечно, в это время Пришвина волнует судьба культуры, крушение традиционных нравственных ценностей, духовных начал. С глубокой тревогой он обобщает направленность развития страны в то время: «Никогда не было ещё духовное состояние наше так понижено, как теперь, обнищание духа, видимо, идёт параллельно с экономикой: своеобразное доказательство зависимости духа от материи. Основная причина, как я думаю, – это разрыв с общемировой культурой и остановка: культура есть процесс и не может останавливаться». (Там же, 1921, 23 марта, с. 42). Шла Гражданская война, и сам Пришвин едва не погиб в 1919 г., когда устроившие погром казацкие отряды Мамонтова чуть не расстреляли его, приняв за еврея.

В Ельце он оказался в ужасающих жизненных условиях. К началу 1920 года материальное положение резко ухудшается. Голод, холод и тиф становятся палачами массы людей в родных местах писателя. Уже умирают его родные. Мир для него пустеет. И ему снятся зловещие сны с ушедшими из жизни сестрой и братьями. Сложился контраст между присущим Пришвину светлым мироощущением и жестокой реальностью Гражданской войны. На этой войне погиб Яков, сын жены Пришвина Ефросиньи Павловны от первого брака.

В Ельце писатель с ужасом наблюдает бедствия, всеобщая нищета становится нетерпимой. В дневник он как будто бы отстранённо вносит отдельные чудовищные факты, которые в тех обстоятельствах представляются трагической обыденностью: «...Иван Михайлович (*Журавлев*) и жена его Мария Ивановна умерли от тифа во время кризиса, а дети все перенесли тиф, но потом, слабые, замёрзли. Сейчас их домик стоит пустой...». (Там же, 1920, 13 марта, с. 37). Он пишет о том, что для обогрева сожгли уже в доме всё, что может гореть, и завтра вся семья с детьми пойдёт воровать дрова – иначе насмерть замёрзнут.

Теперь внутренняя его установка покинуть родные места была обусловлена необходимостью выжить – и физически, и духовно.

Решение

И наконец, 10 января 1920 года он с тревогой запишет в Дневнике: «Моя тоска похожа на тоску во время смерти Лиды: не совершается ли что-нибудь ужасное с Ефросиньей Павловной?». (Там же, 1920, 10 января, с. 10). Этот страх связан с его первой женой Ефросиньей Павловной Смогалёвой – крестьянкой родом из деревни Следово Дорогобужского

М. Пришвин

уезда Смоленской губернии, с которой он сблизился ещё в 1903 году после пережитой им не сложившейся, но оставшейся в памяти на долгие годы любви к В. Измалковой. Их развела судьба навсегда, он очень тосковал, но изменить ничего не мог.

Позднее случайность свела его с Ефросиньей – женщиной из другого, из крестьянского сословия, с иными представлениями о жизни. «Пришвин не женился, а именно сошёлся с Ефросиньей Павловной. Жениться он и не мог – она ведь была замужем, и официально брак свой они оформили много позднее. Он не относился к этой связи очень серьёзно и в любой момент был готов с крестьянкой расстаться». (Алексей Варламов. Пришвин или Генний жизни. – «Октябрь», 2002, №1).

Настоящая любовь Пришвина осталась в прошлом, а этот союз был вызван стечением обстоятельств, однако он связал двух столь различных людей на долгие годы. Обвенчались они только в 1917 году, к тому времени похоронили своего первенца, и теперь у них уже было двое сыновей – Лёва и Петя. Пришвин не был душевно привязан к Ефросинье Павловне, и только тяготы реальной жизни заставили его задуматься над тяжёлым для него выходом: двинуться в края нелюбимой жены, чтобы «сесть на землю».

Сам Пришвин с детства жил в имении, был очень привязан к природе, а потом в Германии получил агрономическое образование, и потому ему казалось, что спасение можно найти в деревне. Его очень скромное имение «на горе» в Хрущёве «реквизировали» в годы революции, осесть на родине он не мог. После разорения его жена с младшим сыном Петей уехали на её родину в Дорогобужский край, а сам Пришвин остался в Ельце со старшим сыном Лёвой. Через полтора года для него переезд в Дорогобуж стал неизбежным – предопределённым невозможностью выживания в Ельце, необходимостью сохранения жизни любимого сына Льва. Писатель был очень к нему привязан и трогательно признавался: «На свете нет большего счастья, как дружба с ребёнком». (М.М. Пришвин. Дневники. 1920 г., 2 февраля, с. 19).

Решение давалось с трудом, созревало месяцами в колебаниях и метаниях. Не дождавшись приезда жены, он записывает в Дневнике отчаянные слова: «Получено письмо от Е. П., что не приедет, зовёт к себе. Внезапное решение: продать всё, купить лошадь с телегой и ехать в Дорогобуж. Высчитан по атласу Петри циркулем путь: четыреста шесть-

десять верст, Елец – Новосиль – Мценск – Белев – Сухиничи – Ельня – Дорогобуж. По сорок в(ёрст) в день – двенадцать дней». (Там же, 1920, 22 апреля, с. 56). Он готов был даже пешком идти такое огромное расстояние. Однако колебался, поскольку совсем немногого ожидал от этого перемещения. Он признаётся, что вынужден пойти на такой шаг от безвыходности: «Все завидуют, что еду – чему завидуют! еду в пустыню, без средств, с огромным риском умереть от тифа. Это рискованное предприятие, стоит ли цель средств? Цель – отдохнуть за лето, собраться с силами, устроить детей в Дорогобуже и поехать в Москву на литературную разведку». (Там же, 1920, 28 апреля, с. 59). Так что надолго оставаться на чужой для него земле, на Смоленщине, он тогда не планировал. Нужно было только набраться сил.

Отъезд всё откладывался, так как из-за Гражданской войны возрастал риск в дороге быть ограбленным или даже убитым. Но к этому времени слово «Дорогобуж» уже начинает звучать для него как заклинание. И всё же нарастает чувство отчаянного внутреннего сопротивления этому вынужденному переезду: «...Я представил себе ясно ту избу, где мы должны бы жить, родственников Ефрос(иньи) Павл(овны), соседей, что нет ни одной книжки, нет ни одного образованного человека и, может быть, даже, что я голый, обобранный живу на иждивении родственников Ефрос(иньи) Павл(овны) – невозможно! не избавление, не выход!» (Там же, 1920, 9 мая, с.62).

Смятение, неуверенность в будущем угнетали Пришвина. И хотя переезд на Смоленщину как будто совсем «не выход», другого пути он не видел. И тогда Пришвин с Лёвой снялись и выехали сначала в Москву. «Михаил Михайлович Пришвин уезжал из Ельца сложившимся человеком, занимающим ясную гражданскую позицию, глубоко обдумывающим сложные события в исторической судьбе России и роль в них творческой интеллигенции. Он был в расцвете невостребованных творческих сил». (Горлов В.П. «...Михаил Пришвин, из Ельца» - <http://www.elets.elsu.ru/gorlov/prishvin.html>). Он внутренне готовился к активной деятельности, размышлял о том, чем будет заниматься на новом месте.

К этому времени писатель был человеком с разносторонними интересами – он «занимается биологией и философией, увлекается химией и музыкой Вагнера, высшей математикой и натурфилософией Гёте». (Н.Иващенко, Н.Коршунова. Собиратель. – Альманах библиофила, выпуск 18, М., 1985, с.143). Он хотел в деятельности на новом месте удовлетворять свои духовные потребности.

После короткого пребывания в Москве, после деловых и дружеских встреч Пришвины отправились в Дорогобужский край. Трудный путь и в конечном итоге: «Путешествие из Ельца в Дорогобуж через Москву. Мрачный мужик везёт нас от ст(анции). в Дорогобуж, я показал ему серебр(яный) рубль с Николаем, и вдруг он стал добрым и ласковым». (Там же, 1920, 28 июля, с. 81).

Прибытие

В Дорогобужский край Пришвин прибыл с официальным направлением от Наркомпроса, добытым им в Москве с помощью своего хорошего знакомого А.В. Луначарского. В нём была сформулирована цель прибытия Пришвина в Дорогобужский край: «для изучения памятников искусств, старины и природы».

Наконец-то они приехали в Следово – родину Ефросиньи Павловны. Здесь он вдруг причисляет себя к крестьянскому сословию, поскольку, по его мнению, именно оно теперь становится господствующим, в то время как интеллигенция, напротив, становится зависимой, подчинённой, какими совсем недавно были мужики. Это был удивительный шаг, и продиктован он был стремлением к безопасности в условиях всеобщего хаоса и разбоя. Его, конечно, интересует жизнь простого мужика, но вдруг приобщить себя к этому сословию... Он пытался по-своему увидеть возникающий в его жизни пугающий бедствиями мир, стремясь ради выживания встроиться в новые обстоятельства. Жизнь вынуждала его идти на самые неожиданные поступки.

Остановились в деревенской избе, и уже здесь Пришвин нашёл какое-то отдохновение для встревоженного сердца: «Жизнь в избе у Андрея Прокопьевича хороша тем, что тут как бы нервный узел природы, и небо, и лес, и вода, и воля – всё посылает сюда свои нервы, и, живя в избе, вы чувствуете всё в природе...». (Там же, 1920, 4 августа, с. 83). Пришвин вспоминал давнее хрущёвское бытие, он как бы погружался в своё детство, в раннюю юность, и потому оказаться в глуши, в непосредственной близости к нетронутой человеком природе означало для него в тот момент как бы возвращение к самому себе, к своему первичному естественному состоянию.

Наконец, решение доводится до цели: «Писатель Пришвин с семейством идёт лесами в Алексино определяться на службу шкрабом». (Там же, 1920, 4 августа, с.83). «Шкраб» – сокращённое «школьный работник». Так называли в двадцатые годы учителей средней школы. И хотя тревожное чувство не покидало его, он всё-таки в глубине души уже настроился на новый этап своей жизни, на новую работу, на особый, очень любимый им душевный отдых с погружением в природу. Ностальгическая любовь к сельскому укладу жизни, интерес к простому крестьянину давали этому цивилизованному человеку надежду не только на физическое сохранение, но и на духовное спасение.

Итак, 6 августа 1920 года Пришвины поселяются в селе Алексино Дорогобужского уезда. Первые впечатления от Алексино у Пришвина были, можно сказать, ошеломляющими. Он попал в заповедное место, облагороженное великими архитектурными шедеврами М.Ф.Казакова, О.И. Бове, Д.Жилярди и его ученика Д.Полякова – это усадебный дворец, храм Михаила Архангела (архитектор М.Ф.Казаков, предположительно с барельефами Ф.И.Шубина), церковь Андрея Стратилата,

Андреевская крепость, Музыкальный павильон. Всё это не могло не привлекать заинтересованного внимания такого образованного, утончённо чувствующего человека, как Михаил Пришвин.

Писатель стал преподавателем русской словесности в школе II ступени, в которой обучались учащиеся 6-9 классов. Предполагался довольно высокий общеобразовательный уровень. Школа расположилась в усадьбе Барышниковых – уникальном архитектурном сооружении, построенном по проекту Доменико Жилярди. Дворец украшен шестью витыми металлическими колоннами тосканского ордера и длинным балконом с решетками из изящных кружев чугунного литья. «Это было очень крупное имение, в котором жить можно было в созерцании леса и плавающих по широкому озеру лебедей», – записал Пришвин в дневнике. (Там же, 1920, 6 августа, с. 83). Его восхищала неповторимая красота этого необычного дворца, большого парка с каскадом прудов. Рядом сооружены два храма, один из которых – величественный собор Михаила Архангела – построен в классическом стиле в 1792 г. Всего несколько лет назад здесь всё было ухожено и исполнено жизни. А теперь наступили другие времена...

Об этой усадьбе писал знаменитый архитектор-реставратор П.Д.Барановский, уроженец этих мест и хороший знакомый М.М.Пришвина: «Замечательный памятник архитектуры! Я его застал в сравнительно хорошем состоянии. В парке ещё последний павлин бродил... Однако всё приходило в запустенье...Я пытался создать в Болдине Музей народной деревянной скульптуры, а он (Пришвин) был хранителем Музея усадебного быта в Алексине. В имении сохранялась прекрасная библиотека, старинная мебель и посуда, роспись, лепка, драпировка...». (Владимир Чивилихин. Память. – Роман-газета, 1982, №16, с. 90).

Ещё совсем недавно залы Дворца украшали художественные сокровища мирового уровня, поскольку истинные знатоки изобразительного искусства Барышниковы приобретали живописные полотна прославленных мастеров – как в России, так и за рубежом. «Будучи тонкими ценителями искусства, Барышниковы собрали в своих усадьбах большие и ценнейшие коллекции произведений искусства, которые включали в себя полотна Рафаэля, Тропинина, Левицкого, Ротари, Брюллова, гравюры Дюрера, Рембрандта, Луки Лейденского и других». (Из истории рода Барышниковых. – «Смоленский конный завод». 23.04.2009 – www.podpruga.ru). Но такие ценности к приезду Пришвина уже были в основном вывезены из Алексина в Москву и Смоленск.

Отныне судьба этого имения – боль и забота Пришвина, который был потрясён удручающим состоянием великолепного здания, всех тех ценностей, которые ещё оставались от прежних владельцев и ещё сохраняли дух дворянского уклада жизни. Свои переживания, свои действия, которые Пришвин предпринимал по спасению этого дворянского гнезда, он описал в своей автобиографической повести-притче «Мирская чаша» (первое название “Раб Обезьяний”), где отражаются

Смоленская область, Дорогобужский район, с. Алексино, усадьба Барышниковых по проекту Жильярди, май 2008 г. Фото автора.

подлинные события, происходившие во время жизни Пришвина в Алексине. «Место действия «Мирской чаши» – «глубинка» Смоленской губернии у верховьев Днепра... Перед нами разрушаемая – ранее богатейшая – усадьба, затерянная в древних лесах, «окружающих, – как сказано на первой странице повести, – болото-исток, мать славного водного пути из варяг в греки». И сквозь самые мелкие подробности повествования постоянно брезжит этот ставший тысячелетней легендой «путь». (Вадим Кожин. Мирская чаша. Книга Михаила Пришвина – но не о природе, а о революции. – Русская литература XX века. – М., 1999, с. 247).

Кроме того, жизнь в Алексине, его работа в школе также описываются в рассказах «Школьная робинзонада» и «Охота за счастьем».

Как только Пришвин попал в Алексино, он в свой Дневник поместил описание имения в том виде, в каком он впервые увидел его: «Алексино – громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идёшь почти час, и всё почти берегом искусственного озера, окружённого сплошной кущей вековых деревьев. На озере есть островок, и там на деревьях живут аисты, а в домике на озере лебеди и павлины ходят по берегу... Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк – большое трехэтажное здание с колоннами». (М.М. Пришвин. Дневники. 1920 г., 22Августа, с.88). Он восхищён и очень огорчён одновременно. Волей судьбы они всей семьёй поселились в этой разорённой, холодной усадьбе. И теперь одной из его жизненно важных задач стало спасение этого культурного сокровища.

Бытие и деятельность

Бытие было непростым. Это была борьба с обстоятельствами за выживание, борьба за души детей, переживавших перелом эпох, борьба за спасение духовных и материальных ценностей.

В Алексино Пришвин включился в разнообразные виды деятельности: он стал заниматься школой (как учитель и затем как директор), организацией Музея усадебного быта, краеведением, просветительской деятельностью, сельскохозяйственными работами (работает агрономом на научной сельскохозяйственной станции А.Н. Энгельгардта), а также увлёкся охотой. И, конечно же, главным своим призванием – писательством. Очень точно передал особый характер творчества Пришвина Пётр Леонидович Капица: «Всё, о чём писал М.М., всегда заключало в себе вопрос об этическом взаимоотношении человека как с окружающей его природой, так и с окружающим человека обществом. Здесь он основным мерилом человеческого счастья считал «радость личной свободы». (П.Л.Капица. Читая дневники М.М.Пришвина – в кн.: «Воспоминания о Михаиле Пришвине». М., Сов. писатель, 1991., с. 306-310). Своеобразная натурфилософия писателя вбирала в себя живое бытие природы и человека как неотъемлемой её части.

Конечно, сразу по прибытии новый учитель, «шкраб», озаботился образованием и воспитанием учеников. Однако он своеобразно относился к процессу обучения. Он не принимал нормативности, начётничества. Позднее, в 1932 году, он пытался объяснить своё отношение к учебной работе: «Хочу продумать своё отвращение к учительству. (Хочу не учить, а беседовать, размышлять сообща и догадываться)». (М.М.Пришвин. Дневники. 1932-1935. - 6 апреля 1932 г., СПб, 2009. с. 73).

Он приступил к учительской деятельности по-деловому: 30 августа принял участие в Съезде учителей II ступени. И вместе с тем включился в другие дела: 31 августа читает лекцию на женских курсах по теме «О краеведении как деле просвещения народных масс».

В школе набралось 240 учеников. Пришвин писал, что школой руководил «двуликий Янус»: один из «лиц» отвечал за дисциплину и порядок, был строг и требователен, а другой – мягок, ласков, старался всего достичь внушением. Они дополняли друг друга и вместе вполне обеспечивали работу всего механизма школы – и процесс обучения, и элементарный порядок, и самое примитивное материальное обеспечение.

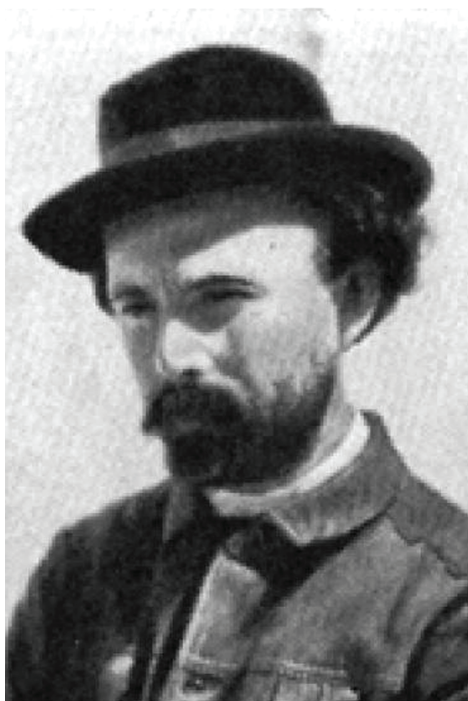
Пришвин стремился к преобразованию школы: «Мы согласуем преподавание всех предметов согласно идее кооперативного изучения местного края. И гораздо будет точнее, если мы назовём такую школу не просто трудовой, а школой общего дела...». (См. М.Пришвин. Путешествие. Янус. - <http://lib.ru/PRISHWIN/putesh.txt>)

В нём сохранялась детскость и особая наивность, и потому он чувствовал душу детей как нечто близкое к природе, к естеству, что помогало ему находить с ними общий язык. Он преподавал русский язык, литературу, географию. Все эти учебные предметы он объединял с краеведением. У него родилась идея единства образования – процесс обучения должен создавать цельную картину жизни, всё должно объединять природу, родину с человеком, с сообществом. В этом единстве должны воспитываться души детей: они должны любить родную землю, чувствовать её красоту, её силу и вместе с тем её зависимость от отношения к ней человека.

Однако голод, холод, бесконечные поборы («контрибуции», как называли их крестьяне) осложняли работу с учениками. Пришвин выразил это очень жёстко: «Наше время коммуны – гибель детей». (М.М.Пришвин. Дневники. 1920–1922. М., 1995/1920 г., 30 сентября, с. 940). И потому для него забота о детях в тех условиях была борьбой за их жизни, за спасение их душ. Всеми силами он стремится привлечь детей в школу с тем, чтобы организовать их, чтобы учить для будущего. Для него было большой радостью поступление в школу крестьянских детей, он это подчёркивает: «Я испытываю гордость победителя, когда мужики обступают меня с просьбами принять и их детей в мою школу: “Попались, голубчики, – думаю я, – и мы, “шкрабы”, что-то значим на свете»». Там же, 1920, 31 октября, с. 103).

Однако всё было организовано весьма шатко, даже прочность существования самой школы была сомнительной. Так, в самом начале учебного года в дневнике появляется тревожная запись: «Над Алексинем туча нависла: сюда грозится переехать бригада с курсами красных офицеров, и нас (две школы, колония детей, больница, экономия и т.д.) хотят выгнать». (Там же, 1920, 8 октября, с. 97). Да и регулярность занятий тоже становится неустойчивой, и уже в конце октября он с горечью отмечает: «Наши голодные шкрабы мобилизованы собирать подавание для фронта, и занятий сегодня нет». (Там же, 1920, 27 октября, с.102). И не только условия были тяжёлыми, но и вся организация обучения в Дорогобужье оставалась на примитивном уровне. Учитель сетует по этому поводу: «Вчера путешествовал в Озерище на собрание “шкрабов”... На собрании учителей говорили о ликвидации безграмотности, вместо букварей предлагали делать из бересты раздвижную азбуку, писать углём на струганных дощечках, уголь изготавливать, обжигая лучину с солью, и т. д., вопрос такой был, где найти для этого время». (Там же, 1920, 3 декабря, с. 110).

М. Пришвин

Пришвин не теряет надежды на возможность получения положительных результатов и очень всерьёз относится к достижению своих целей. Несмотря на то, что ученики в основном были из семей с низким уровнем развития (только один ученик был из семьи фельдшера), он делал ставку на природный ум, любознательность и учитывал тот трудный опыт, которые за последние годы накопили дети. И потому ему хотелось размышлять вслух, чтобы донести до них свои вполне взрослые, а иногда даже философские мысли. Так, при подготовке к уроку он пишет тезисы своей будущей беседы с детьми: «Речь ученикам II ступени: бессмертный – три поколения Барышниковых – три века, – скоро! ... Дело культуры – дело связи. Словесность – дело культуры – связи. Ученье как сила (диплом) и как связь. Сила, чтобы не быть рабом (пример: кто бы соли дал, присягнем всякому)...». (Там же, 1920, 13 октября, с. 99).

Он пытается сохранить традиции, протянуть нить, связывающую поколения. Страдая от всего происходящего, углубляясь в собственный смятенный мир и стремясь сберечь основы истинной культуры, Пришвин по-своему сопротивляется эпидемии распада. Он старается вло-

жить в сознание учеников высокие образцы культуры, пробудить в них потребность познания духовных ценностей. Он читает детям «Одиссею», показывая разницу между этим гениальным произведением и новыми пропагандистскими поделками, выдаваемыми за «новое искусство».

Но всё же ребят в большой степени учила сама жизнь, они видели всё, что происходило, а учитель умел отметить важные моменты. И в результате в умах детей всё как-то укладывалось. Пришвин пишет в дневнике: «Интересно, что любимой темой моих деревенских учеников (темы у меня вольные) бывает Иванушка-Дурачок, который делается комиссаром-душителем своего села и под конец за воровство и пр(очее) изгоняется из партии и презираемый погибает под забором». (Там же, 1920, 9 декабря, с. 114). Такое понимание жизненных перипетий было в то время у алексинских ребят.

Пришвин разработал подробный план занятий по краеведению и сочетал устные рассказы с организацией практической работы учеников. Свою деятельность он строил на любви к детям и к родной земле.

Сам он изучал эти места, обогащался знаниями, к его прежним занятиям прибавлялись новые: «Практические занятия: фотография, этнографические записи, музейное дело, раскопка кургана». (М. Пришвин. Дневники. 1921, 3 августа, с. 196). Пришвин увлёкся «фотоохотой», у него стала собираться ценная коллекция снимков, особенно картин природы. Кроме того, его стали привлекать раскопки кургана. А ещё он стал работать на батищевской опытной станции Энгельгардта, где оказалось востребованным его агрономическое образование.

Ну и, конечно, он активно включился в работу Музея усадебного быта, который в 1919–1920 годах был создан в прекрасном «ампирном дворце» по инициативе уездного уполномоченного Н. И. Савина. Пришвин приобщился к спасению художественных ценностей, погибавшие в послереволюционном всеобщем хаосе. 14 сентября 1920 г. Пришвин был принят в члены Дорогобужской уездной комиссии по делам музеев и охраны памятников. Н.И. Савин пригласил нового учителя М.М.Пришвина включиться в создание фондов музея и заведовать им. В имении тогда уже всё разорялось, поскольку там уже разместилась детская колония и как раз в то же время открывалась школа.

Пришвин ещё в Ельце с энтузиазмом занимался краеведением, и здесь, в имении Барышниковых, сразу стал собирать и систематизировать разнообразие ценные вещи, описывать их. «Через месяц Музей усадебного быта открылся. В большом зале вышло очень торжественно, оттого что всё лишнее было убрано и правильно были развешаны портреты с Петровской эпохи и до настоящего времени. О каждом выразительном лице был подобран текст из поэтов усадебного быта, из архивных материалов дома...». (М.М.Пришвин. «Мирская чаша» – Собр. Соч., т.2, М., 1982, с.495). Всю свою душу вкладывал писатель, краевед, учитель

Пришвин в дело «удержания» ускользающего культурного богатства своей Родины.

Все ценные предметы искусства и быта помещались в пяти комнатах, на двери одной из них повесили табличку «Музей». Дети колонии и школы не понимали смысла этого таинственного слова, оно для них имело какое-то магическое действие, и потому на всякий случай они не посягали на это пространство.

Пришвин становится хранителем Музея, защитником чудом оставшихся в усадьбе вещей, которые были предметами подлинного искусства. Он с благоговением относился к каждой искусно сделанной вещи. С любовью к красоте и с восхищением перед мастерством художников он описывает интерьер Дворца: «Колонная гостиная — тоже александровский амбир, уютная комната, вся в миниатюрах, с акварелями, пастелями, офортами, тут есть драгоценный бювар с колонками слоновой кости, всякие старинные шифоньерки, шкафчик с французскими писателями XVIII века. Если нажать одну незаметную пуговку и потянуть за колонку слоновой кости в бюваре, то выдвигается секретный ящик, и там хранится пачка писем к девушке с белым цветком в руке...». (Там же, с.495). Он с печалью и болью наблюдал разрушение дворянского гнезда. Внутренне всей душой он оставался в той эпохе, когда создавались и собирались эти ценности.

Наконец, музей открылся, и появились первые посетители. С чувством умиления он пишет о крестьянке, увидевшей чудеса дворянской усадьбы: «Сколько усилий нужно, чтобы пробудить какой-нибудь отклик в душе образованного посетителя, а баба сама скажет:

— Рай!

И потом всем деревенским бабам:

— В раю была!» (Там же, с. 498)

Пришвин очень недолго пробыл в должности заведующего Музеем — с 5 марта по 29 ноября 1921 года, до своего отъезда из Алексина. И всё-таки он много успел сделать для сохранения богатств усадьбы и способствовал передаче их Смоленскому музею. Он также принимал участие в организации краеведческого Музея в городе Дорогобуже.

Особое место в жизни Пришвина в Алексине занимало общение с мужиками, которые не очень доброжелательно приняли барина, пытавшегося представляться как бы «своим», а сам не умеет пахать землю, кладёт кривые борозды. Однако новоприбывший учитель проявлял интерес к крестьянскому труду, с вниманием наблюдал изменения в вековом деревенском быте. Он подробно записывал разговоры мужиков между собой, их выразительную речь, вдумывался в их суждения, отражал их истинное отношение к новым порядкам. Это можно было делать только в секретных записях, поскольку алексинские мужики не скупались на выражения, обруживая перемены. Фиксировать такое отношение на бумаге было небезопасно. В целом писатель чувствовал близость своей позиции к трезвой оценке событий крестьянами.

Вместе с тем Пришвин никогда не идеализировал народ, он в довольно резкой форме осуждал ленивых и завистливых мужиков, их невежество и корысть, готовность к грабежу и обману. Его опыт общения с простым народом в тяжёлых условиях выживания был не самым лёгким. Это вызвало, возможно, чрезмерно острое критическое отношение: «Какое скрыто в мужике презрение к физическому труду, к тому, чем он ежедневно занимается, и сколько злобы против тех, кто это не делал, и какая злая радость, что вот он видит образованного человека с дровами. “Мужики” – это адское понятие, среднее между чертом и быком...». (М.М. Пришвин. Дневники. 1921 г., 28 апреля, с. 171). Такая жёсткая оценка проявляет внутреннее напряжение, чувство неудовлетворённости от жизни в чуждой ему крестьянской среде. Редко он встречал сочувственное к себе отношение. Мужики презирали его, барина, который занимался физическим трудом и жил в нищете.

При этом писатель проявил большой интерес к местному фольклору, он уже прежде собирал фольклор в Олонецком крае, имел свой опыт изучения народного творчества. И здесь он записывал сказки, песни, поговорки и «причеть священную этого края, присоединяя листок за листком в скифскую комнату». (М.М.Пришвин.«Мирская чаша» – Собр. Соч., т.2, М., 1982, с. 498). Причеть – это вид устного поэтического творчества, который связан с обрядовым оплакиванием – собственно, причитания. Пришвин слышал плач по этим местам, по высокой культуре, которая погибала на его глазах. Он использовал эти записи при создании своих произведений той поры.

Страстный почитатель как первозданной, так и созданной человеком красоты природы, он с большой горечью наблюдал, как разрушается прекрасный приусадебный парк, насчитывавший болеетысячи разнообразных насаждений. Аллеи парка были уже неухоженными. Он это с большой печалью отмечает в Дневнике: «Парк просторный, в нём свободно разбросаны группами и в одиночку вековые деревья. Теперь в парке пасут коров и мальчишки жгут костры, обжигая часто драгоценные деревья. Озеро начинает вытекать понемногу: видно, спуск испортился и некому починить». (М.М. Пришвин. Дневники. 1920 г., 22 августа, с. 88). «Стоногая детвора» из колонии вообще была трудно управляемой. На самом деле у этих детей уже были расшатаны все представления о порядке, о честности, о святыхнях. Обуздать их энергию было чрезвычайно трудно. Пришвин с возмущением пишет: «Стая окаянных мальчишек колонии бросает камни в церковный крест и называет крест – чёртов рог». (Там же, 1921 год, 3 августа, с.196).

Жизненные силы давала ему любовь, сердечное отношение к окружающему миру – к дыханию леса, к утренникам, к «лёгенькой порошке», к «весне света», к журавлиному клику.

Молитвой и посланием современникам и потомкам звучат его слова: «Немой стою и только после записываю: «В день грядущий, просветли, господи, наше прошлое и сохрани в новом всё, что было прежде

хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу». (М.М.Пришвин. «Мирская чаша» – Собр. Соч., т.2, М., 1982, с.486).

Однако все алексинские дела и заботы не заполняли внутренний мир писателя, он ощущал неудовлетворённость. В это время прекратились занятия в школе, и работа на агрономической станции стала основной. Его стала мучить эта сельская «простота», ему уже остро не доставало воздуха цивилизации. После прекращения работы в школе он окружающим казался бездельником, хотя он продолжал работать на станции и – главное – писать.

Постепенно ухудшалось психологическое состояние Пришвина. Он задумывается над своим самоощущением, над тем, что происходит с личностью в условиях того «социализма», который властно утверждался в русской провинции. Его беспокоило загущивание индивидуальности, стандартизация личности, стремление власти «построить» всех в одну шеренгу. С тоской рассуждает он на эту тему: «... например, введение понятия “спеца” или “шкраба”: каждый из нас, образованных людей, получив ярлык спеца или шкраба, в своё время был подавлен, потому что чувствовал себя обезличенным в спеце или в шкрабе». (М. Пришвин. Дневники 1920-1922, М., 1995 – 1922, 15 января, с. 230).

В это время писателя всё больше мучает интеллектуальный голод: рядом не было людей его уровня образованности, разделявших его интересы, не с кем было обсудить всё, что его волновало. Он уже болезненно ощущал свою культурную изоляцию: «...создалось так, что у меня нет ни одной книги (кроме Ключевского и детских учебников), нет ни одной газеты (даже “Известий”, даже сельскохозяйственной), нет ни одного человека, мало-мальски меня понимающего». (Там же, 1922, 7 февраля, с. 235). Он уточняет, что выписывать газеты стало невозможно, поскольку их не доставляют: говорят, что их используют для самокруток и выкуривают по дороге.

В то время Пришвин очень страдает из-за тяжёлой болезни своего любимого сына Лёвы, который нуждался в серьёзной медицинской помощи. К тому же семейные отношения становились всё напряжённее, всё нетерпимее.

Нищета и дикая бытовая неустроенность привели к физическому и моральному страданию. Его признание вызывает чувство горечи: «Как я опустился в болото! Немытый, в голове и бороде всё что-то копается. Мужичья холщовая грязная рубашка на голое тело. Штаны продраны и назад, и на коленках. Подштанники жёлтые от болотной ржавчины. Зубы все падают, жевать нечем, остатки золотых мостиков остриями своими изрезали рот. Ничего не читаю, ничего не делаю. Кажется, надо умирать? Лезет мысль – уйти в болото и там остаться: есть морфий, есть ружьё, есть костёр – вот что лезет в голову». ((М.М.Пришвин. Дневник 1921, 11 мая, с. 177).

Он всё чаще задумывается о перемещении куда-то поближе к центру – мечты уже влекут его к цивилизованному быту и общению. И писатель, находясь в глухой провинции, размышляет: «Вся интеллигенция страны собралась в два гнезда – за границей и в Питере, одно эмигрантское, другое академическое, и спор идёт между этими двумя обществами, вся остальная страна живёт про себя. Попасть туда, наговориться, начитаться – как хорошо! и если при этом не забыть себя со своей пустыней, то может быть и очень даже полезно. Непременно надо поехать...». (Там же, 1921, 8 февраля, с. 236). Теперь эта мысль неотступно преследует его. В Дорогобужье приехал ради выживания – кажется, это уже удалось. Кажется, самое страшное, самое тяжёлое миновало.

Следует, однако, оговориться: желание вернуться к цивилизации для Пришвина совсем не означало разочарование в народе, – при всём его критическом отношении к невежеству, суеверию мужика, он понимал его природную здравость, он сохранял почтение к нему. Однако нельзя сказать, что в мужике он почувствовал родственную душу. Общение только с ограниченным кругом людей из другого слоя не могло удовлетворить духовные потребности писателя и мыслителя.

Он даже предпринял попытку уехать в Москву, поехал на станцию Дурово и целую неделю атаковал поезда, но там посадка была не просто в толчее, а «в драку», и уехать ему не удалось. Осуществилось его желание только 19 марта, когда с помощью знакомых удалось устроить возможность выезда. Приехали в Москву 21 марта 1922 года.

И тогда Пришвин жил в Подмоскowie – в деревнях Дубровки и Косино Талдомского района. Начался новый этап в жизни писателя.

Очень точно подметил К.Г. Паустовский: «Жизнь Пришвина – пример того, как человек отрешился от всего наносного, навязанного ему средой, и начал жить только «по велению сердца». В таком образе жизни заключается величайший здравый смысл. Человек, живущий «по сердцу», в согласии со своим внутренним миром, – всегда созидатель, обогатитель и художник». (Константин Паустовский. Золотая роза. М., 1983, с. 205).

Ольга МАТВИЕНКО

Кандидат филологических наук, заведующая научно-экспозиционным отделом литературно-мемориального музея Николая Островского в Сочи. Занимается литературным краеведением.

Активно публикуется в периодике.

«А ДУША ПОДОБНА ЧАШЕ, ПОЛНОЙ ПЕСЕН...»

ИВАНОВ Вячеслав Иванович

[16(28).02.1866, Москва – 16.7.1949, Рим]

Писатель, теоретик русского символизма, переводчик, филолог, философ, культуролог; противоречивый мыслитель, пытавшийся совместить в своем творчестве «эллинство» и «славянство», славянофильство и западничество, в итоге оказавшийся славянофилом – по форме, западником – по содержанию.

Основные сборники стихов – «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), «*Cor ardens*» (1911), «Нежная тайна» (1912). Сборник важнейших статей «По звёздам» (1909) окончательно утвердил Иванова в качестве мэтра русского символизма. Вместе с женой, Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, он создал у себя на Башне (так называлась квартира их на Таврической на шестом этаже) литературный салон. Вскоре «Ивановские среды», о которых слагались легенды, стали известны всему Петрограду. Завсегдатаями журфиксов по средам были А. Блок, Андрей Белый, Ф. Сологуб, Дм. Мережковский, В. Розанов, М. Кузмин, Н. Гумилев, А. Ахматова, Н. Недоброво, В. Хлебников, Н. Бердяев, Л. Бакст, К. Сомов, М. Добужинский, Вс. Мейерхольд и другие.

В Сочинском округе Вячеслав Иванов прожил с семьёй более года: с лета 1916-го до глубокой осени 1917 года. Здесь было написано множество лирических стихотворений, поэмы «Человек» и «Деревья», книга статей «Родное и Вселенское», эссе «Автобиографическое письмо», статьи о Скрябине, а также закончен стихотворный перевод трагедий Эсхила и «Новой Жизни» Данте в размере подлинников. Творческое

вдохновение подстёгивалось всем: необычностью маршрута и перво-зданной прелестью «необжитой Швейцарии», встречами с монахами, филосогами и поэтами, и, конечно, политическими событиями 1917 года...

На пути к вошедшему в моду высокогорному курорту Красная Поляна семье поэта пришлось поменять три вида транспорта: «Ехали мы до Туапсе <...> поездом, с пересадкой в Армавире и без особых опозданий (Выехали 26-го [мая], приехали 28-го в 5 часов вечера). Из Туапсе ехали на моторной лодке до Адлера (8-9 часов) и затем из Адлера на 2-х фаэтонах до Красной Поляны. В дороге мы провели неделю, т.к. два дня жили в Туапсе и в Адлере» (М.Е. и М.О. Гершензонам. 5 июля 1916 года).

Иванов Вячеслав Иванович. Семья.

Но все дорожные тяготы померкли перед величественной панорамой горного посёлка: «Красная Поляна действительно в высшей степени красивое и поэтичное место. Соединение юга и снежных гор, поток Мзымты внизу, горные ручьи по склону и чудесные девственные леса на всех горах и почти до самой синевы; вообще впечатление щедрости природы, которое я не испытывал, например, в Швейцарии. Дни жаркие, а вечера свежие и очень здоровый воздух <...> живём мы на самом живописном месте: несколько сот футов над долиной, окружённой лесом с трёх сторон, и имеем чудесный вид перед собой».

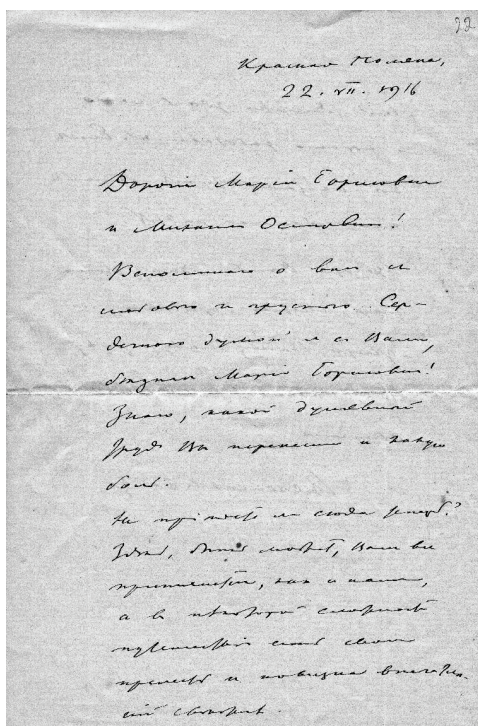
22 июля 1916 года Вячеслав Иванов напишет Гершензонам: «Мне теперь здесь легко и хорошо работается». Стихотворение «Дитя вершин» и восьмую строфу поэмы «Деревья» закончит 5 августа:

И первую мне Красная Поляна,
Затворница, являет лес чинар,
И диких груш, и дуба, и каштана
Меж горных глав и снеговых тиар.
Медведь бредёт, и сеть плетёт лиана
В избыточной глуши. Стремится, яр,
С дубравных круч, гремит поток студёный
И тесноты пугается зелёной.

Дочь поэта, Лидия Иванова, спустя годы вспоминала: «Медведей в Красной Поляне очень много <...> Он бурый, небольшой и вегетарианец. Только не нужно его пугать. Однажды монашенок <...> отец Маркел, со своей котомкой спускался по тропинке к речке; вдруг с той стороны русла ему навстречу медведь; о. Маркел так испугался, что, сам не зная, что делает, сел на землю, закрыл глаза и начал твердить молитву. Медведь удивился, остановился, постоял ... и исчез».

Именно отец Маркел был посредником между монахами-имяславцами¹, жившими отшельниками в уединённых кельях. «Он им носил провизию для зимы – муку, крупу, свечи, спички. Деньги о. Маркел добывал продажей мелких деревянных изделий – ложек, блюдечек, разрезных ножей, которые пустычники вырезали из красивого белого дерева, напоминающего слоновую кость и прозванного в этих местах «кавказской пальмой» (Л. Иванова).

С одним из «пустытников» удалось сойтись Вячеславу Иванову и его другу, философу Владимиру Эрну, автору «Верховного постижения Платона». Они закрылись втроем в комнате и долго, оживленно беседовали. После встречи друзья всерьёз

Иванов Вячеслав Иванович
22 июля 1916г.
Рукопись. Сочи

¹ Последователи схимонаха Илариона, автора книги «На горах Кавказа»; были насильственно выдворены и вывезены с Афона и расселены по разным обителям в России (определение Св. Синода от 29 авг. 1913 г.

обсуждали возможность переехать в окрестности Красной Поляны на постоянное место жительства и основать здесь духовное братство. Воспоминание об этих несбывшихся мечтах – в 10-й строфе поэмы «Деревья»:

Орешники я помню вековые,
Под коими мечтательный приют
Мы вам нашли, Пенаты домовые,
Где творческий мы возделали труд
С молитвенным соединить впервые;
И верилось: к нам общины придут,
И расцветут пустынным крином действия
В обители духовного семейства [*курсив мой* – О.М.].

Пребывание на Красной Поляне, в «тайнике живой Природы», оказало столь сильное впечатление на Вячеслава Иванова, что он решает не возвращаться на зиму в Москву и после двухнедельного курса лечения в Мацесте поселяется с женой и сыном в пансионе «Светлана» в Сочи, на Верещагинских участках. Здесь в октябре 1916 года, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, поэт закончит стихотворение «Виноградарь». В нём ветхозаветные мотивы и воспевания Пресвятой Девы Марии вплетаются в пейзажные зарисовки Кавказского Причерноморья:

То не белый бык бушует –
Бездна тёмная тоскует.
Гору пеной море моет,
Ходит, хлещет, хляби роет,
Роет, ропщет, воет, ждёт:
Скоро ль Гостя приплывет?
Час настанет, – вал отхлынет,
Понт лазоревый застынет
В несказанной тишине:
Богородица в челне
Светозарном выплывает,
Синеву переплывает.

Тут навековать мне радость;
Каждый вздох – медвяна сладость,
На Горе и в сердце – рай.
Море дикое, играй!
Лейся звонко, ключ нагорный!
Кипарис, безмолвствуй, чёрный!..

О повседневной жизни в пансионе «Светлана» Лидия Иванова писала: «В декабре я поехала в Сочи, чтобы там провести рождественские праздники. После снежной московской зимы было радостно видеть

Пансионат Светлана. Каталог открыток И.Сутковского

чёрную землю, траву, вечно зелёные деревья, даже цветы, – но, Боже мой, как человеку, попавшему на юг, приходится страдать от холода в этих лёгких домах с плохим отоплением! Чем южнее, тем холодней!

Среди пансионеров были певцы, один пианист; они устраивали музыкальные вечера. Вячеслав для забавы написал маленькую драматическую сценку, и Вера [жена поэта] устроила спектакль. Я забыла, о чём шла речь, но было что-то патетическое, и появлялся отравленный букет цветов»².

Во второй половине ноября в соседнем пансионе «Элит» поселяется Николай Недоброво, друг Анны Ахматовой и Вячеслава Иванова, поэт, «законодатель вкусов», «известный ревнитель словесности». Он тяжело болен, чахотка прогрессирует, и жена Николая Недоброво, Любовь Александровна, 1 декабря сообщает подруге В.А. Знаменской: «На даче рядом живёт Вячеслав Иванов с женой и маленьким голубоглазым Димой; это огромный для нас ресурс <...> он ежедневно заходит к Н.В. и очень, очень к нему мил».

Визиты Иванова к Недоброво не были дежурными встречами страждущего и утешающего. В предчувствии грядущих потрясений собеседники ожесточенно спорили о будущем России. Отзвуки этих страстных, полемических состязаний в стихотворениях Вячеслава Иванова «Наг возвращусь», «Ночное солнце», «Буди, буди!». В последнем – парадигма упований, породивших бескровную Февральскую революцию 1917 года.

² Стихотворные переводы Эсхила, сделанные В.Ивановым, изданы в серии «Литературные памятники», изд. «Наука», М., 1989

Страшно встретиться с Христом
Не во вретнице и прахе.
Легче каяться на плахе,
Чем на троне золотом.
Русь, в царьградскую порфиру
Облачась, не рабствуй миру!
Князю мира не служи!
«Мир» – земле, народам – «воля»,
Слабым – «правда», нищим – «доля»,
«Дух» – себе самой скажи!
Царству Божью – «буди, буди».
О Христе молитесь, люди!

Н. Недоброво в письме к А. Скальдину³ с определенной долей иронии и неприятия излагает взгляды собеседника: «Вяч[еслав] Ив[анович] <...> полон самого широкого оптимизма и фаталистически приветствует всякое свершение, так как, по его вере, всё, что теперь происходит, есть дело Архангела, представляющего собою Соборную Душу России, которая, по природе, праведна и, следовательно, хотя и имеет свободу совершить грех, но не может этого пожелать. В.И. кажется, что выдвигаемый ныне лозунг «земли» выдвинут чудесно, и он видит в нём как бы выражение стремления, ныне охватившего Россию, к особливому почитанию Образа Богородицы – Матери Земли. Это, мне кажется, кратчайшее и существеннейшее изложение его взглядов, выяснившихся из споров, об ожесточённости которых Вы легко сможете судить, лишь сравните наши точки зрения» (14 апреля 1917 года)⁴.

Когда весть о свершившейся февральской революции придёт в Сочи, Вячеслав Иванов, переживая духоподъёмный настрой, переплавит обуревавшие его чувства в поэтические строки. И даже в шутовском послании «Марусе» (март), зачин которого не предполагает философских выкладок, связанных с надеждами на возрождение России, поэт остаётся верен «злобе дня».

Из сонного Сочи
Подруге старинной
В канун имянинный
Урочный привет

.....

Дано ли в отчизне
Свободе расцвести?
Молитва ль всей жизни

³ Скалдин Алексей Дмитриевич (1889 – 1943) – поэт и прозаик, «последний петербургский символист», ученик и друг Вячеслава Иванова.

⁴ Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия // Вопросы литературы. 1998. Январь – Февраль. С. 134 – 156.

Свершилась? Быть может!
То знаешь Ты, Боже,
Единый? Но всё же
Стал мир многоцветней!
Надежда и радость –
И новая ль младость –
В душе окроплённой...

«Многоцветные» мотивы, рождённые Февральской революцией, будут жить в стихах поэта на протяжении всего пребывания на юге. 4 марта будут написаны «Моление Св. Вячеславу» и «Тихая жатва», в марте – «Поэт на сходке», в апреле – гимн «Мир на земле! На святой Руси воля!», 10 мая – «Вперёд, народ свободный», 21 мая – «В смутную годину», в начале июня – «Quia Deus», 5 июня – «Дикий колос». Наиболее стройно религиозно-мистическое восприятие Вячеславом Ивановым Февральской революции воплощено в стихотворении «Тихая жатва»:

Великий день священного покоя
Родимых нив, созревших для серпа!
И пусть вдали гремят раскаты боя,
И пусть душа усталая слепа,

Молчи, народ! Дремли, страдой измаян!
Чтоб в житницу зерно Своё собрать,
К тебе идёт с Рабочими Хозяин.
Ему вослед архангельская Рать,
Как облако пресветлое, с окраин
Подъемлется – за поле поборать.

Сочи, 4 марта 1917

Творческий подъём Вячеслава Иванова весенних месяцев 1917 года точнее всего передаёт цитата из стихотворения «Молодому поэту»: «Робким пальцам струны лада Непослушны; А душа подобна чаше, Полной песен».

Душа же отзывалась не только на злобу дня и эпохальные события 1917 года. 1 марта Вячеслав Иванов закончит лирическое стихотворение «Зимняя буря», классически безыскусное:

Гнёт и ломит ноша снега
Кипарисы нежные,
И корчует вал с разбега
Грабы побережные.
Всё смесилось в тусклой хляби
Твердь и зыби вьюжные.
Кто вас губит, кто вас грабит,
Вертограды южные?

Привычный строй поэтического языка Вячеслава Иванова, усложнённого инверсиями, перегруженного диковинной архаической лексикой и архетипами античных мифов, уступает место лирически безупречным строчкам о реалиях сочинской природы и в стихотворении «Светлячок»:

Дух-волшебник ночи южной
Светлячок к окну прильнул.
Словно в дом из тьмы наружной
Гость с лампадой заглянул;
Словно спутник снов бесплотный,
Миг свиданья упреждая,
Подал знак душе дремотной
Упорхнуть в дубравы рая.

Даже в стихотворении, озаглавленном «ЕВКСИН», кроме этого варианта русского произношения древнегреческого названия Чёрного моря нет ни одной фигуры речи, требующей пояснений и примечаний.

Ласточки вьют свой уют под окошком;
Зяблик слетает к рассыпанным крошкам
В трапезной нашей. За дверью горят
В садике розы: давно ль ещё, вешний,
Весь он белел алычой и черешней?
Лишь кипарисы всё тот же обряд,
Смуглые, мерно склоняясь, творят.

И хотя Вячеслав Иванов обозначил только год написания этого стихотворения — «1917», смена времён года выписана столь выразительно, что не составляет труда уточнить датировку: лето 1917 года.

Мрачную ноту в сочинские страницы жизни Вячеслава Иванова внесло известие из Москвы о смерти ближайшего друга поэта, русского философа Владимира Эрна (1881—1917). Лидия Иванова, дочь поэта, приехав на летние каникулы в Сочи, рассказала отцу о последних днях жизни Эрна «на берегу моря на скалах у самой воды»⁵. Одиннадцатая строфа поэмы Вячеслава Иванова «Деревья» и стихотворение «Скорбный рассказ» помогает понять, сколь горестной и невосполнимой была потеря:

На скорбные о том, как умер он, расспросы
Ты запись памяти, не тайнопись души
Читала нам в ответ; меж тем прибоя росы
У ног солёные лоснили голыши.
Как море, голос твой был тих; меж тем украдкой
Живой лазури соль кропила камень гладкий.

⁵ Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. /Подготовка текста и комментарии Джона Мальмстада. М.: РИК «Культура», 1992. С.72.

*В. Иванов.
Рис. Юон К.Ф., 1920 г*

События лета и осени 1917 года вынуждали Вячеслава Иванова усомниться в оптимистическом исходе грядущих перемен. Трагический ход истории требовал принятия кардинальных решений, и поздней осенью поэт возвращается в Москву. Золотая черноморская осень прощальным светом отразилась в последнем сочинском эпизоде 1917 года, в воспоминаниях дочери поэта: «Только что провели железную дорогу между Туапсе и Сочи (до того эти города соединялись моторной лодкой или автомобилем). Осложнялось дело тем, что железная дорога была готова лишь до Лазаревки, но т.к. по контракту она должна была быть проведена до Сочи, то отрезок пути от Лазаревки до Сочи был выполнен только по видимости: когда курица ходила

по шпалам, рельсы дрожали и норовили сдвинуться. Поэтому от Сочи до Лазаревки (около 15 вёрст) мы ехали с шести утра до семи вечера. Официальных билетов нам не дали, а разрешили на свой страх поместиться с багажом на платформе товарного вагона. На этой платформе мы провели ночь в Лазаревке, перед тем, как поезд двинулся дальше. Но какие звёзды над головой! Какой пейзаж! Это место, где главные цепи Кавказа подходят к морю совсем близко, как бы бросаются в него»⁶.

Над книгой статей «Родное и Вселенское» Вячеслав Иванов начал работать в Сочи. В «Автобиографическом Письме», написанном за несколько дней до февральской Революции для восьмого тома «Русской Литературы XX века», он подчёркивал: книга выражает «религиозно-общественное самоопределение», которое он обрёл в эти трагические годы. В последние дни октября 1917 года в Москве рукопись была готова к печати. Подводя итоги, Вячеслав Иванов писал в статье «Революция и народное самоопределение»: «Революционное состояние, при невозможности явить себя в творческом действии, принимает характер состояния болезненного, изобличаемого грозными симптомами всё растущего безначалия и общей разрухи, развитием центробежных, в разделении и раздоре самоутверждающихся сил и распадением целостного духовного организма народного на мёртвые части. Революция или оставит на месте России «грудю тлеющих костей», или будет её действительным перерождением и как бы новым, впервые полным и сознательным воплощением народного духа».

⁶ Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. /Подготовка текста и комментарии Джона Мальмстада. М.: РИК «Культура», 1992. С.73.

Грандиозные потрясения 1917-21 гг. изменили судьбу страны, будучность всех граждан бывшей Российской империи. Вячеслав Иванов с семьёй уехал сначала в Баку, преподавал в университете на кафедре классической филологии (1920-24), а в августе 1924 года эмигрировав в Италию, вновь поселился в Риме. Здесь в «Римском архиве» писателя хранятся рукописи писем, стихотворений, поэм, книг, написанных в Сочи.

В статье представлены фотографии из фондов литературно-мемориального музея Н. Островского (Сочи)

БИБЛИОГРАФИЯ:

Иванов В.И. Собр. соч. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971-1987. Т. II. С. 676; Т. III. С. 42-43, 46-47, 502, 503, 533-536, 567, 831, 832, 841, 845; Т. IV. С. 54-66;

Vjatcheslav Ivanov Research Center in Rome, 2006;

Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия // Вопросы литературы. 1998. №1-2. Январь – февраль. С.142–143;

Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. /Подготовка текста и комментарии Джона Мальмстада. М.: РИК «Культура», 1992. С. 50-75;

Русские писатели 20 века. Биографический справочник. М.: Большая Российская Энциклопедия – «Рандеву-АМ», 2000. С.301-303.

НАД КНИГОЙ

Андрей ЮРКОВ

Доктор технических наук. Рассказы и очерки публикуются в газете туристов, альпинистов и путешественников «Вольный Ветер». Рассказ «Первый горноспасатель» удостоен поощрительного приза газеты. В 2007 г. в московском издательстве «Memories» издана книга «Горные байки», которая стала дипломантом конкурса прозаических произведений «Герой нашего времени» МГО СП России в 2012 году.

О ВОЗРАСТЕ

Предлагаемый труд является взглядом на разные аспекты Возраста с точки зрения человека расширенного сознания и восприятия. *Автору не нравятся термины «ясновидящий» и «экстрасенс». Экстрасенс при первой возможности хватается за рамку или маятник, ясновидящий потусторонним голосом начинает что-то говорить про порчу и сглаз...*

А люди расширенного сознания и восприятия встречаются среди педагогов, священников, врачей, людей творческих профессий – писателей, музыкантов, иногда даже среди государственных деятелей.

Этот труд – скорее обобщение, сделанное автором и основанное, в первую очередь, на взглядах школы «Причина и Карма» под руководством В.П. Гоча [1,2]. Сокращённая версия этого очерка опубликована в «Рождественском сборнике – 2006».

Классификация на физиологический, ментальный и духовный возраст не всеобъемлюща – её можно дополнить и взглядами на возраст в плане других аспектов человеческого бытия. Можно, но представляется не очень нужным, и предлагаемая классификация кажется автору достаточной. Физическим возрастом человека будем называть его возраст по паспорту.

Физиологический (биологический) возраст

Известный мастер боевых искусств Китая Сунь Лутан в возрасте семидесяти двух лет (незадолго перед смертью) прошёл медицинское обследование в немецкой клинике. Там врачи констатировали отсутствие

каких-либо патологий здоровья, – согласно их заключению, по физическому состоянию тело мастера Сунь Лутана соответствовало мужскому телу 35-40 лет. Добавим, что даже в возрасте 65-70 лет мастер Сунь Лутан несколько раз выходил на боевые поединки с известными мастерами единоборств Китая и Японии и неизменно побеждал. Патриарх русского стиля рукопашного боя Алексей Кадочников, перешагнув и восьмидесятилетний рубеж, ведёт практические семинары по боевым искусствам.

Подобный феномен нередко встречается среди людей, практикующих йогу, методы очищения (Поль Брэгг) и цигун, реже – у спортсменов. Далеко не всегда такие люди переступают через рубеж 80-90 лет, но, как правило, почти до самого конца сохраняют бодрость и здоровье. *(Автор встретился с легендой советского альпинизма В.М. Абалаковым на лыжне – за 2 км до финиша 30-километровой дистанции. Абалакову было около 65 лет, но это не помешало ему со свистом обогнать упомянутого автора, в ту пору 20-летнего и имевшего 2-ой разряд по лыжам).*

Наоборот, к сожалению, не редкость люди, в 35 лет имеющие тело 50-летнего человека (одышка, проблемы с сердцем, избыточный вес...).

С самого начала определимся, что физическое тело человека – это инструмент для выполнения Задач. Не имея хорошего инструмента, выполнять поставленные задачи намного труднее. И задачей здесь является не выглядеть моложе своих лет по паспорту, а просто быть здоровым (хоть выглядеть моложе, начиная с определенного возраста, конечно, приятно). Поддержание физического тела в хорошем состоянии является прямой задачей хозяина этого тела – другие здесь не помогут (разве что советами). Наплевательское отношение к своему здоровью (часто в сочетании с потребительским отношением к медицине – «они обязаны, чтоб я был здоров, а не лечат» – довольно распространённый случай для людей невысокого уровня Духовного развития. Говорить, что все средства хороши для поддержания физического тела в хорошем состоянии, – не хочется, но спектр достаточно широк. Тут и упомянутые йога и цигун, народная и официальная медицина, методы очищения народной медицины, многие виды спорта, следование определённым диетам, отдых на природе и многое, многое другое.

Существует немалая группа лиц, для которых поддержание своего тела молодым становится основной задачей жизни. Если это основная Задача, а не подзадача для решения основных Задач, то, как правило, – это полная тоска для окружающих этого человека. Такие люди становятся заикленными на свои персоны. Нередко, самоизолируясь от общества с целью поддержания молодым своего тела, они начинают жаловаться на одиночество, на то, что их не понимают окружающие... Задачи не выполняются.

Но как чудесно воспринимается полный бодрости восьмидесятилетний велотурист, совершающий путешествие по городам Европы протяжённостью под 3000 км!

Ментальный возраст

Ментальный возраст связывают с накоплением и усвоением знаний. Безусловно, благородная задача, пока это не превращается в самоцель. Гиперразвитый ментал опасен, поскольку далеко не всегда даёт отдачу (не нацелен на выполнение задач, и, следовательно, обладатель такого ментала бывает настроен потребительски) и уводит от выполнения Задач. Иногда такие люди тяжело выносимы для окружающих. Частенько встречаются среди учёных, профессиональных научных сотрудников и преподавателей. Обычно гиперразвитый ментал встречается у людей с духовным уровнем развития Подростка и Юноши.

Духовный (психологический) возраст

В зависимости от достигнутого уровня психологического возраста человек наделяется определёнными качествами и специфическим взаимодействием с окружающим миром. Чем более высокой стадии развития достигает человек, тем более мощное воздействие на природу и других людей он может оказывать. Школа В.П. Гоча [1,2] выделяет семь стадий психологического возраста: Младенец, Ребёнок, Подросток, Юноша, Взрослый, Старец, Учитель. Полностью принимая эту классификацию, считаем, что правильнее возраст по этой классификации называть Духовным. Господь видит человека таким, каким он видится в Духовном плане.

Сразу оговоримся, что эту классификацию можно применять к людям, начиная с физического возраста 14-17 лет. До этого духовный и физический возраст, как правило, совпадают.

Младенец

Учится жить для себя. Мир и других людей делит на «Я» и не «Я». Не может предвидеть результата и последствий своего поведения и действий. В состоянии оценить (и то не полностью) только настоящий момент. Что было – то кануло, что грядёт – неизвестно. Не видит и не знает смысла жизни. Смерть действует на него завораживающе (может убить из любопытства, по крайней мере, животное). Речь строит неправильно, с ошибками. Питание – не более чем процесс насыщения, понятия о правильности пищи нет.

В Духе такой человек не видится, душа после смерти подвергается распаду, реинкарнации не происходит. Увы, в подобие такого состояния впадают некоторые старики, и это серьёзная проблема для их посмертного развития. Для Рода такой человек мужского пола безвреден (если случайно не совершает серьёзных прегрешений), Женщина такого уровня очень мало что может дать детям.

Ребёнок

Учится жить для семьи. Мир делит на «Я» и другие, мои и чужие. Стараются поуютнее устроиться в этом мире. Очень большую ценность для ребёнка составляют материальные блага. Ребёнок – это наиболее распространённый тип духовного возраста на Земле. Очень много людей уровня развития ребёнка в США и в Китае, но за Китаем стоит многотысячелетняя история.

Умеет собраться, но абстрактное мышление не развито, делит периоды жизни на дни и недели, но не умеет вписывать одну ситуацию в другую. Не может прогнозировать последствия и развитие событий. Ребёнок знает, что в жизни существуют правила, и зачастую очень любит их исполнять, почтителен, старшему преданно смотрит в глаза.

У ребёнка всё написано на лице. Если ребёнку объяснили, что этот вид еды полезен, то он будет выбирать именно этот тип еды, но систему питания не понимает. Смерть его страшит, ребёнок умирает долго и мучительно. Любит назидательно учить, основываясь на мнении старших и канонах. В религии для ребёнка очень важна обрядовость и каноны, священные тексты. Увы, ребёнок любит учить.

Ребёнок очень ценит и временами бравирует приобщённостью к внешнему благополучию – пять звёзд, VIP, бизнес-класс, мерседес... К сожалению, немало людей уровня развития ребёнка оказываются в элите общества в переходные периоды, когда ломаются сложившиеся устои и можно играть без правил. Когда переходный период проходит, элита общества становится несколько более духовно зрелой.

К сожалению, людей уровня развития Ребёнка довольно много среди педагогов, врачей, немало среди священников, довольно много среди государственных деятелей и менеджеров относительно высокого звена. В посмертии кое-что остаётся. Мужчины уровня развития ребёнка Род поддерживают, а вот женщины с непомерными потребностями (недопонятые обществом) частенько Род губят. (Пожилые женщины уровня развития ребёнка или деградировавшие в пожилом возрасте до этого уровня – большая беда и опасность для рода: своим осуждением всего окружающего и претензиями они перекрывают Будущее молодому поколению Рода). Дети Больших родителей – это, как правило, люди уровня ребёнка.

Подросток

Достаточно высокий уровень развития. Поскольку это уже относительно тонкий уровень вибраций, здесь возможно достижение не всех описанных ниже характеристик, а лишь части.

Подросток живёт для дела, старается развивать свои наиболее сильные стороны и способности. Оценивает свои возможности по сравнению с другими, не признаёт авторитетов. В других людях видит либо

соперника, либо спутника. Подросток уже по-настоящему способен любить Природу, Родину и быть серьёзным приверженцем религии.

Подросток живёт по чётким правилам, нередко он трудоголик и хозяин материального мира, любит пробовать престижные и деликатесные блюда. Довольно много людей уровня развития Подростка среди жителей Германии.

Подросток способен концентрироваться, видеть отдалённую перспективу, но в ближайшей ситуации много проблем со временем. Он считает, что времени постоянно не хватает или не хватит для выполнения чего-нибудь, отсюда стремление расписать всё по минутам. Боится умереть, поскольку всегда какое-то дело не завершено. Способен контролировать свои эмоции, способен пожертвовать здоровьем ради карьеры, но о Физическом теле заботится. Речь связная, предложения строятся правильно, но всё ещё не очень аккуратен в выборе выражений (Я пришёл по Вашу душу. По-моему, он заболел. Войдите в моё положение. Встаньте на моё место. Я заберу у вас пять минут. Ну, надо ж убить время! – Подросток может не отдавать отчёта, что этими фразами он сам себя тормозит в движении, отдаёт часть своих сил и возможностей).

Бывает, что Подросток, развивая абсолютизированную им же идею, создаёт себе уютный мирок, называет его главной идеей и задачей жизни и задерживается в развитии в этом мирке. Он горько причитает и пеняет на судьбу (на государство, начальство, близких...), когда ему перекрывают доступ в этот мирок или по каким-то причинам этот мирок распадается. Такая ситуация реже случается с Ребёнком (его мирок в основном связан с благополучием) и с Юношей.

Подросток уже иногда видится в духовном плане, но всё же мимо Учителя пройдёт, не заметив его. Учителем для Подростка может быть Юноша или Взрослый. Люди уровня Подростка и Юноши, ставящие себе слишком большие цели и слишком быстро устремляющиеся вперёд и вверх, обычно получают разлад по судьбе (как правило, временный, если хватает ума сделать выводы), но Роду это обычно не вредит. Человек уровня развития Подростка с переразвитым менталом может быть бедой для Рода и неприятным для окружения.

Юноша

Юноша учится жить для других. Как правило, любой человек, достигший Мастерства хоть в каком-то аспекте жизни, уже достиг в Духовном плане уровня Юноши. Юноша ценит одиночество, трудится во имя идеалов, у него появляется место в жизни. Мыслит на основе чувств, увлекаясь рассуждениями. Пытается найти истину, в связи с чем ищет Учителя. Может и найти, но, как правило, это Взрослый, даже иногда и Учитель. Любит анализировать, исследовать.

Сконцентрирован, жизнь делит на этапы, расставляя свои вехи. Юноша уже понимает, что мысль влияет на здоровье, он любит своё

тело, но пытается скорректировать его самыми жёсткими методами. В еде может легко сочетать несколько видов диеты, экспериментирует с пищей. Смерти он не боится, считает её одним из вариантов развития событий. Способен думать, не прерывая речи. Задаёт много вопросов собеседнику, просит многое уточнить.

Юноша всё-таки ещё не имеет чётких взглядов. Юноша видит главное и второстепенное, способен к серьёзному анализу ситуации. Юноша может быть учителем для Ребёнка и Подростка. На практике при благоприятных стечениях обстоятельств это реализуется (Взрослого Подросток и тем более Ребёнок чаще всего не замечают, а могут и оскорбить). У юноши часто бывает много нереализованных планов. В Духе заметен в некоторых аспектах.

Взрослый

К сожалению, Взрослых на Земле не очень много. Взрослый живёт для промысла Божьего. Мир делит на «Я», «Ты», «Мы», где «Мы» – часть чего-то целого.

Взрослый чувствует законы Мироздания. Поведение уравновешенное, стабильное. Уроки жизни усваивает с первого раза. Жизнь для Взрослого имеет ценность в качестве Бытия и Перемен. Взрослым быть нелегко. Однако потому он и Взрослый, что дорос до отношения к дуракам и невежам с уважением! (и это его главная защита, которой не обладают Подростки и не всегда обладают Юноши).

Речь чёткая, нет слов-паразитов. Проблемы решает быстро, имеет всё необходимое: авторитет, дело, место в жизни, необходимые деньги. Умеет работать, способен выполнить за несколько дней задачу, для решения которой другому потребуется месяц. Взрослый понимает, что возникающие проблемы – это его проблемы, и не обвиняет других в их возникновении. Взрослый видит знаки ситуации и использует их для создания будущего своих близких и себя. Он умеет радоваться простым радостям жизни, иногда ощущает озарение. Стремится к Истине, учит окружающих поведением и личным примером, его трудно вывести из себя.

Взрослый радуется своему телу, здоровье его не очень заботит, поскольку у него оно есть, но иногда требуется корректировка диетой или иной практикой. Имеет свою систему питания, которая подходит именно ему. Смерть воспринимает как трансформацию. «...не больничным от вас ухожу я, друзья, коридором, ухожу я, товарищи, сказочным Млечным путём».

Взрослый уже редко становится исполнителем кармы во взаимодействии с окружающими, чего не скажешь о Ребёнке, Подростке и Юноше. Ребёнок и Подросток становятся исполнителями кармы по отношению к окружающим с удовольствием, тем самым затрудняя свой путь восхождения. Взрослый, если и начинает выполнять эту функцию,

как правило, это очень мягкий вариант, не отягощающий или мало отягощающий его собственный путь и почти возвышающий окружающих, заслуживающих этого кармического воздействия. В результате этого они не чувствуют (или почти не чувствуют) обиды.

Большая удача, если человек уровня развития Взрослого становится государственным деятелем. Очень хорошо, если священник, педагог дорастают до уровня Взрослого. Ещё большая удача – Взрослый в Роду, это основание для благополучия Рода. Как облагораживающе действует на Род Взрослая женщина! (она не обязательно пожилая по паспорту).

От уровня Взрослого можно потихоньку говорить о Духовном Делании и Недеянии как способе гармонизации мира и окружения, хотя это скорее один из уделов Старцев и Учителей.

Старец

Старец живёт ради самой жизни. Для него «Я» есть все «Мы». Старец живёт в благодати, источая её своим присутствием. Он испытывает почти постоянное просветление, способен взаимодействовать со Стихиями. Старец уже в полной мере является Со-Трудником и Со-Ратником Господа, не отделяя себя от воли творца.

Здоровье – неотъемлемая часть его существования. Смерть Старец воспринимает, как необходимый и естественный процесс зная, что будет дальше. Старец умеет разговаривать с животными и растениями. В еде он довольствуется малым и необходимым.

Видит подобное в подобном, оперирует парадоксами. Прямо и непосредственно видит Причину. Взгляд глубокий и лучистый.

Старцев мало. Встретить Старца – большое счастье. По китайской Книге Перемен «встретить Великого Человека – поворотный пункт в судьбе». И, увы, многие проходят мимо... Старец редко может быть учителем для Ребёнка и для Подростка – для них это слишком высокий уровень развития, но может подтолкнуть к перемене. Если человек готов к такой встрече, то бывает достаточно и недолгой беседы или просто краткого разговора для того, чтобы принять решение изменить что-то в судьбе. Но во второй раз встреча может не повториться... И не пытайтесь прикинуть к нему надолго – как правило, Судьба посылает Вам встречу на недолгое время для перехода на более высокий уровень. Существуют опасности желания «прилипнуть» к тонким и источающим благое вибрациям Старца.

Старец на Род обращает, казалось бы, немного внимания – но он очень благоприятно влияет на Будущее Рода и без советов гармонизирует жизнь своих близких. Старец способен на определённый период времени облагородить место и часть пространства, которые он выбирает для жительства, что отмечается практически всеми религиями.

Учитель

Их единицы: Будда, Христос. Они занимаются собой, то есть проявлением Бога в себе. Их не любят официальные религиозные доктрины. Учитель занимается просвещением, он создаёт учение, чтобы открыть путь человечеству. Он может делать то, что люди называют чудесами. Своим присутствием Учитель меняет всё в мире.

Слова в Дорогу

Путей много, но Путь к Всевышнему – один. И этот путь – Духовный Рост. Каждый путь – индивидуален, и нет рецепта, как дорасти до уровня Взрослого, хоть ориентиры и обозначены. Хорош Путь Деяний, хорош и Путь Духовного Делания, но последнее – удел немногих избранных. До уровня Взрослого основным путём является Путь Деяний, по возможности (и в меру развития) сопровождаемый Духовным Деланием.

ИСТОЧНИКИ:

1. В.П. Гоч, С.В. Белов. Теория причинности. Киев, Ника-Центр, 1999.
2. Нестеров М.Е. Проблемы доверительных отношений, в книге В.П. Гоч, В.А. Старцев. «Знаки Пути», Симферополь. Радо, 2001.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Наталья КИМБЕР-СУХАНОВА

Детский писатель, член СП России, Международной гильдии писателей. Автор благотворительно проекта «Наташины сказки и Камнерезное искусство России». Дипломант международного конкурса «Её величество книга!» в номинации «Книжкин дом» (2013, 2014). Участница 32 Парижского книжного салона-2012, «Книги России» (2011 – 2014), Московской Международной Книжной выставки (2011 – 2013). Живет в Москве. Окончила МГИК. «Наташины сказки» печатались в журналах «Новая деревня» (2005, 2006) и «Свой» Никиты Михалкова (2006), «Российский колокол» (2011), интернет-журнале «Кольцо А» (2014), литературном альманахе «Золотое руно» (2014). Автор книг «Наташины сказки» (2011), «Принцессы острова» (2012), «Озеро добрых бегемотов» (2014).

ЗАГАДОЧНОЕ БОЛОТО

Сказ(ка)

Многое и не припомнишь. Ведь прежде люди старинного закала были, жили не тужили, и мудрость не в бороде, а в голове держали. А уж как сказывать станут про крепости давние, ручьи медовые samotёчные да болота неведомые, наперёд трижды перекрестятся да Бога помянут, тут и добро вспомняется, и лихо не забудется.

У нас и теперь от чудес глаза разбегаются. На горку поднимешься – там купавка, словно заря луговая, средь травы всходит, а за перелеском – лес яблоневый будто снежным покровом застилается. От тишины дух захватывает, слышно даже, как трава растёт. Глаза зажмуришь – а жаворонки-то поют-заливаются... И не подумаешь, что в этакой красоте – такое случиться могло.

За рекой, у края леса, мельник жил. Нрава он доброго был и годами не старый. Истинный мужчина – и силен, и волен, и крепок – мало таких. За разумным словом и по делу народ к нему отовсюду ехал. Ветрянка-мельница ему от деда досталась. Как-то собрался он за зерном в дальнее село, там и повстречал женщину. Полюбили они друг друга, вскоре и свадьбу сыграли. Только Бог детей им не дал. Взяли из

соседнего села сиротку, девоньку лет десяти. Косыньки у неё светлые, глазки ясные, смышлёная и во всём помочь норовит. Откуда такая взялась? За слово ласковое и доброту сердечную мельник с женой в девоньке души не чаяли, и не родное дитя, а любимое.

В те времена на наши лесные приволья люди семьями переселялись. Из простого ли, знатного ли рода появился в селе молодец. Вот уж парень мастеровит! Сила плотницкая в руках, будто родился с топором. Избы рубить станет – всё с потайкою делает: то в углы дома деньги заложит – к богатству, то зерно – чтобы хлеб не переводился. Без дела ни минуты не сидит. Как умается порой, вечером к реке выйдет, лежит, природой любит. Там он и мельника повстречал. Сядут на берегу вдвоём, и о чем-то всё толкуют.

Как-то раз надумал мельник свою ветрянку по-новому крылить и зовёт плотника в дом посоветоваться о деле. Жена да дочка стол накрывают, угощенья ставят. Парень глядит на девоньку и будто разговор с ней ведёт да послушаться не может. У неё щёки разругались, глаза синее неба.

Плотник и говорит мельнику:

– Подожду, как подрастёт девонька, так сватов зашлю. Отдашь ли её за меня?

– Коли мил девоньке будешь, стены не поставлю.

Попили, поели и уговорились по зиме лес заготовить, а с весны начать меленку ладить. Да случилось вот как.

Снег уже на зиму лёг, как по селу слух прошёл. Везли мужики соль на санях. Ехали лесом, самой его кромкой, и видят: у дороги на камне мужик раздетый сидит, еле живой, окоченел, дрожит весь. Добрались до села, стали его отогревать, он чуть оправился и рассказал:

– Иду по дороге, замёрз. Вижу: у леса девица в красной сарафанке, с корзинкой стоит и рукой к себе манит, на печку зовёт. Я и пошёл за ней. «Чудно, – думаю, – кто такая? Глянул ей в глаза – они злющие! Уж больно лиха девка».

Мужики удивляются:

– Так ведь зимой с корзинкой кто пойдёт? Знамо дело! Лешачиха была!

К лесу стало боязно ходить, только служилые люди нет-нет да проедут по делам. А мужика-то того к жене отправили в дальнюю деревню, да недолго он жил – помер, видать, остыл сильно.

Мельник выйдет, у леса краем походит. Тихо всё кругом.

А тем временем повздыхали-поохали люди, скоро поуспокоились и страшиться перестали.

Вот однажды плотник поясом полущубок подпоясал, топор за спину заложил и направился в лес. Вечером вернулся и рассказывает мельнику:

– Как к лесу завернул, вижу: женщина стоит вся в чёрном, одежда ненарядная, волосья растрёпаны и рукой к себе манит. Я скорее пошёл краем – она ко мне, я в лес – и она за мной.

Мельник говорит:

– А спрашивала ли о чём?

Плотник и хотел сказать, да замялся, промолчал. Мельник с женой да девонькой с крыльца провожают его, а у него глаза печальные, и весь он словно потухший. А наутро захворал, из дома не выходит. Говорят, напала на него лихоманка – трясёт его, знобит. Навещали плотника мельник с девонькой. И ведь смелая какая малышка! Сядет рядом тихонько, да так и глядит молча на парня, как видно, душа душу-то понимает. Скоро плотник на поправку пошёл, да только переменялся, чудить начал. Люди его сторониться стали.

Как-то раз хватились – а плотника-то нет, и дом пуст. Никто его не видел, но поговаривали, будто у дома нищенка-побирушка ходила, да толком никто ничего не знал. Везде искали, но ни слуху ни духу о нём. Видно, парня к себе в клетуху лешачиха заманила. Хорош был мастер, и руки золотые, да так и пропал.

Снег сошёл, тут и весна пришла. Народ к лесу стал стёжки прокладывать: кто идёт лыко драть, а кто лесосеки расчищать.

Собрался мельник в лес, и девонька с ним напросилась. Он ветки на веники рубит, а дочка собирает их да вяжет. Кругом куста обошла и вмиг неведомо где оказалась. Под ногами болото трясушее, и куда ни глянешь, туман пеленою стелится. Ступила она на кочку, стоит – не шелохнётся: рук, ног не чувствует, а вода уже к коленям подступает. Вдруг сквозь туман видит: кто-то рубит в кустах, да только стука не слышно. Со всей моченьки она батюшку зовёт, кличет, а звук нейдёт, и никто на голос её не отзывается. Глядь, а по болоту кто-то лохматый бежит, глаза огнём горят, злобой пышут; и как будто человек, да и на человека вовсе не похож. Она от страха ручки на груди сложила, молит батюшку, на подмогу зовёт. А тот, лохматый, топором размахивает, грозит, кричит ей, а она не слышит. Только и успела крикнуть: «Прощай, батюшка, прощай, матушка! Прощай, родной белый свет!». Перекрестилась девонька – и мигом болото пропало.

Стоит она чуть жива, от страха дрожит, слова вымолвить не может. Мельник подхватил дочку на руки. Обернулся – и глазам своим не верит: перед ним плотник стоит, в чём душа держится; не узнать его – отощал, космами оброс, лицо страшное. Бросил он топор, и будто с глаз дурман сонный спал.

Правду говорят: «Один-то со страху ожил, а другой чуть не помер». Насилу мельник обоих до дома довёл. Пока они лесом к дому шли, над селом злой вихрь пролетел. На домах крыши разорил, завалил меленку, теперь ни старой, ни новой нет. Запечалились мельник с женой: меленки нет, и девонька молчит – от всего слеза навёртывается.

Плотник-то, как в себя пришёл, рассказал мельнику:

– Поманила в лесу лешачиха к себе, говорила, чтобы помог избушку ей городьбою обнести, обещала кормить сытно. Я и пошёл. Болото коляями огораживаю, к обеду приду – она накормит травой гнилой,

а пить вовсе не даёт. У меня всё в душе высохло, из сил выбился, а пить так и нет. Гляжу: среди болота девонька стоит, обрадовался, бегу к ней, кричу, что пить хочу. Вижу: она ладошки сложила, а там будто вода. Думаю: только бы не пролила! Добежал, и будто глоток сделал, чувствую – ожил, а то погибал без воды.

Мельник радуется:

– Ну ладно! Коли ты, парень, из такой переделки вышел, то теперь уж не пропадёшь.

Сложил мельник нажитое добро на подводу, посадил жену с дочкой, и поехали они за реку, на новое место. Распрощались перед дорогой. Плотник смотрит на девоньку – она молчит, только рукой машет. Начал мельник обживаться, делом занялся, бортником стал. Дочка ему помогает. С весны до осени вокруг пчёлки крутятся. Пчёлки в дуплах гнёзда строят, молодых выращивают да нектар с цветов собирают. У мельника мёд ручьями течёт. Мельник позажиточней соседей стал.

А плотник, с той поры, как топор кинул в лесу, за какое дело ни возьмётся, а всё толку нет. Выйдет к реке, на другой берег посмотрит, а сердце изнывает, тоскует видно по девоньке. Как-то раз собрал он пожитки и поехал в посад кромкой леса. Глядь: над ним, откуда ни возмись, рой пчелиный жужжит, окружили его пчёлы – того гляди закусуют. Он глаза от страха зажмурил, а как открыл – ничего не поймёт: вокруг свет яркий, а в нём золотая пчелица стоит, словно царица, в платье блестящем, шелковистом, а свиты вокруг видимо-невидимо.

Говорит она голосом человеческим:

– В посад к девоньке собрался, а топор-то бросил? Плотник при топоре должен быть, с ним весь свет пройдёшь, на любую стену взойдёшь! – важно произнесла пчела.

Моргнуть не успел, как рой улетел, а на дороге его топор лежит. Плотник в толк не возьмёт:

– Что за чудеса!

Поднял он топор – и в дорогу.

До посада добрался, а у мельника уже дом высокий стоит с ажурной резьбой да с оконцами стекольчатыми. Хочется плотнику девоньку увидеть, а она на улицу глаз не кажет. Всё же упросил её, вышла она на крыльцо. В сарафане расшитом. В косах ленты яркие.

– Прости меня, девонька! Напугал я тебя не по злему умыслу. Скажи хоть словечко, душа моя! Всё для тебя сделаю! – просит парень.

Только молчит девонька, плотник в глаза глядит ей, а они искрятся, тепло излучают. У него на душе светло стало.

Домой радостный вернулся, в руки топор взял да призадумался.

А наутро созвал знающих людей, и надумали они крепость возводить в посаде. Долго ли, коротко ли, со всех сторон стены крепкие поставили, а посередине посада, на площади, башенку с окошками возвели.

Плотник и для себя хоромы выстроил просторные, высотой в два яруса. По одну сторону – сени с переходами, а по другую – светёлка с окнами.

Над сенями – высокий куполок сделал, словно соты пчелиные, из ячеек шестигранных. На солнце куполок переливается, светится, будто медовый.

Собрались люди посадские, на крепость любуются, удивляются.

Тут и мельник с женой и дочкой идут. Плотник их в хоромы зовёт, всё показывает. Взглянула девонька на куполок медовый да воскликнула:

– Батюшка! Матушка! Вот так диво! Видно, мать-пчелица свою тайну мастеру поведала!

Мельник с женой на радостях дочку целуют да обнимают!

А девонька на молодца глядит, улыбается! Поклонился он ей, взял за руку:

– Для тебя, краса ненаглядная, хоромы строил я! За дары мои не прогневайся! Стань лучше женой моей единственной!

Раскраснелась девонька. Головкой кивает – согласиём отвечает.

Тут стал молодец мельника с женой просить-упрашивать:

– Отдайте за меня девоньку, я её вовек не обижу и любить до конца дней буду!

– Что ж! – отвечает мельник, – видно, пришёлся ты по сердцу дочке нашей! Вижу, за таким мужем она в другой раз сиротой не станет!

Скоро свадьбу сыграли. Собрались на пир гости званые. Под медовым сводом на резных лавках сидели, за дубовыми столами мёд-пиво пили. Молодых величали да наказывали им в любви жить-поживать да в труде добро добывать. Плотник-то, говорят, вскоре воеводой в крепости стал, а деток у них было, что пчёлка в улье.

С той поры сколько снегов сошло – не знамо, не ведомо. И от былого нам чуть осталось: вот речка бежит себе, камешками звенит-позванивает, над полями солнце ясное всходит, и хлеба, в снопы связанные, стоят, да колосьями, будто судьбами людскими, заплетёны. Поутру сама видела. Уж больно красиво.

СВЕТЛЯКИ-МЕТЕОРИТЫ

У реки переполох
учинил Чертополох:
рассказал, что ночью с неба
вот уже три дня подряд
стаи светляков летят.

Эту новость подхватили
Две Кудрявые Ольхи
и повсюду говорили,
будто эти светляки
ходят-бродят вдоль реки –
под мостом у водопада
будто слышали шаги!..

Гном узнал от Лопуха,
что Большого Светляка
отыскали у реки
Длинноусые Жуки.
Он лежит на берегу
и не светит, не летает,
только тяжело вздыхает.

Ночью Гном пошёл к реке
и увидел вдалеке:
огоньков парящий рой
закружился над горой.

Гном подумал: «Светляки –
вряд ли наши земляки,
рой с космической орбиты –
светляки-метеориты!

В космосе они летают
и, конечно, много знают
про Луну и про кометы,
и далёкие планеты!»
Вот какой учёный Гном!
Расскажи друзьям о нём.

Екатерина КАЮРОВА

Журналист, литератор, поэтесса. Окончила филологический факультет РУДН, Москва. В настоящее время работает в Тульской областной детской библиотеке. Проза и стихи публикуются в городских, областных периодических изданиях, поэтических сборниках, альманахах. Автор двух сборников стихов: «Солнечная девочка» («Прикосновение», Тула, 2007), «Золотой букетик солнца» («Пресса», Рязань, 2012). Редактировала детско-юношеский журнал «Незабудка» (Тула) и сборник «Сказочный мир».

ВСЛЕД ЗА СОЛНЫШКОМ

Золотистым жёлтым шаром в небе солнышко плывёт,
и молочным тёплым паром от реки туман идёт,
ветер тёплой ладошкой гладит травы на лугу,
я вприпрыжку по дорожке вслед за солнышком бегу!
Акварелью голубою разрисован неба зонт.
Облака спешат гурьбою в даль, за синий горизонт...
Я лечу за солнцем в лето мимо лесополосы,
и салютом разноцветным с веток – капельки росы!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРО ЖИЗНЬ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. Жить лучше, чем хорошо. <i>Из дневника писателя</i>	6
Людмила ПОПОВА. Остап и Микола. <i>Рассказ</i>	11
Борис КУЗИНА. Часы Эрнесто. <i>Рассказ</i>	15
Галина МЯЗДРИКОВА. Бальное платье. <i>Маленькие рассказы</i>	23
Евгения МЯЗДРИКОВА. Электронная очередь. <i>Маленькие рассказы</i>	25
Ирина СОТНИКОВА: Жужа: <i>Рассказ</i>	27
Елена КАТРИЧ. Старое пианино. <i>Отрывок из романа «Дом дождя»</i>	31
Ольга РЕЙМОВА. Иглоукальватель. <i>Рассказ</i>	33
Дмитрий БОГДАН. Продавец кваса. <i>Рассказ</i>	35
Лора ВЕСЕЛОВА. Два шарфика. <i>Рассказ</i>	38
Светлана ГЕРШАНОВА. Фуршет. <i>Рассказ</i>	41
Андрей СЕМЁНОВ. Мёртвые души. <i>Миниатюра</i>	46
Евгений СКОБЛОВ. Главные выводы. <i>Рассказ</i>	47
Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ. Богоугодное дело. <i>Отрывок из романа «Господи, сделай из моего ребра рояль!..»</i>	49

МИСТИЧЕСКИЕ ВИТРАЖИ

Ник ОДИНЦОВ. Чёрный зонт. <i>Легенда</i>	52
Юлия АРЕШЕВА. Невеста. <i>Рассказ</i>	56
Марина БОЧАРОВА. Глава III «День рождения юного Людовика» <i>из «Повести о Гомункуле»</i>	60
Мишель АРТ. Ночные волки и... овцы. <i>Мистический рассказ</i>	66
Надежда КАЩЕНКО. История Эммануила и его трагической любви. <i>Отрывок из повести «Дети Вечности»</i>	69

ДЕБЮТ В ВИТРАЖАХ

Анатолий ГРЕБЕНЬ. А.П. Коршун. <i>Рассказ</i>	73
--	----

ВИТРАЖИ ПРОШЛОГО

Леонид ЛАБАЗНИКОВ. Можайский базар. <i>Очерк</i>	78
Лариса ПРИЛИПОВА. Письмо маме. <i>Воспоминания</i>	81
Анастасия САЙКО. Моя подруга бабочка. <i>Воспоминание из детства...</i> <i>Реальная история...</i>	84

ВИТРАЖИ В ВИТРАЖАХ

Елена ТКАЧЕВСКАЯ. Витраж из восьмистиший	86
---	----

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН. Уходит, словно сон тяжёлый... <i>Стихи</i>	94
Христиана РОСС. «Поцелуй» к картине Климта «Поцелуй». <i>Стихи</i>	99
Людмила САНИЦКАЯ. Деревья. <i>Стихи</i>	103
Галина МЯЗДРИКОВА. Всё вдруг! <i>Стихи</i>	106
Ирина ВЛАСКИНА. Ангел мой. <i>Стихи</i>	107
Мария НИКОЛЬСКАЯ. Сумерки к асфальту прикоснулись... <i>Стихи</i>	110
Марина ЗАВЬЯЛОВА. Весенний день. <i>Стихи</i>	112
Людмила ОСОКИНА. Зеркало. <i>Стихи</i>	113

Ольга ЕДУТОВА. Солнечный ветер. <i>Стихи</i>	116
Элла МЕРКУЛОВА. К. В. Ковальджи. <i>Стихи</i>	118
Наталья ПУНИНА-ОРЛОВА. Сдаётся дом у моря... <i>Стихи</i>	119
Владислав ДОБРОСЛАВСКИЙ. 22 июня. <i>Стихи</i>	121
Нонна ИСАДСКАЯ. Окно. <i>Стихи</i>	126
Елена БЛИСКУНОВА. Ещё не поздно чувства укротить... <i>Стихи</i>	127
Любовь ПОЧИВАЛИНА. Зима в Москве на зиму не похожа... <i>Стихи</i>	130
Дмитрий ТЕРЁШИН. На гонения обречены... <i>Стихи</i>	133
Анастасия САЙКО. Дочь загадочных снов Хуанхэ. <i>Стихи</i>	135
Елена ТЕМЧЕНКО. Сад. <i>Стихи</i>	137
А.ВОЛЛИС. Диптих «Детство». <i>Стихи</i>	141
Андрей КАЛЕЦКИЙ. Любимая царица. <i>Стихи</i>	145
Валерий ШУВАЛОВ. Хмурая весна. <i>Стихи</i>	147

ГОСТИ ИЗ ДАЛЕКА

Инна БОГАЧИНСКАЯ. Правда в ногах есть... <i>Стихи</i>	150
--	-----

ВИТРАЖИ ПАМЯТИ

Юрий ВЛОДОВ. Пушкин. Из книги «Портреты». <i>Стихи</i>	156
---	-----

ПЕРЕКЛИЧКА ПОКОЛЕНИЙ

Кирилл КОВАЛЬДЖИ. К портрету Владимира Ивановича, моего отца. <i>Очерк</i>	160
Из стихотворений моего отца – ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА КОВАЛЬДЖИ	169
Кирилл КОВАЛЬДЖИ. Отцу. <i>Стихи</i>	171
И ещё один Владимир... Владимир Кириллович КОВАЛЬДЖИ. Поэт и Бог. <i>Стихи</i>	173
Кириена Ивановна КУЗНЕЦОВА. Дочери. <i>Стихи</i>	176
Екатерина КАЗИМИРОВА. Дочь Кузнецовой Кириены Ивановны. Вербное. <i>Стихи</i>	179
Петр КАЗИМИРОВ. Сын Екатерины Казимировой. Зверёк. <i>Рассказ</i>	181
Тамара Ивановна ДЕНИСОВА. Деревня Житниково. <i>Стихи</i>	183
Лариса ПРИЛИПОВА. Дочь Тамары Ивановны Денисовой. Сад. <i>Стихи в прозе</i>	184
Евгения МЯЗДРИКОВА. Машина из будущего. <i>История с продолжением</i>	185
Галина МЯЗДРИКОВА. Станный сон Анны Петровны. <i>Продолжение истории</i>	186

ПРОГУЛКИ ПО ЕВРОПЕ

Светлана АРРО. Пещерный путь. <i>Стихи</i>	188
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла ВАЛЬКО. Незабываемые дни в Венгрии. <i>Впечатления</i>	195
--	-----

И СМЕХ, И СЛЁЗЫ

Андрей КАЛЕЦКИЙ. *Шуточные стихи, эпиграммы* 200

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ. *АЩеЖуковки в прозе. Миниатюры, байки, наблюдения* 202

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯД

Евгений ЛЕСИН. *У птиц опять волнение и свара... Стихи* 211

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Евгений БУЗНИ. *Не трогать русский язык без перчаток, если руки ваши нечисты! Статья* 216

В ЛАБИРИНТАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ИЗЫСКОВ

Елена АНАНЬЕВА. *Находки. Стихи* 223

ПОЭТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП 226

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Владимир НОВИКОВ. *Первые контакты иностранцев с Россией. Очерк* 230

С ДРУГОГО ЯЗЫКА

Арон ГААЛ. *Единственная навечно... Пер. с венгерского* 235

НАУЧНЫЙ ЭКСКУРС В ЛИТЕРАТУРУ

Эльмара ФАУСТОВА. *Пришвин в Дорогобужском крае. Очерк* 238

Ольга МАТВИЕНКО. *«А душа подобна чаше, полной песен...»* 254

НАД КНИГОЙ

Андрей ЮРКОВ. *О возрасте* 264

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Наталия КИМБЕР-СУХАНОВА. *Загадочное болото. Сказ(ка)* 272

Екатерина КАЮРОВА. *Вслед за солнышком. Стихи для детей* 278

ВИТРАЖИ №2(3)

Международный литературный альманах

Выпускающий редактор

Эльмара Фаустова

Ответственный редактор

Татьяна Гржибовская

Дизайнер

Станислав Чижевский

Верстальщик

Андрей Пельменёв

В оформлении обложки использована работа
американского художника и дизайнера
Луиса Комфорга Тиффани (1848 - 1933)

Издательство ООО «СовЛит»

Директор

Марина Чайкина

Адрес электронной почты
dauria-vl@yandex.ru

Телефоны:
+79268503605; +79060618269

Подписано в печать 19.01.2016 г
Объём 14 печ.л. Формат 70x108/16
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28,
Тел. (495) 651-84-56